

Министерство культуры
Хабаровского края

Хабаровский научный
центр ДВО РАН

Дальневосточная
государственная
научная библиотека

научно-практический журнал

*История
и Культура
Приамурья*

1/ 2007

Состав Редакционного совета

Минакир Павел Александрович

председатель
(Хабаровский научный центр ДВО РАН)

Федосов Александр Вячеславович

сопредседатель
(министерство культуры Хабаровского края)

Березницкий Сергей Васильевич

(Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН)

Букреев Александр Иванович

(Российская национальная библиотека,
г. Санкт-Петербург)

Гринкруг Лев Соломонович

(Дальневосточная государственная
социально-гуманитарная академия)

Иванченко Сергей Николаевич

(Тихоокеанский государственный университет)

Качанова Елена Юрьевна

(Хабаровский государственный институт
искусств и культуры)

Климов Сергей Михайлович

(Межрегиональная общественная организация
«Общество «Знание», Санкт-Петербургский
институт внешнеэкономических связей,
экономики и права)

Костенко Михаил Иванович

(Дальневосточный государственный
гуманитарный университет)

Кудашов Виктор Николаевич

(Хабаровский институт инфокоммуникаций,
филиал Сибирского государственного
университета телекоммуникаций и информатики)

Кузьмин Алексей Сергеевич

(Национальный Университет —
Высшая Школа Управления, г. Москва)

Лихобабин Владимир Алексеевич

(Хабаровская государственная академия
экономики и права)

Мальшев Владимир Сергеевич

(Всероссийский государственный институт
кинематографии им. С. Герасимова)

Островский Александр Борисович

(Российский этнографический музей,
г. Санкт-Петербург)

Разлогов Кирилл Эмильевич

(Российский институт культурологии,
г. Москва)

Солонин Юрий Никифорович

(Санкт-Петербургский государственный
университет)

Флиер Андрей Яковлевич

(Высшая школа культурологии Московского
государственного университета культуры и
искусств, г. Москва)

Чебанок Татьяна Алексеевна

(Комсомольский-на-Амуре государственный
технический университет)

Шейкин Юрий Ильич

(Государственный арктический институт
искусств и культуры Республики Саха
(Якутия), г. Якутск)

Шумейко Александр Александрович

(Амурский гуманитарно-педагогический
государственный университет,
г. Комсомольск-на-Амуре)

Обращение к читателям Губернатора Хабаровского края В. И. Ишаева	5
Слово главного редактора	6
Актуальная проблема	
Событие года	10
А. В. Федосов	
Художественно-эстетическое образование в отраслевой системе культуры Хабаровского края	
<i>О состоянии, проблемах и перспективах развития художественно-эстетического образования в Хабаровском крае</i>	14
А. А. Базилевский	
Художественно-эстетическое образование в структуре образовательной политики Хабаровского края	
<i>О роли художественно-эстетического образования в реализации образовательной политики Хабаровского края</i>	24
Точка зрения	
А. Я. Флиер	
Научные основания законодательства о культуре	
<i>В статье на основе анализа двух оппозиционных подходов в понимании культуры предлагается авторская точка зрения научных оснований дальнейшего развития отечественного законодательства о культуре</i>	34
Социокультурная реальность	
Л. Е. Бляхер	
Политические мифы и политическая культура Дальнего Востока России	
<i>О политическом мифе как основе для манипуляции массами, фундаменте выработки идеологии и об особенностях политического мифогенеза Дальнего Востока</i>	44
Н. И. Рубан	
Музеи, их влияние на отражение исторических процессов в обществе, на развитие национальной культуры	
<i>О роли музеев в культурном развитии общества и процессах возникновения и формирования музея как социокультурного института</i>	58
Историописание	
Н. И. Дубинина	
Генерал-губернаторская власть в Приамурском крае: ее особенности и эволюция	
<i>Обобщение отличий генерал-губернаторской власти в Приамурском крае от генерал-губернаторской власти в других российских регионах, выявление изменений местной власти под влиянием комплекса факторов местного и общероссийского характера</i>	68
Ю. В. Пикалов	
Становление школьного образования на Дальнем Востоке РСФСР в 1922 — 1941 годы	
<i>Основные вопросы развития системы школьного образования, подготовки учительских кадров, строительства школ, проблемы образования национальных меньшинств, коренных малочисленных народов Дальнего Востока России</i>	86

Научные сообщения

А. А. Асеев

Особенности административно-территориального деления на Дальнем Востоке России

Об особенностях национального районирования в Дальневосточном крае, противоречивой политике государственного строительства в отношении коренных малочисленных народов в первой половине 1930-х годов XX века

98

О. А. Ракова

Становление и развитие кинопрокатной деятельности в Николаевском районе в 20–80 годах XX века

В статье исследуется ранее не изучавшаяся история становления и развития в советский период кинопрокатной деятельности на территории Николаевского района Хабаровского края

108

Артефакт

И. Я. Шевкомуд, Фукуда Масахир.

Поселение Голый Мыс-1 и некоторые проблемы стратиграфии и хронологии культур II–I тыс. до н.э. на северо-востоке Нижнего Приамурья

На основе анализа хронологии и стратиграфии многослойного поселения Голый Мыс-1 и других памятников представлены культурные комплексы II – I тыс. до н.э., пополнен банк радиоуглеродных дат, установлена хронология комплексов коппинского, урило-соргольского и большебухтинского типов, построена схема культурной хронологии финала неолита для северо-восточной части названной территории

122

Диалог культур и этносов

С. Н. Скоринов

Краткий мифологический словарь. Нанайцы

Первый опыт составления мифологического словаря одного из коренных малочисленных народов Приамурья — нанайцев, в котором реконструируются мифологические образы и ритуальные символы традиционной нанайской культуры

134

Наследие

Е. Д. Бляхер

Мировое древо и мифологическая картина мира [Три лекции]

В работе содержится совершенно чёткий и определённый взгляд на существо культурологии как науки, на её предметную область

158

С. В. Гончарова

Неизвестная этнографическая экспедиция

Предисловие к публикации материалов польского этнографа и антрополога С. Ф. Понятовского (1884–1945 гг.)

176

Библиография

Р. В. Наумова

Мир библиографии

182

Читайте в следующем

номере 188

Требования к авторам 190

Состав Редакционной коллегии

Главный редактор:

Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора:

Филаткина Ирина Викторовна

Бляхер Леонид Ефимович

Руководители направлений:

Байков Николай Михайлович

Ярулин Илдус Файзрахманович

(Актуальная проблема, Точка зрения)

Кузнецова Алла Геннадьевна

Городилова Людмила Михайловна

(Социокультурная реальность, Кафедра, Персоналии)

Дубинина Нина Ивановна

Романова Виктория Валентиновна

(Историописание, Наследие)

Шевкомуд Игорь Яковлевич

Рубан Николай Иванович

(Артефакт)

Гонтмахер Петр Яковлевич

(Диалог культур и этносов)

Бузуев Олег Александрович

(Художественная сфера)

Наумова Раиса Вячеславовна

(Библиография)

Предпечатная подготовка

Редакционно-издательский отдел ДВГНБ

Зав. отделом:

Н. А. Бодрова

Дизайн, верстка макета:

А. М. Тен

Корректор:

О. Г. Гуревич

Журнал зарегистрирован

В Управлении Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Дальневосточному федеральному округу.

Свидетельство о регистрации

ПИ №ФС 15-0636 от 29.11. 2007

Учредители:

Министерство культуры Хабаровского края, Хабаровский научный центр ДВО РАН, Дальневосточная государственная научная библиотека

Адрес редакции:

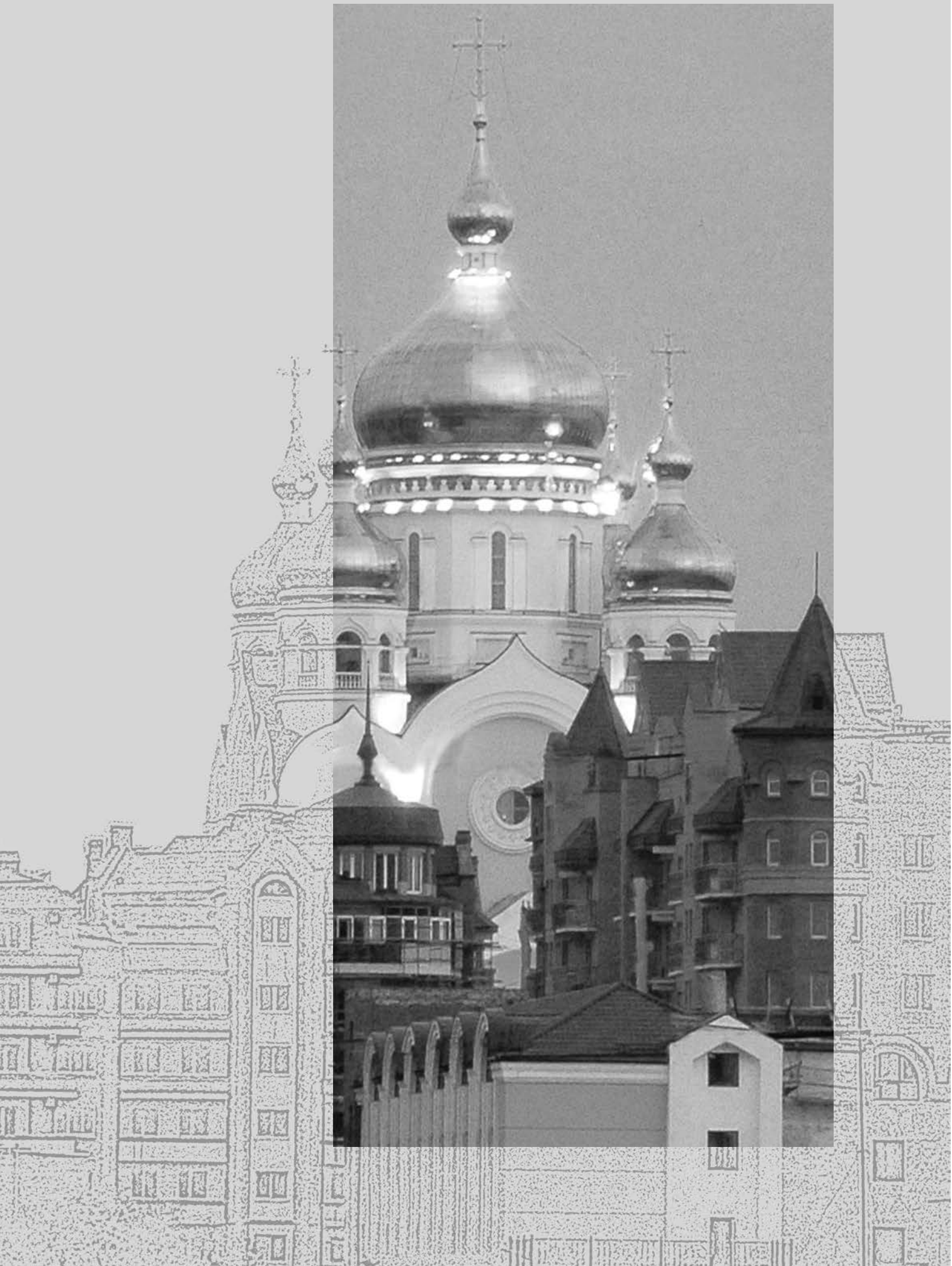
680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьева-Амурского, д. 1/72
Тел/факс: (4212) 31-47-33

E-mail: ivfilat@mail.ru; rnaumova@mail.ru

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией, ссылка на журнал «История и культура Приамурья» обязательна.

Типография: издательский центр ИП Кузнецов Д.Г.

Уважаемые читатели!

Перед вами первый номер нового краевого издания — научно-практического журнала «История и культура Приамурья». Сегодня это единственное не только на Дальнем Востоке, но и в России региональное историко-культурологическое издание.

Хабаровский край является одним из крупнейших центров академической, вузовской и отраслевой науки на востоке России. Мы гордимся своими земляками — известными деятелями науки и искусства, талантливыми литераторами, композиторами, художниками, архитекторами, представителями театрального искусства, организаторами культурной деятельности в Приамурье. Без преувеличения можно сказать, что они представляют «золотой фонд» культуры нашего края, основное ядро его духовности и высокой нравственности.

Безусловно, новый журнал сыграет заметную роль в культурном и образовательном пространстве региона, внесет свой вклад в поддержку краеведения. На его страницах читатель откроет для себя уникальные материалы по археологии, истории, социологии, политологии, этнографии и культуре народов Приамурья и Дальнего Востока, познакомится с выдающимися историческими и политическими личностями, деятелями науки, образования и культуры, оказавшими своими великими деяниями и свершениями, научными открытиями и художественными произведениями влияние на культурное развитие региона.

Уверен, что журнал обретет своих благодарных читателей среди краеведов, преподавателей, творческой интеллигенции, молодежи, студентов и школьников, станет необходимым научным источником для реализации программ национально-регионального компонента образования, будет способствовать формированию среди подрастающего поколения уважительного отношения к истории родной земли, традициям народов, проживающих на востоке России.

Желаю коллективу редакции журнала, его потенциальным авторам творческих поисков и успехов, а читателям — познавательного чтения и открытия для себя новых, еще неизвестных страниц истории и культуры Приамурья.

Губернатор
Хабаровского края

В.И. Ишаев

Колонка главного редактора

Уважаемые читатели!

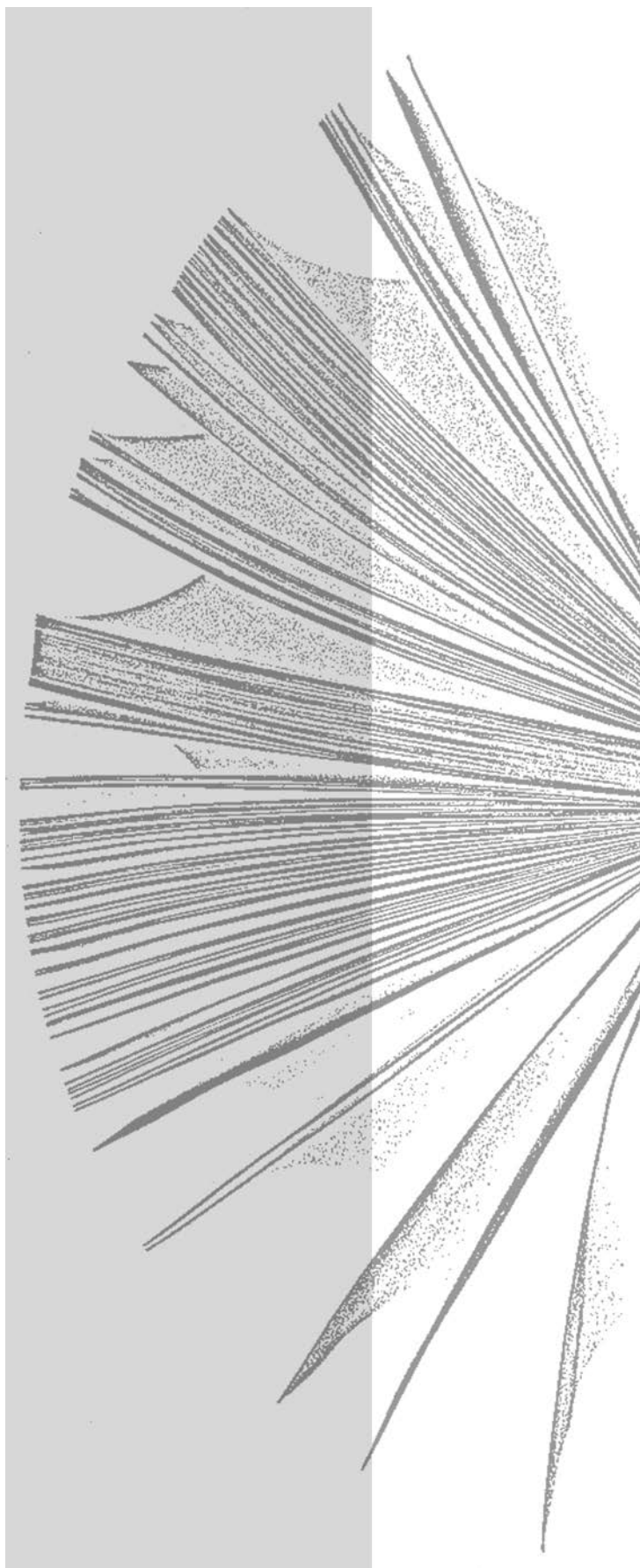
Вы держите в своих руках первый номер научно-практического журнала «История и культура Приамурья», учредителями которого стали министерство культуры Хабаровского края, Хабаровский научный центр ДВО РАН и Дальневосточная государственная научная библиотека.

В его редакционный совет согласились войти ученые с мировыми именами: академик Российской академии наук, председатель Хабаровского научного центра, директор Института экономических исследований ДВО РАН Павел Александрович Минакир, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии Санкт-Петербургского государственного университета, член Совета Федерации Федерального Собрания РФ от Хабаровского края Юрий Никифорович Солонин, доктор философских наук, ректор Высшей школы культурологии Московского государственного университета культуры и искусств Андрей Яковлевич Флиер, доктор философских наук, проректор Национального Университета — Высшая Школа Управления Алексей Сергеевич Кузьмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея Александр Борисович Островский.

В редакционном совете представлены Российский институт культурологии в лице его директора Кирилла Эмильевича Разлогова, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. Герасимова (ректор Владимир Сергеевич Малышев), Дальневосточный госу-

дарственный гуманитарный университет (ректор Михаил Иванович Костенко), Тихоокеанский государственный университет (ректор Сергей Николаевич Иванченко), Хабаровская государственная академия экономики и права (ректор Владимир Алексеевич Лихобабин), Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (ректор Александр Александрович Шумейко), Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия (ректор Лев Соломонович Гринкруг), Хабаровский институт инфокоммуникаций Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (директор Виктор Николаевич Кудашов). Министерство культуры Хабаровского края представляет министр культуры края Александр Вячеславович Федосов, Российскую национальную библиотеку (г. Санкт-Петербург) — заместитель генерального директора, кандидат исторических наук Александр Иванович Букреев, Общество «Знание» России — вице-президент общества «Знание» России, председатель правления Межрегиональной общественной организации «Общества «Знание», ректор Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, доктор экономических наук, профессор Сергей Михайлович Климов, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН — доктор исторических наук, профессор Сергей Васильевич Березницкий, Комсомольский-на-Амуре государственный политехнический университет — заведующая кафедрой культурологии, доктор культурологии, профессор Татьяна Алексеевна Чебанюк, Хабаровский государственный институт искусств и культуры — заведующая кафедрой книговедения и библиотечно-информационной деятельности, доктор педагогических наук, профессор Елена Юрьевна Качанова, Государственный арктический институт искусств и культуры Республики Саха (Якутия) — доктор искусствоведения, профессор Юрий Ильич Шейкин.

Журнал «История и культура Приамурья» — это пока единственное региональное историко-культурологическое

издание не только на Дальнем Востоке, но и в России. Его концептуальная идея — презентация исследований ученых Дальневосточного региона, формирование на их основе региональных историко-культурологических школ, объединяющих историков, культурологов, философов, этнографов, экономистов, политологов, юристов, социологов, краеведов и других специалистов для разработки научно обоснованных ориентиров государственной политики в области культуры. Цель журнала — отразить ретроспективное и современное бытование культуры, двуединый историко-культурный процесс во всем его многообразии и всех срезах социокультурной жизни Дальневосточного региона. Философско-методологические и научно-теоретические аспекты исследования культуры, региональные проблемы истории, археологии, социологии, политологии, этнографии, культурантропологии, искусствоведения, лингвистики, литературоведения, образования, прикладной культурологии найдут свое место на страницах журнала. Тем самым будет создано целостное научно-информационное поле историко-культурологического знания.

«История и культура Приамурья» предлагает вниманию читателя статьи известных российских историков и культурологов, а также философов, искусствоведов, филологов, этнологов, политологов, экономистов, педагогов, психологов и иных специалистов гуманитарного знания, самых разных научных школ и направлений. Такой подход позволяет объемно и всесторонне исследовать феномен региональной культуры и истории Дальнего Востока России и зарубежья. На страницах журнала будет представлен уже ставший библиографической редкостью материал, являющийся научным и культурным достоянием региона. Это труды В.К. Арсеньева, Б.А. Васильева, А.М. Золотарева, С.В. Иванова, И.А. Лопатина, Ю.А. Сема, П.П. Шимкевича, Л.И. Шренка, Л.Я. Штернберга и других ученых-североведов, краеведов, заложивших методологическую и историкокультурологическую основу современных

историко-культурологических исследований Востока России.

«История и культура Приамурья» — это издание, в котором наряду с научными статьями, рассматривающими актуальные вопросы историко-культурного развития региона, будут публиковаться аналитические материалы, портреты, интервью, классическое наследие гуманитарных наук (переводы, обзоры, рефераты), опыт начинающих исследователей, хроника культурных и научных событий, обзоры книжных новинок и многое другое, что составляет историко-культурный контекст бытования народов Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Публикуемые в журнале материалы структурированы по 11 разделам: «Актуальная проблема», «Точка зрения», «Социокультурная реальность», «Историописание», «Диалог культур и этносов», «Персоналии», «Художественная сфера», «Наследие», «Кафедра», «Артефакт», «Библиография».

В разделе «Актуальная проблема» освещаются вопросы, определяющие стратегию и тактику федеральной и региональной политики в области культуры, концептуально раскрывающие теоретические и практические аспекты деятельности ее институтов, в том числе их межведомственное и межотраслевое взаимодействие. В разделе «Точка зрения» представлены дискуссионные материалы по актуальным проблемам исследования истории и культуры, развития гуманитарных наук, реализации федеральной и региональной культурной политики.

Основное место в разделе «Социокультурная реальность» займут публикации о целостном феномене региональной культуры в реальном историческом времени и социальном пространстве ее существования, в которых будут отражены общезначимые для гуманитарных наук темы, такие, как культура и идеология, культура и политика, культура и религия, культура и экономика, культура и право, культура и информационное общество, язык и культура, образовательное пространство культуры, культура и социум,

культура повседневности и многие другие вопросы.

В центре внимания раздела «Историческое описание» — сложные проблемы развития исторического процесса на Дальнем Востоке России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Раздел журнала «Диалог культур и этносов» обращается к темам этнокультурного разнообразия, этнической и кросс-культурной психологии, культурно-национальной идентичности, этно- и культурогенеза коренных малочисленных народов Дальнего Востока, развития культурной традиции, взаимодействия и взаимовлияния народов и их культур, современной этнокультурной ситуации в Приамурье и странах Азиатско-Тихоокеанского региона. А раздел «Артефакт» призван отразить археологические открытия, архивные изыскания, музейную деятельность как источниковедческую основу историко-культурологических исследований.

Статьи, освещающие историю и современное состояние художественной культуры Приамурья, в том числе и процесс развития искусства во всем его видовом, жанровом и национальном своеобразии, найдут свое место в разделе «Художественная сфера», а работы известных дальневосточных ученых, заложивших методологическую и источниковедческую основу современных историко-культурологических исследований, — в разделе «Наследие». В разделе «Персоналии» публикуются материалы, повествующие о выдающихся исторических и политических личностях, деятелях науки, культуры и образования, оказавших значительное влияние на культурное развитие региона.

Редакция надеется, что научно-методические материалы и практический опыт преподавания исторических, культурологических и искусствоведческих дисциплин в учебных заведениях высшего, среднего, начального профессионального, общего и дополнительного образования, представленные в разделе «Кафедра», вызовут интерес у преподавателей. Опыт начинающих исследователей, аспирантов и соискателей научных

степеней представлен рубрикой «Научные сообщения». С обзорами научной и методической литературы, поступившей и хранящейся в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки, можно познакомиться в разделе журнала «Библиография».

Кроме того, на страницах журнала «История и культура Приамурья» будут публиковаться интервью с видными дальневосточными учеными, исследователями, государственными деятелями, хроника крупнейших научных и культурных событий региона, рецензии о новых изданиях дальневосточных ученых, анонсы будущих номеров журнала.

Редакция журнала продолжает формировать редакционный портфель и приглашает к сотрудничеству широкие круги научной общественности, заинтересованной в изучении, сохранении и популяризации историко-культурных процессов Приамурья. Требования к печатным материалам публикуются в каждом номере журнала.

Редакция надеется, что представленные в первом и последующих номерах журнала исследовательские работы смогут заинтересовать широкий круг читателей. Каждый, кто найдет время познакомиться с ними, без всякого сомнения, откроет для себя ранее не известные страницы истории и культурного развития Дальневосточного региона.

***Полезного и познавательного
Вам чтения!***

Главный редактор журнала,
доктор культурологии,
кандидат исторических наук
С.Н. Скоринов

Событие года

В Хабаровском крае 28–30 марта 2007 года прошла первая региональная научно-практическая конференция «Художественно-эстетическое образование: опыт, проблемы, перспективы». Среди учредителей конференции — министерства культуры и образования края, Администрация г. Комсомольска-на-Амуре, Дальневосточный государственный гуманитарный университет, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Хабаровский государственный институт искусств и культуры, Хабаровский краевой институт переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров, ведущие краевые учреждения культуры и искусства: Дальневосточный художественный музей, краевое научно-образовательное творческое объединение культуры, Хабаровский краевой краеведческий музей имени Н.И. Гродекова, Хабаровское краевое объединение детских театров, Хабаровский краевой колледж искусств и другие учреждения. Состав учредителей и участников конференции определил ее межведомственный характер.

В ходе конференции была достигнута поставленная организаторами цель — осмыслены опыт и проблемы художественно-эстетического образования, определены основные направления его развития на основе координации и межведомственного, общественного взаимодействия всех заинтересованных в крае учреждений и организаций.

Конференция отличалась масштабностью и многочисленностью: она прово-

дилась сразу в двух городах края – Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. При этом в Комсомольске-на-Амуре акцент делался на развитии муниципального художественно-эстетического образования.

В рамках конференции в городах Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре было проведено 5 пленарных заседаний, работало 20 секций по различным аспектам художественно-эстетического образования, проводились круглые столы, семинары-практикумы, мастер-классы, презентации журналов. «Искусство в школе», «Словесница искусств», книги дальневосточного автора А.А. Лепетухина «Хехцирские сказки», удостоенной литературной премии имени П.П. Ершова, изучался образовательный потенциал Дальневосточного художественного и краевого краеведческого музеев. Во время просмотра и обсуждения спектаклей в краевых театрах драмы, кукол и юного зрителя краевого объединения детских театров, Комсомольском-на-Амуре муниципальном театре драмы рассматривались вопросы воспитания театрального зрителя. Были организованы Дальневосточной государственной научной библиотекой книжная выставка, Дальневосточным государственным гуманитарным университетом совместно с краевой организацией Союза художников России художественная выставка преподавателей и студентов средних и высших профессиональных учебных заведений «Территория творчества».

Участники конференции в г. Хабаровске приняли участие в торжественном закрытии международного фестиваля «Новые имена стран АТР–2007», концерте Дальневосточного симфонического оркестра, в г. Комсомольске-на-Амуре – в гала-концерте победителей второго этапа краевого конкурса «Россия начинается с Востока».

Конференция привлекла внимание около 1000 специалистов в области художественно-эстетического образования

из городов Амурска, Бикина, Вяземского, Комсомольска-на-Амуре, Хабаровска, Нанайского, Хабаровского, имени С. Лазо, Николаевского, Солнечного, Комсомольского районов, а также из городов Москвы, Биробиджана Еврейской Автономной республики, Благовещенска Амурской области, Владивостока, Уссурийска Приморского края, Южно-Сахалинска Сахалинской области, Якутска Республики Саха (Якутия) и других субъектов федерации Дальневосточного региона. По географии участников она фактически стала межрегиональной конференцией.

В конференции приняли участие как ученые, среди которых 106 докторов и кандидатов наук, так и руководители краевых и муниципальных органов управления, учреждений культуры и образования, общественных и творческих организаций и объединений, преподаватели общего, начального, среднего, высшего профессионального образования, педагоги дополнительного образования детей.

Конструктивный характер всей конференции придали доклады, прозвучавшие на пленарном заседании. В них на теоретическом и практическом уровнях предлагались конкретные меры совершенствования художественно-эстетического образования.

На секционных заседаниях конференции было заслушано 305 докладов по различным направлениям художественно-эстетического образования. В ходе секционных дискуссий, круглых столов обсуждались и принимались рекомендации секций, определяющих перспективу развития художественно-эстетического образования.

Все участники единодушны в том, что проведение настоящей конференции является своевременной и актуальной, а также необходимой для консолидации усилий всех органов власти, общественных деятелей, ученых, работников культуры и образования в деле совершенс-

твования художественного образования и эстетического воспитания различных категорий населения, особенно детей и молодежи.

Объединительным моментом стала видеоконференция между городами Хабаровском и Комсомольском-на-Амуре, на которой были подведены итоги конференции и принята ее резолюция. Общее количество внесенных предложений насчитывает свыше 300 пунктов.

Конференция завершена, но работа не закончена. Ведь она лишь начало серьезной работы по разработке и принятию краевого комплекса мер по развитию художественно-эстетического образования в Хабаровском крае на период до 2010 года. А сложившееся в процессе подготовки и проведения конференции межведомственное взаимодействие является залогом дальнейшей совместной работы по совершенствованию художественно-эстетического образования в крае.

В рамках конференции работала специальная группа аналитиков, состоящая из ученых, ведущих специалистов различных областей художественно-эстетического образования. Ими собран и проанализирован значительный материал, который нашел свое отражение в опубликованном пятитомном сборнике материалов конференции.

Учитывая актуальность обсуждаемых на научно-практической конференции вопросов, редакция журнала сочла целесообразным опубликовать статьи министра культуры Хабаровского края А.В. Федосова и министра образования Хабаровского края А.А. Базилевского, подготовленные ими по материалам докладов, прозвучавших на пленарном заседании конференции. В них на взаимодополняющей основе раскрываются актуальные проблемы развития одного из современных феноменов культуры — региональной модели отечественного художественно-эстетического образования.

Актуальная проблема

Федосов Александр Вячеславович,
министр культуры Хабаровского края

Художественно-эстетическое образование в отраслевой системе культуры Хабаровского края

Художественно-эстетическое образование всех возрастных категорий населения Хабаровского края — одно из приоритетных направлений деятельности органов управления, учреждений культуры и искусства края, которая регулируется Федеральными Законами «Об образовании» и «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», Законом Хабаровского края «О реализации полномочий органов государственной власти Хабаровского края в области культуры».

Достигнутый уровень духовной и художественной культуры в крае во многом обеспечивается как сложившейся системой детского дополнительного, среднего и высшего профессионального художественного образования, так и широкой культурно-просветительской деятельностью учреждений культуры и искусства края, поддержкой и развитием массовых форм художественной самодеятельности. Следует отметить, что за последние годы система художественно-эстетического образования в крае продемонстрировала свою устойчивость, адаптивность к изменяющимся социально-экономическим условиям, профессионализм, гражданственность большинства работников культуры и образования.

С каждым годом возрастает ее роль в обеспечении занятости всех возрастных категорий населения, организации социально значимого досуга, профилактике правонарушений, наркомании, безнадзорности и других асоциальных проявлений.

В структуре художественного образования края приоритетное значение имеет сеть учебных заведений, подведомственных министерству культуры, начальным звеном которой является 46 учреждений дополнительного образования детей, включающих 11 музыкальных школ, 30 школ искусств, 3 художественные школы и по одной хоровой и хореографической школе.

В них обучается свыше 8,5 тыс. учащихся. В детских школах искусств работают 757 преподавателей, из которых высшее образование имеют 433 человека, или 57%.

Детские школы искусств не только обеспечивают возможность раннего выявления таланта и создание условий для его органичного профессионального становления, но и выполняют функции широкого художественно-эстетического просвещения и воспитания детей. ими регулярно проводятся концерты, выступления лекторских групп, детских филармоний, городские и районные выставки, фестивали, театрально-музыкальные постановки для детей и др.

По итогам губернаторского конкурса среди музыкальных школ и школ искусств 2006 года лучшими среди городских стали детская музыкальная и художественная школы г. Комсомольска-на-Амуре, детская музыкальная школа №1 и детская школа искусств №7 г. Хабаровска, среди сельских — детские школы искусств посёлков Чегдомын, Хор и П. Осипенко. Победителями регионального этапа Всероссийского смотра-конкурса лучших детских музыкальных школ и школ искусств «Где рождается искусство», проводимого Федеральным агентством по

культуре и кинематографии России и Международным благотворительным фондом Юрия Розума стали также музыкальная школа №1 и школа искусств №7 г. Хабаровска, музыкальная и художественная школы г. Комсомольска-на-Амуре.

Министерство культуры края оказывает постоянную поддержку деятельности учреждениям дополнительного образования сферы культуры. Учебно-методическим центром краевого научно-образовательного творческого объединения культуры проводятся мастер-классы, семинары-практикумы, краевые конкурсы, фестивали, олимпиады по различным специальностям, как для преподавателей, так и их воспитанников, печатаются различные методические и информационные материалы.

Активно участвуют воспитанники школ в региональных, всероссийских, международных конкурсах, выставках, смотрах. Их подготовка требует высокого профессионального мастерства, которым владеют такие преподаватели, как Н.И. Парчайкин, Е.А. Храбовская, Е.Т. Дунская — г. Хабаровск; В.П. Поданёв, Н.Н. Тулякова, Е.Е. Фатьянова, Н.В. Наследова, Г.И. Чернов, А.П. Павленко, А.В. Рыбаченок, Т.Е. Макарова, А.Б. Парадовская, Л.Е. Уразова — г. Комсомольска-на-Амуре; В.А. Скороход, Т.Б. Столярова, И.А. Амеженко, Ж.В. Леоненко — г. Амурск; В.А. Гринченко — п. Хор.

Воспитанники заслуженного работника культуры России, преподавателя музыкальной школы №1 г. Хабаровска Л.И. Шутовой неоднократно становились лауреатами всероссийских и международных конкурсов, награждались премиями «Юные» и «Молодые дарования России», а Александр Кузнецов обучается в Академии музыки Швейцарии.

В настоящее время основной проблемой развития учреждений дополнительного художественного образования для детей в сфере культуры является неоп-

ределенность их статуса. С одной стороны, музыкальная школа, школа искусств — начальное звено профессиональной подготовки для отрасли культуры, а с другой стороны, эти учреждения — составная часть дополнительного образования. Ведь по статистике в крае лишь каждый 20-й выпускник школ искусств продолжает свое обучение в средних и высших профессиональных учреждениях.

Особая проблема — старение педагогических кадров. Средний возраст педагога школы искусств составляет 47 лет. Если не произойдет омоложения кадров, то пройдет еще 15 лет, и мы лишимся уникальной отечественной системы художественного образования в сфере культуры. Уже сегодня эта проблема требует федерального решения.

Следует поддержать рекомендации состоявшегося 6 февраля 2007 года под председательством Министра культуры и массовых коммуникаций России А.С. Соколова круглого стола по проблемам и перспективам художественного образования в России. Минкультуры России необходимо предоставить право участвовать в выработке государственной политики в сфере художественного образования через нормативное правовое регулирование системы художественного образования. Также заслуживают одобрения те пункты рекомендаций, которые направлены на социальную поддержку педагогов и связаны с отменой ограничения права на досрочное назначение пенсий преподавателям детских школ искусств и установлением единой нормы часов — 18 часов в неделю педагогической работы за ставку заработной платы преподавателям данных учреждений. Несомненно, эти меры будут способствовать закреплению специалистов в детских школах искусств.

Следующей ступенью в становлении кадров является среднее профессиональное образование. Хабаровский

краевой колледж искусств, в котором по 6 специальностям проходят обучение более 300 учащихся, уже на протяжении 72 лет выполняет две основополагающие задачи: во-первых, подготавливает специалистов широкого профиля для учреждений культуры, дополнительного образования детей и, во-вторых, является необходимым звеном подготовки специалистов, особенно в области музыкального и изобразительного искусства, для получения высшего профессионального образования.

Золотым фондом художественного образования края являются педагоги колледжа, отдающие свои знания, мастерство, опыт, энергию своей души своим ученикам. Это Л.А. Токарева, Г.В. Никоненко, М.Ф. Шальтис, Т.Н. Иванова, Н.И. Лычева, В.А. Никиточкин, Р.В. Янкина, Р.В. Бондаренко, А.И. Баранов, О.П. Кудин.

Как показывает статистика, именно выпускники колледжа искусств составляют основной профессиональный кадровый потенциал культурно-досуговых учреждений в крае. Так, на 1 января 2007 г. в 311 муниципальных учреждениях культурно-досугового типа из 1013 специалистов лишь 245 или 24,2% имеют высшее, 412 или, 40,6% среднее профессиональное образование.

Ежегодно 63% выпускников колледжа продолжают свое образование в высших учебных заведениях по профилю избранной ими специальности. Этот показатель свидетельствует о высоком качестве подготовки специалистов в колледже. Однако в силу различных объективных причин, основными из которых являются невысокая заработная плата, недостаток жилья, географическая отдаленность от центра и другие, остается проблемой их возвращение после обучения в центральных вузах страны и закрепление в художественных коллективах края. Сегодня краевые учреждения искусства: Дальневосточный симфонический оркестр, краевые театры музыкальной комедии, драмы, юного зрителя,

кукол испытывают дефицит в высококвалифицированных кадрах.

Частично решить эту проблему можно за счет целевой подготовки специалистов. Ранее названное постановление Правительства края №134 от 28.08.2006 г. разрешает руководителям краевых учреждений культуры и искусства осуществлять за счет средств краевого бюджета целевое (контрактное) обучение специалистов в высших учебных заведениях с обязательной отработкой после обучения в учреждении трёх-пяти лет.

Внесенное дополнение в Трудовой кодекс Российской Федерации об учебном договоре позволяет широко применять такую практику подготовки специалистов не только краевыми, но и муниципальными учреждениями культуры и образования, которые, как известно, испытывают ещё большие проблемы в обеспеченности кадрами. Из-за отсутствия педагогов уже на протяжении нескольких лет не работают школы искусств в Аяно-Майском и Тугуро-Чумиканском районах, закрылись школы в с. Булгин Охотского, Парин Комсомольского и Лазарев Николаевского районов.

Высшее звено профессионального образования в нашем крае представлено двумя вузами: Хабаровским государственным институтом искусств и культуры и Дальневосточным государственным гуманитарным университетом, на художественно-графическом факультете которого проходят обучение будущие педагоги по изобразительному искусству как общеобразовательных школ, так и учреждений дополнительного образования для детей. Отметим, что среди хабаровских членов Союза художников России 51% — выпускники этого факультета.

На протяжении всей своей 39-летней истории Хабаровским государственным институтом искусств и культуры накоплен опыт активного взаимодействия с органами управления и учреждениями

культуры края по подготовке специалистов. В 1991 году в институте была набрана первая экспериментальная учебная группа в количестве 17 человек по специальности «актерское мастерство».

В результате этого эксперимента совместными усилиями были подготовлены артисты, которые сегодня являются гордостью театрального искусства в крае. Это заслуженные артисты России Влад Павленко, Денис Желтоухов и др. Сегодня такую целевую подготовку проходят будущие артисты краевых театров, музыканты Дальневосточного симфонического оркестра, краевой филармонии. Ежегодно из краевого бюджета и средств, заработанных самими учреждениями, выделяется на эти цели около полумиллиона рублей. Но как показала практика, вложения в подготовку и последующее закрепление кадров оправдывают эти финансовые инвестиции.

Министерство культуры края, определяя перспективы развития художественного образования в крае, планирует в течение 2007-2008 годов договорную четырёхзвенную систему непрерывного художественного образования «школа — колледж — институт — повышение квалификации и переподготовка кадров», способствующую уже на ранней стадии выявлению, поддержке и профессиональному совершенствованию юного таланта.

Проблему повышения квалификации специалистов, руководящих и творческих работников на краевом уровне частично решает учебно-методический центр краевого научно-образовательного творческого объединения культуры. Основной целью центра является обеспечение повышения профессионального уровня кадров, оказание методической и информационной помощи специалистам.

Ежегодно в краевом учебно-методическом центре проходят повышение квалификации около 600 человек. Это

руководители и ведущие специалисты муниципальных органов управления культуры, руководители, преподаватели детских школ искусств, художественных школ, художественные руководители учреждений культуры, режиссеры театральных коллективов, заведующие детскими библиотеками и другие.

Новым явлением в послевузовском образовании специалистов края стала целенаправленная подготовка высококвалифицированных научных кадров в Дальневосточном художественном, Хабаровском краевом краеведческом музеех, Дальневосточной государственной научной библиотеке. В результате этого в них уже работает 14 человек, защитивших кандидатские диссертации по профилю работы учреждения, и еще 11 сотрудников являются аспирантами и соискателями.

Большое значение в активизации историко-культурологического направления научных исследований, в том числе и в области художественного образования в крае, должен сыграть учрежденный министерством культуры края, Хабаровским научным центром Дальневосточного отделения Российской академии наук и Дальневосточной государственной научной библиотекой научно-практический журнал «История и культура Приамурья». Значимым явлением в художественно-эстетической и культурно-просветительской деятельности края стал выпускаемый с 1998 года журнал «Словесница искусств», соучредителем которого с 2007 года является министерство культуры края.

Художественно-эстетическое образование — это непрерывный творческий процесс, в котором культурно-просветительская деятельность учреждений культуры и искусства занимает значительное место.

С целью создания портрета современного зрителя и слушателя краевых концертно-театральных учреждений и

кинотеатров в феврале-марте 2006 года министерством культуры края проведено социологическое исследование, в котором приняло участие свыше 2,5 тысяч респондентов. В результате исследования был создан среднестатистический портрет зрителя. Самыми активными потребителями культурных услуг являются женщины: от 63%, посещающих киносеансы, до 75%, посещающих концерты и спектакли.

В большинстве своем концерты симфонического оркестра и классической музыки филармонии слушают люди в возрасте от 41 до 60 лет, театральные постановки смотрят люди от 20 до 41 года, кинофильмы – от 15 до 30 лет. Большинство любителей филармонических концертов и театрального искусства имеют высшее образование и являются представителями творческой интеллигенции, любителей кино — неоконченное высшее образование и учащаяся молодежь. Неутешительным выглядит тот факт, что среди посещающих филармонические концерты молодежь в возрасте 15-20 лет составляет лишь 10%, а театральные постановки — 12%. И только кино в этом возрасте посещает 34% респондентов.

Результаты проведенного социологического исследования свидетельствует о существовании серьезных проблем в организации работы по художественно-эстетическому образованию, в отсутствии должной межведомственной координации и взаимодействия между собой учреждений культуры и образования.

Назрела необходимость разработки межведомственного комплекса мер по развитию художественно-эстетического образования до 2010 года. В планах министерств культуры и образования края предусмотрено проведение в декабре текущего года совместного заседания коллегий по рассмотрению вопроса «О состоянии и перспективах развития художественно-эстетического образования в крае» и принятии комплекса мер,

который должен определить стратегию совершенствования художественно-эстетического образования до 2010 года.

Гарантом успешной реализации намеченных планов должна стать уже существующая система культурно-просветительской деятельности учреждений культуры и искусства. Для приобщения детей дошкольного возраста к театральному искусству уже в течение 10 лет работает театр кукол, входящий сегодня в состав Хабаровского краевого объединения детских театров. В его репертуаре 23 наименования спектаклей. Ежегодно им показывается более 400 спектаклей, каждый второй из них на выезде, в том числе и в районах края.

Школьники посещают ежегодно 280 спектаклей театра юного зрителя (ТЮЗ) объединения детских театров. В его репертуаре 21 спектакль для всех возрастных категорий школьников. В планах театра создание детской театральной студии. Активно ТЮЗ сотрудничает со школами №№27, 32, 33, 50, 52, 58, 67, гимназиями №№7 и 8 г. Хабаровска.

Однако 35% хабаровских школ в этом театре — редкие гости. В г. Комсомольске-на-Амуре уже на протяжении нескольких лет для детей работает негосударственный театр юного зрителя, выступивший инициатором проведения международного фестиваля «Комсомольск-сказочный».

Кроме детских театров в городах Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре постановками для детей и юношества занимаются краевые театры музыкальной комедии, драмы, муниципальные театры драмы и пантомимы «Триада».

Активно с театрами сотрудничают в г. Хабаровске Дальневосточный государственный гуманитарный университет, Дальневосточная академия государственной службы, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровская государственная академия

экономики и права, в г. Комсомольске-на-Амуре — Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет и другие вузы. Вместе с тем в стороне от этого сотрудничества находятся учреждения начального и среднего профессионального образования, около 40% общеобразовательных и дошкольных учреждений городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре.

Для изменения этой ситуации следует ввести в практику совместной работы учреждений искусства и образования ежегодное проведение дней театра, практиковать, где это возможно, семейное посещение спектаклей, проведение их обсуждений, а также образовательных экскурсий по театру, его производственным цехам.

Не в полной мере используются в процессе художественного образования возможности художественных коллективов краевой филармонии. В сезоне 2006–2007 годов филармонией организовано 20 детских музыкальных программ на абонементной основе. В 2006 году из 1514 проведенных концертов 1113 было проведено для детей. Ежегодно 20 концертов для детей и учащейся молодежи организывает Дальневосточный симфонический оркестр.

Как показывает практика, односторонних усилий только работников филармонии или работников образования недостаточно для организации музыкального просветительства среди детей и учащейся молодежи. Необходима скоординированная целенаправленная систематическая работа по приобщению подрастающего поколения к классическому и народному музыкальному искусству. В арсенал совместной деятельности должны войти фестивали, праздники, дни классической и народной музыки, различные образовательные музыкальные программы, семейные посещения концертов как на стационаре — в концертных залах, так и на выезде — в за-

лах детских садов, школ, учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования. Для городов и сел края может быть предложена льготная система абонементного обслуживания.

Значительная работа по сохранению и популяризации художественного наследия народов России и зарубежных стран проводит Дальневосточный художественный музей, насчитывающий в своих фондах свыше 12 тысяч экспонатов. В 2006 году общественный интерес вызвали проводимые музеем выставки «Современная православная икона», «Современная немецкая графика 20 века», тематическая юбилейная экспозиция и другие. Значимой для края стала передвижная выставка постеров, репродуцированных с оригиналов коллекции музея произведений русского искусства XVIII–XX веков. Она демонстрировалась в 5 районах края. Экспонаты этой выставки могут быть использованы учебными заведениями и в образовательных целях.

Популярными среди различных категорий населения краевого центра стали и проводимые в музее концерты классической музыки, костюмированные балы и пр. Для детей, различных категорий учащихся, студентов музейными работниками разработаны специальные образовательные экскурсионные программы. Активно сотрудничают с музеем детские сады №№51, 102, 130, средние школы №№12, 30, 57, 77 г. Хабаровска. На протяжении 5 лет коллектив музея проводит благотворительную акцию для детей села Сикачи-Аляна Хабаровского района, для которых готовится особая образовательная и развлекательная программа.

Но вместе с тем в течение 2006 года музей не посетили учащиеся 32 средних школ г. Хабаровска, или 36% от общего числа, а 15 школ организовали лишь по одной экскурсии.

В Хабаровском краевом краеведческом музее имени Н.И. Гродекова для

детей и учащихся работает Детский экспозиционно-игровой комплекс, проводятся занятия Музейной Академии, экспериментальной археологической студии и творческой студии «Самоцветы Амура», клуба любителей истории Отечества, а также тематические мастер-классы и лектории. Специалистами музея разработаны театрализованные экскурсии и экскурсии-спектакли. В течение года в образовательных программах музея принимает участие более 50 тысяч человек.

Значительную работу по сохранению и популяризации художественного наследия народов России и зарубежных стран проводит музей изобразительных искусств г. Комсомольска-на-Амуре, насчитывающий в своих фондах свыше 14 тысяч экспонатов. В 2006 году общественный интерес вызвали проводимые музеем выставки архитектурных проектов «Два мира», «Город: вчера, сегодня, завтра», а также «Сокровища земли Амурской» и персональные выставки художников-комсомольчан.

Музей постоянно организует передвижные выставки подлинных произведений и изделий декоративно-прикладного искусства в детских дошкольных и школьных учреждениях г. Комсомольска-на-Амуре и Комсомольского района. Особой популярностью пользуются выставки «Народная игрушка», «Мой город на картинах художников-дальневосточников» и другие. Для детей разработана образовательная программа «Здравствуй, музей!», проводятся театрализованные экскурсии и сказки, фольклорные праздники. В течение года в этих мероприятиях принимает участие более 20 тысяч человек. Активно сотрудничают с музеем детские сады №№23, 25, 94, 106, средние школы №№9, 26, 45, 53, 50 и 51 г. Комсомольска-на-Амуре.

Одной из массовых форм художественного образования всех возрастных категорий населения края является клуб-

ная деятельность по развитию художественной самодеятельности. В крае координирует эту работу КНОТОК — краевое научно-образовательное творческое объединение культуры.

На 1 января 2007 года в крае действует 312 учреждений культуры культурно-досугового типа, в них работает 1952 клубных формирований, в которых реализуют свои способности около 30 тысяч человек. 49 коллективов любительского художественного творчества носят звание «Образцовый» и «Народный» и представляют народное творчество Хабаровского края на краевом, региональном, всероссийском и международном уровнях.

На протяжении десятилетий созданная в крае система организации краевых, региональных, всероссийских, международных конкурсов и фестивалей по всем видам и жанрам творчества, такие как международные фестивали хореографического искусства «Ритмы планеты», джазовой музыки «Дальневосточный джаз», всероссийский фестиваль любительского театрального искусства «Дальневосточный бенефис», Дальневосточный молодежный фольклорный фестиваль «Живая Русь», краевые фестивали популярной песни «Нам рано жить воспоминаниями», академических хоров «Лейся, песня, над Амуром», народного творчества «Традиции живая нить», «Играй, гармонь», «Россия начинается с Востока», краевой открытый конкурс балетмейстеров-постановщиков — позволяет выявить наиболее талантливые коллективы и исполнителей.

За последние семь лет проведено 157 фестивалей, конкурсов и праздников, в которых приняло участие более 40 тысяч самодеятельных артистов, на которых побывало более 250 тысяч зрителей. Ежегодно краевой бюджет расходует на проведение этих мероприятий около 8 миллионов рублей. Только за последние три года лауреатами и дипломантами

стали 489 солистов и коллективов. Среди них народный молодежный ансамбль танца «Горенка», образцовый хореографический ансамбль танца «Задоринка» (руководители заслуженные работники культуры России Ольга и Валентин Пахомовы), образцовый ансамбль танца «Радость» (руководитель заслуженный работник культуры России П. Романова), детский хор города Комсомольска-на-Амуре «Школьные годы» (под управлением заслуженного работника культуры России А. Дрейлинга), образцовый детский балет «Грация» детской школы искусств №7 города Хабаровска (художественный руководитель М. Рягузова), образцовый ансамбль народной музыки и песни «Рождество» (руководители Н. Малышкин и В. Данилова), национальный фольклорный ансамбль «Гива» Ульчского района (руководитель Г. Веткан) и многие другие.

За последние годы отмечается значительный рост числа коллективов и участников по различным жанрам. По сравнению с 2001 годом количество хоровых коллективов увеличилось на 45, в них участников — на 579 человек, хореографических коллективов — на 85, участников — на 692.

Одним из важных направлений работы КНОТОК является сохранение и развитие традиционной художественной культуры народов, проживающих на территории края, в том числе коренных малочисленных народов Севера. На базе краевого научно-образовательного творческого объединения культуры в течение пяти лет действуют 10 национально-культурных центров, способствующих объединению культур разных наций. Они проводят дни национальной культуры, кухни, фестивали и праздники.

Всестороннюю помощь и поддержку получают созданные при содействии КНОТОК 11 национальных культурных центров муниципальных образований края, которые способствуют выявлению

и поддержке народных мастеров, национальных авторов, сбору и популяризации национального фольклора. Традиционным стало проведение фестиваля обрядовых праздников «Бубен дружбы». Необходимо отметить, что эта работа осуществляется при взаимодействии с министерствами образования, природных ресурсов края, Ассоциацией коренных народов Севера Хабаровского края.

Большую работу по художественно-эстетическому образованию населения края, профессиональному становлению деятелей искусств проводят творческие союзы: краевые организации Союза писателей, Союза художников, отделения Союза театральных деятелей России, Дальневосточной композиторской организации.

В марте текущего года краевой организацией Союза писателей России был проведен в г. Комсомольске-на-Амуре семинар для начинающих литераторов, при содействии краевой организации Союза художников России и активной организаторской работе педагогического коллектива художественно-графического факультета Дальневосточного государственного гуманитарного университета в рамках региональной научно-практической конференции «Художественно-эстетическое образование: опыт, проблемы, перспективы» состоялась выставка творческих работ студентов и преподавателей «Территория творчества».

Подводя итоги сказанному, хотелось бы особо остановиться на следующих, по нашему мнению, принципиальных выводах:

Во-первых, следует осознать, что художественно-эстетическое образование представляет собой важнейший ресурс формирования человеческого потенциала культурного обновления России.

На наш взгляд, при проведении современной модернизации в системе образования и культуре необходимо исходить из того, что любые изменения должны

способствовать повышению доступности к качественному художественному образованию, обеспечению отрасли культуры кадрами нового типа, способных осуществлять свою профессиональную деятельность в условиях динамично изменяющегося российского общества. Нам представляется важным сохранить специфику отечественного художественно-эстетического образования и присущую ему оригинальность.

Во-вторых, в качестве первоочередной задачи модернизации современного профессионального образования в сфере культуры, как нам представляется, необходимо считать формирование системы непрерывного образования, выстраивание цепочки «детская школа искусств — среднее профессиональное образование — высшее учебное заведение — повышение квалификации и переподготовка кадров».

Первым звеном этой цепи должно стать обеспечение раннего выявления таланта и профилирования среднего профессионального образования. Конкурсы, фестивали следует рассматривать как одну из форм отбора талантливой молодежи, а создание краевой школы одаренных детей — приоритетным делом.

В-третьих, необходимо признать, что главным условием совершенствования художественно-эстетического образова-

ния в крае должно стать активное межведомственное взаимодействие по широкому кругу вопросов. Для этих целей целесообразно создать Краевой межведомственный координационный совет по вопросам художественно-эстетического образования.

И, наконец, в-четвертых, проведенная 28-30 марта 2007 года научно-практическая конференция показала, что учреждениями культуры и образования, различными общественными организациями края накоплен положительный опыт художественно-эстетического образования, требующий дальнейшего развития. В крае имеется взаимное понимание актуальности и злободневности проблем, а самое главное, стремление совместными усилиями решать поставленные вопросы по совершенствованию системы художественно-эстетического образования. Разрабатываемый министерствами культуры и образования края комплекс мер по развитию художественно-эстетического образования в крае до 2010 года призван придать новый импульс в совершенствовании данного направления культурной деятельности, сохранить и преумножить традиции отечественного художественно-эстетического образования как феномена культуры.

Актуальная проблема

Базилевский Андрей Александрович,
министр образования
Хабаровского края

Художественно-эстетическое образование в структуре образовательной политики Хабаровского края

В современной социально-экономической ситуации происходят коренные изменения в области распределения культуры, характере культурного потребления, формах художественной деятельности, а, следовательно, и в художественно-эстетическом сознании личности и общества.

Сегодня всё больше набирает силу стремление социума к обновлению, оживлению и одухотворению образовательного пространства. Педагогическая наука, в свою очередь, инициирует поиск путей обновления как системы образования в целом, так и художественно-эстетического образования как её ценностной основы.

За последние десятилетия разработаны концептуальные основы художественного образования:

– «Концепция художественного образования как фундамент системы эстетического развития учащихся в школе» Бориса Михайловича Неменского;

– «Концепция музыкального образования» Дмитрия Борисовича Кабалевского;

– «Концепция художественного образования Российской Федерации» и другие.

В них подчеркивается значимость многостороннего эстетического воспитания детей, важность культуры и искусства в образовании, необходимость сохранения и развития сложившейся в России уникальной системы художественного образования.

Основополагающие идеи художественно-эстетического образования нашли свое выражение в Концепции модернизации российского образования в следующих позитивных тенденциях:

- использование культурного пространства как мощнейшего средства художественно-эстетического образования учащихся;

- переориентация учебно-воспитательного процесса на развитие духовности;

- обновление содержания образования на основе внедрения новых программ и технологий в образовательный процесс;

- осуществление принципа непрерывности и преемственности на всех уровнях художественно-эстетического образования.

Данные общие тенденции характерны и для системы художественно-эстетического образования Хабаровского края, которая определяется как совокупность системы преемственных образовательных программ и государственных образовательных стандартов различного уровня и направленности; сети реализующих их образовательных учреждений различных организационно-правовых форм, типов и видов; системы органов управления образованием и подведомственных им учреждений и предприятий (ст. 8 Закона Российской Федерации «Об образовании»).

Система художественно-эстетического образования, строящаяся на взаимодействии, взаимопроникновении образования и искусства, как и любая система, имеет свои общие и специфические особенности: её компонентами по социально-возрастным ступеням при-

нято рассматривать дошкольное, общее, дополнительное образование детей, высшее и среднее профессиональное образование, постдипломное образование.

Единство компонентов системы художественно-эстетического образования обусловлено общностью цели: формирование художественной культуры учащихся как неотъемлемой части культуры духовной.

На ступени дошкольного образования основной задачей является формирование и развитие интереса к миру искусства. Система дошкольного художественного образования предполагает широкую интеграцию всех видов художественно-эстетической деятельности: музыкальной, изобразительной, художественно-речевой и театрально-игровой. В процессе этой деятельности происходит естественное освоение различных видов искусства.

Содержание образования этого уровня обеспечивают реализуемые в крае программы общего дошкольного и художественно-эстетического образования («Камертон», «Путешествие в мир прекрасного», «Музыкальные шедевры», «Театр — Творчество — Дети», «Синтез», «Гармония»).

Следует отметить увеличение числа дошкольных образовательных учреждений, реализующих специальные программы художественно-эстетического воспитания: если в 2001 году таких учреждений было 62, то в 2007 году — 110, что составляет 29,7% от общего числа детских садов. В других учреждениях реализуются комплексные программы дошкольного образования («Радуга», «Детство», «Кроха», «Истоки», «Развитие»).

Художественно-эстетическое образование в дошкольном образовательном учреждении не ограничивается только реализацией соответствующих программ учебного плана, но проводится и через другие формы совместной деятельно-

сти — в кружковой и студийной работе, а также через художественно-эстетическую среду образовательного учреждения. Особо следует отметить усилия педагогических коллективов Центров развития ДОУ №№106, 137 и 167 по созданию художественно-развивающей среды, а также педагогов ДОУ №62 — по созданию воспитательной системы художественно-эстетической направленности.

На ступени школьного образования основной задачей является развитие художественного мышления, понимания выразительного языка искусства, его функций. В старших классах формируется способность анализировать духовные и культурные ценности, становящиеся частью собственных мировоззренческих позиций школьников. Таким образом, учащиеся общеобразовательной школы проходят путь постижения искусства: от эмоций — через знания — к осознанию и убеждению.

В основной школе на базовом уровне в учреждениях края в настоящее время реализуется 7 вариативных программ художественно-эстетической направленности, из них 3 — в предметной области «Изобразительное искусство», 4 — в предметной области «Музыка». В подавляющем большинстве школ (81%) реализуются программы Б.М. Неменского (изобразительное искусство и художественный труд) и Б.Д. Кабалевского (музыка). Вышеназванные программы, прошедшие испытание временем, по-прежнему не утратили своей значимости.

К другим программам у практиков есть определённые претензии:

- профессионально-искусствоведческий принцип наполнения программ нередко противоречит возрастным и физиологическим возможностям ребенка;
- современные программы методически зачастую не учитывают специфику предметов художественно-эстетического цикла, где должна превалировать не логика информации, а образ как основание

искусства.

Состояние школьного художественно-эстетического образования в крае не позволяет успокаиваться на достигнутом. Остаётся ряд нерешённых проблем его качества, причины которых лежат в области психологии и методики преподавания предметов. Во-первых, это отношение к предметам области «Искусство» как к дополнительным, т.е. необязательным для формирования и развития личности. Во-вторых, несовершенство форм уроков художественно-эстетического содержания, методов и способов взаимодействия с учащимися подросткового возраста.

К сожалению, массовое художественно-эстетическое образование в системе общего образования завершается в 9-м классе. В 10-11 классах только в структуре четырёх профилей Базисного учебного плана: художественно-эстетического, филологического, социально-гуманитарного и универсального, изучается предмет «Мировая художественная культура».

Тем не менее, именно с введением в крае профильного обучения связаны определённые позитивные тенденции в области художественно-эстетического образования:

- создание классов с углубленным изучением отдельных предметов, в том числе и художественно-эстетического цикла;
- расширение спектра предметов школьного компонента, факультативных и элективных занятий по художественному направлению;
- расширение числа видов искусств, к которым приобщаются учащиеся;
- появление учебных программ, интегрирующих различные виды искусства.

Так, в 208 школах края (56%) ведутся элективные курсы «Изобразительное искусство и среда», «Космос театра», «Театр», «Народная музыка», «Духовная

музыка», «Мир народной культуры», «На пути к образу», «Дизайн», «Живопись, графика, скульптура», «Ритмика и хореография», «Компьютерная графика», «Компьютерная музыка».

С 2000 по 2006 годы в Краевом экспертном совете успешно прошли экспертизу и получили гриф министерства образования Хабаровского края 15 авторских программ по разным видам художественно-творческой деятельности. Анализ тематики авторских программ показывает, что, с одной стороны, в них учтены региональные особенности, уделено внимание смежным видам искусства, развивается процесс интеграции с информационно-коммуникационными технологиями. С другой стороны, ощущается острый дефицит в программах, развивающих художественные способности учащихся, углубляющих и расширяющих эстетические представления о человеке и его месте в мире, полученные в основном звене школы.

В то же время необходимо констатировать, что единых государственных программ по профильным предметам образовательной области «Искусство» пока не разработано, что вызывает серьезные затруднения в осуществлении обучения в соответствующих профилях.

Массовая работа по художественно-эстетическому образованию школьников не ограничивается только изучением предметов учебного плана. В настоящее время ряд школ края успешно работает в сфере художественно-эстетического образования и вне рамок обязательной школьной программы. Так, например, официальный статус «Эстетический центр» получила школа №37 г. Комсомольска-на-Амуре. За 4 года 121 учащийся этой школы получил свидетельство об окончании музыкального, хореографического, театрального, инструментального или художественного отделений.

Мощный эстетический блок имеет лицей «РИТМ» г. Хабаровска: 554 ученика

этой школы от начального до старшего звена занимаются на четырёх отделениях: музыкально-хоровом, хореографическом, театральном, изобразительного искусства. Администрацией лицея создана материальная база, обеспечивающая полноценное обучение: 3 хореографических зала, театральная студия, 3 оборудованных кабинета музыки, 7 кабинетов со специальным оборудованием для индивидуальных занятий учащихся.

На базе гимназии №7 г. Хабаровска создана лаборатория художественно-эстетического образования. Здесь успешно и плодотворно работают: лауреат международного конкурса ансамбль «Улыбка», победитель всероссийского конкурса хоровая студия «Росинка», дипломант международного фестиваля вокальная студия «Орфей», театральная студия, различные кружки.

Многочисленные победы в краевых конкурсах «Новые имена», «Амурские зори», «Юные таланты», победы во Всероссийских и международных конкурсах подтверждают высокие результаты и значимость полученного в этих учреждениях художественного образования.

Деятельность системы художественно-эстетического образования в крае в настоящее время характеризуется усилением роли дополнительного образования детей, которое удалось не только сохранить, но и обеспечить его развитие.

Характерно, что в дополнительном образовании наиболее востребовано художественно-эстетическое направление. В 2006 году в учреждениях дополнительного образования детей 45 159 воспитанников (48,2% от общего их количества) занимались по программам художественно-эстетической направленности.

Можно с уверенностью констатировать, что в крае наметились следующие позитивные тенденции развития дополнительного художественно-эстетического образования:

– интеграция общего и дополнительного образования;

– расширение сфер образовательных услуг учреждений на основе выявления образовательных запросов детей и родителей;

– обновление содержания программ дополнительного образования.

О развитии этих тенденций в крае можно судить по имеющемуся опыту и достижениям образовательных учреждений в данной области.

1. Благодаря творческим достижениям получили известность и признание в крае и за его пределами коллективы учреждений дополнительного образования: детско-юношеские центры «Сказка», «Восхождение», «Гармония», «Изба ремёсел», центры эстетического воспитания детей и театральные студии «Алый парус» и «Бенефис» города Хабаровска, «Хехцирские узоры» с. Бычиха Хабаровского, «Город мастеров» Бикинского муниципальных районов; Дворец детско-юношеского творчества «Маленький принц» г. Хабаровска и Дворец творчества детей и молодежи г. Комсомольска-на-Амуре; Центр детского творчества «Паллада» г. Советская Гавань, Центр этнографической культуры с. Верхняя Эконь Комсомольского муниципального района, школа эстетического развития «Пчёлка» Детско-юношеского центра «Восхождение» г. Хабаровска, студия «Этнография и прикладное искусство» г. Амурска, клуб «Рукодельница» г. Николаевска-на-Амуре и многие другие.

Все они являются победителями городских, региональных, краевых и международных конкурсов и фестивалей. Являясь инициаторами создания творческих объединений, они расширяют образовательную среду, способствующую самореализации личности, её самоопределению в жизненном пространстве.

Обновление содержания художественно-эстетического образования стало возможным благодаря творческому подходу педагогов к процессу разработки

образовательных программ нового поколения.

2. На 01.01.2007 г. в 74 учреждениях дополнительного образования детей насчитывалось 2017 образовательных программ, из них художественно-эстетического направления 584, что составляет 29% от общего их количества. Это в 2,3 раза больше, чем в 2001 году.

55 программ (9,4%) — авторские, прошли экспертизу и получили гриф министерства образования края (на 15 программ больше, чем в 2001 году).

Обновлению программного материала в учреждениях дополнительного образования края способствуют творческие конкурсы. Так, только в 2006 году на ежегодный краевой конкурс авторских образовательных программ дополнительного образования было представлено 54 программы, из них 19 — художественно-эстетического направления, что составляет 35% от общего количества представленных на конкурс программ.

Программы, представленные на конкурс, разработаны с учетом региональных и национальных особенностей края, отражают исторически сложившуюся в России систему ценностей и приоритетов, способствуют социализации подростков и выбору ими будущей профессии. Лучшие конкурсные программы ежегодно публикуются в сборниках образовательных программ дополнительного образования детей. Это «Нескучный дом» автора Н.Ю. Кривошековой (г. Хабаровск), «Искусство Японии», автор М.Я. Зограф (г. Советская Гавань); «Народная художественная культура», авторы Т.Н. Борисова и И.А. Речкунова (г. Хабаровск); «Я и культура мира», автор О.Н. Дуничева (г. Хабаровск) и др.

С целью выявления, поддержки и развития одаренных детей Хабаровского края с 2001 года реализуется краевая программа «Одаренные дети». Приказом министерства образования №197 от

15 апреля 2002 г. на базе Хабаровского краевого института переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров была создана краевая научно-исследовательская лаборатория «Одаренные дети». В рамках краевой программы была разработана подпрограмма «Детская одаренность в сфере художественного творчества», реализация которой позволила стимулировать художественно-творческую деятельность, повысить интерес к проблеме выявления одаренных детей со стороны педагогов и административных структур, разработать ранее не существовавшие в крае критерии выявления и оценки детской одаренности.

В ходе анализа проблемы были определены области, в которых наиболее проявляется детская одаренность. Это естественнонаучная, спортивная, художественно-эстетическая, гуманитарная, информационно-техническая, технологическая.

Следует отметить, что в учреждениях дополнительного образования детей художественно-эстетический профиль одаренности представлен значительно шире, чем в общеобразовательных учреждениях. Это позволяет делать вывод о ведущей роли системы дополнительного образования детей в развитии художественно-эстетической одаренности детей, тогда как система общего образования обеспечивает в большей степени развитие гуманитарной и естественнонаучной одаренности.

Результатами реализации краевой программы «Одаренные дети» стали:

- формирование краевого банка данных одаренных детей;
- создание web-сайта «Одаренные дети»;
- работа краевой экспериментальной площадки по созданию педагогических условий развития детской одаренности на базе лицея №1 г. Комсомольска-на-Амуре;

— организация деятельности в различных территориях краевой выездной школы «Талант» для одарённых детей:

В 2003 г. — в г. Комсомольске-на-Амуре по художественному направлению проведена индивидуальная работа со 115 школьниками;

В 2004 г. — в г. Бикине в работе школы по направлениям «эстрадный вокал», «живопись», «поэзия» приняли участие 75 детей;

В 2006 г. — в п.г.т. Охотск по направлению «живопись» 350 школьников района прошли обучение в школе «Талант».

Экспертиза творческих работ детей, индивидуальные консультации, мастер-классы для учащихся и педагогов, организация персональных выставок — вот лишь то немногое, что делает работу краевой школы «Талант» бесценной.

Наглядным результатом реализации программы «Одарённые дети» можно считать участие школьников в Международном фестивале «Новые имена стран Азиатско-Тихоокеанского региона — 2004», в 11-ом Всероссийском конкурсе «Новые имена» (2004), в VI краевом фестивале детского творчества «Юные дарования» (2006), в краевых выставках-форумах, встречах с выдающимися писателями, художниками, музыкантами России и Дальнего Востока.

Одним из направлений целенаправленной деятельности в области художественно-эстетического образования является сохранение и развитие национальных культур коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Активную работу в этом направлении проводят органы управления образованием Амурского, Комсомольского, Нанайского, Охотского, Солнечного муниципальных районов. В образовательных учреждениях введены учебные предметы, организованы факультативные занятия, кружки, действуют 7 паспортизированных этнографических музеев.

Способствуют сохранению и развитию национальной культуры, национальных художественных промыслов, традиций коренных малочисленных народов Севера ежегодные акции, которые проводятся министерством образования Хабаровского края совместно с другими организациями и ведомствами:

— краевые образовательные форумы в 2004 и в 2007 годах проведены совместно с министерством природных ресурсов края;

— в 2005 году проведены школьные, районные и, как итог, — Межрайонная олимпиада по родному языку и национальной культуре;

— в 2006 году по итогам олимпиад был издан сборник исследовательских работ учащихся учреждений общего и дополнительного образования «Традиционная национальная культура дальневосточных этносов»;

— изданы две авторские программы факультативов по предметам национальной культуры («Декоративно-прикладное искусство нанайцев» для начальной школы, «Традиционная нанайская культура» для 8-9 классов).

В целях дальнейшего развития художественно-эстетического образования министерство образования Хабаровского края уделяет постоянное внимание вопросам укрепления кадрового потенциала учреждений дошкольного, общего и дополнительного образования детей.

В настоящее время кадровая потребность системы художественно-эстетического образования практически удовлетворена. Сократилась по сравнению с прошлым годом дополнительная кадровая потребность по музыке и изобразительному искусству. На 2006—2007 учебный год она составляла 17 вакансий, на 2007—2008 учебный год в банк дополнительной кадровой потребности вынесено 12 вакансий.

Согласно перспективной кадровой потребности до 2012 года в последующие

пять лет в учреждения образования края потребуется 23 учителя изобразительного искусства и 47 учителей музыки и музыкальных руководителей, что составляет 9% и 58% соответственно от подготовленных за этот период специалистов. Таким образом, дефицита кадров по данным специальностям не ожидается.

Тем не менее, в кадровой обеспеченности художественно-эстетического образования детей существуют определённые проблемы:

- 20,1% педагогов пенсионного возраста;
- 32,6% педагогов не имеют высшего образования у (в 2006 г. — 34,3%);
- 50% педагогов учреждений дополнительного образования детей не имеют педагогического образования;
- 18% педагогов не имеют специального (художественного) образования.

Решение проблем формирования высококвалифицированного кадрового состава педагогов художественно-эстетического профиля ведётся по двум направлениям:

- подготовка специалистов в высших и средних специальных учреждениях педагогического образования, в т.ч. в рамках целевой контрактной подготовки;
- профессиональная переподготовка и повышение квалификации педагогических работников образовательных учреждений края.

В Хабаровском крае подготовка педагогических кадров по профессиональным программам в области художественно-эстетического образования осуществляется Дальневосточным государственным гуманитарным университетом, Амурским гуманитарно-педагогическим государственным университетом, Хабаровским педагогическим колледжем, Николаевским-на-Амуре педагогическим училищем коренных малочисленных народов Севера.

В настоящее время на художественно-графическом факультете Дальневосточ-

ного государственного гуманитарного университета по специальностям «Изобразительное искусство», «Декоративно-прикладное искусство» и «Дизайн» по всем формам обучается 801 человек, в т.ч. 68 целевиков. В числе студентов Дальневосточного государственного гуманитарного университета, обучающихся по специальности «Филология», 55 человек, в т.ч. 15 целевиков, выбрали дополнительную специализацию «Теория и история художественной культуры». По специальности «Культурология» в институте филологии Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета по очной форме обучается 28 человек, в т.ч. 5 целевиков. На музыкальном отделении Хабаровского педагогического колледжа по специальности «Музыкальное образование» с дополнительной квалификацией «Руководитель ритмики, хореографии и организатор внеклассной работы», «Музыкальный работник дошкольного учреждения» обучается 82 человека, в т.ч. 5 целевиков. В Николаевском-на-Амуре педагогическом училище коренных малочисленных народов Севера при получении базовой специальности «Преподавание в начальных классах» 89 студентов получают дополнительную подготовку по выбору «Музыкальное воспитание» и «Изобразительное искусство», а с 2007 года — «Педагог дополнительного образования».

С целью решения проблемы отсутствия специального образования у педагогов, преподающих музыку, Хабаровским краевым институтом переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров была разработана и пролицензирована программа профпереподготовки по специальности «Музыка».

Важным направлением непрерывного художественно-педагогического образования является система повышения квалификации педагогических кадров, которая выстраивается на основе

адаптивной модели, разработанной Хабаровским краевым институтом переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров. В её основе лежит изучение образовательных запросов специалистов в области художественно-эстетического образования и построение с их учётом персонифицированного образовательного процесса. Для реализации этого положения специалистами института разработано новое поколение учебных программ для педагогических кадров в данной области: учителей изобразительного искусства, музыки, мировой художественной культуры, педагогов дополнительного образования и дошкольных образовательных учреждений: 9 учебных программ длительного повышения квалификации; 3 программы дистанционного обучения; 12 программ спецкурсов; 14 программ семинаров.

Основной задачей, реализуемой в программах повышения квалификации, является освоение педагогом методологии решения профессиональных педагогических проблем. Получение планируемых образовательных результатов возможно при условии использования интерактивных способов организации андрагогического процесса. Например, только в 2006 году на базе образовательных учреждений края проведено: 16 презентаций, 12 мастер-классов, 4 творческих мастерских, 2 проектные лаборатории и др.

За 5 лет в рамках курсовых мероприятий обучено 689 специалистов, что составляет 42% от общего количества педагогов образовательной области «Искусство». Учитывая, что каждый педагог обязан раз в 5 лет повышать свою квалификацию, следует делать вывод о том, что руководителями образовательных учреждений и органами управления образованием вопросам повышения квалификации данных специалистов почти не уделяется должного внимания. Особенно это касается таких муниципальных районов как: Тугуро-Чумиканский —

своевременно повысили квалификацию 20% педагогов данных специальностей за последние 5 лет, район им. П. Осипенко — 38%, Ванинский — 51%, район им. С. Лазо — 42%, при среднестатистическом показателе по краю 86,2% обученных за 5 лет.

В межкурсовый период повышение квалификации и методическая поддержка педагогов художественно-эстетического образования продолжается через систему семинарско-практических занятий, групповых и индивидуальных консультаций, педагогических чтений и конференций разных уровней. В 2006 году было проведено 26 учебно-методических мероприятий для специалистов данной категории, что на 21% превысило их количество по сравнению с 2001 годом. Охвачены межкурсовой работой 32% педагогов названных специальностей.

Положительным эффектом повышения квалификации специалистов в области художественно-эстетического образования является:

– обобщение передового педагогического опыта: за последние 5 лет на 18% увеличилось количество материалов передового опыта по художественно-эстетическому направлению, внесённых в краевой банк данных инновационного опыта;

– участие в профессиональных конкурсах: за период существования краевого конкурса «Учитель года» 6 учителей художественно-эстетического направления стали его победителями и 7 — лауреатами; 8 педагогов дополнительного образования завоевали призовые места в краевом этапе Всероссийского конкурса «Сердце отдаю детям — 2006»;

– участие в Национальном проекте «Образование»: 3 учителя музыки поощрены денежной премией как лучшие учителя края.

Таким образом, в системе художественно-эстетического образования Ха-

баровского края наметился ряд положительных тенденций:

- сохранение системы дополнительного образования детей;
- развитие образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования художественно-эстетического профиля;
- обновление содержания художественно-эстетического образования на основе внедрения инновационных образовательных программ, информационно-коммуникационных и педагогических технологий;
- совершенствование работы по выявлению и поддержке художественно-одарённых детей.

Однако имеющиеся положительные результаты в области художественно-эстетического образования не в полной мере отвечают запросам общественности края, не всегда востребованы и находят применение в практике работы образовательных учреждений края.

Основными причинами этого являются:

- отсутствие в крае стратегии художественно-эстетического образования;
- отсутствие межведомственного взаимодействия в планировании и решении общих проблем художественно-эстетического образования;
- недостатки в качестве кадрового обеспечения системы художественно-эстетического образования;
- ослабление взаимосвязей учреждений общего и дополнительного образования;
- недостаточное использование потенциала учреждений культуры и искусства в образовательном процессе учебных учреждений.

Таким образом, для дальнейшего целенаправленного развития системы художественно-эстетического образования в крае необходимо:

- разработать Концепцию непрерывного художественно-эстетического образования в крае;
- создать краевой межведомственный координационный совет по художественно-эстетическому образованию;
- разработать комплекс мер по развитию системы художественно-эстетического образования в крае;
- изучить накопленный в субъектах федерации положительный опыт создания и функционирования различных моделей интеграции и кооперирования учреждений социокультурной сферы на ассоциативной основе (учебно-воспитательные центры, социокультурные образовательные комплексы и т.п.).

Организация межведомственного взаимодействия в решении общих проблем позволит сконцентрировать административные и финансовые ресурсы на поддержке ведущих направлений системы художественно-эстетического образования, усилить кадровый потенциал и обеспечить на должном уровне развитие её материально-технической базы.

Отечественная система образования претерпевает в настоящее время серьёзные изменения, направленные на приведение её в соответствие с мировыми стандартами. Художественно-эстетическое образование, основанное на духовных корнях и культурных традициях нашей страны, позволит в этих условиях сохранить отечественной системе образования «лица необщее выражение», остаться российским, а не американизированным или европеизированным образованием и воспитывать Россиянина. Этим и определяется ценность художественно-эстетического образования российского школьника и студента, это и должно оставаться его сверхзадачей.

Флиер Андрей Яковлевич,
ректор Высшей школы культурологии
Московского государственного
университета культуры и искусств,
доктор философских наук,
профессор

Научные основания законодательства о культуре

В период, когда создавался ныне действующий Закон о культуре (1992 г.), были ещё не ясны стратегические направления культурного развития нашего общества, приоритеты культурной политики имели самый общий характер и были связаны в основном с обеспечением демократических свобод; более того, ещё не было ясно то, что страна вступает в полосу затяжных социокультурных реформ и сопутствующего им кризиса, что отразится на разных группах населения совершенно по-разному (а в ряде случаев просто катастрофически). Конечно, нельзя отрицать, что Закон содержит много разумных и необходимых статей, но в основном он посвящён принципам свободы творчества, вхождению культуры в рыночную экономику и организационно-управленческим проблемам Министерства культуры и подведомственных ему структур. То есть тем вопросам, которые были наиболее актуальны в начале 1990-х годов и во многом утратили свою актуальность ныне. Короче, закон уже не соответствует реальным потребностям российского общества в наши дни и нуждается в концептуальном обновлении (или новой редакции).

В статье на основе анализа двух оппозиционных подходов в понимании культуры предлагается авторская точка зрения научных оснований дальнейшего развития отечественного законодательства о культуре. Материал носит дискуссионный характер. Редакция журнала приглашает ученых, работников культуры и образования, а также всех желающих высказать свое мнение по актуальным вопросам, нашедшим свое отражение в статье.

Характерно, что в Законе даже нет чёткого определения базового понятия «культура», ещё не сложившегося к этому времени в нашей науке. Культура была неудачно заменена чисто реестровым перечислением «культурных ценностей» (полисемантичесность которых ещё большая, чем у собственно культуры) и различных видов «культурной деятельности» (набор которых тоже достаточно спорен).

Вот с этого вопроса мы и начнём. Так, что же такое «культура», без чёткого определения которой немыслимо никакое законодательство в этой области, как и государственная культурная политика? Всё многообразие точек зрения на этот счёт можно свести к двум основным: научной и отраслевой.

В современной науке существуют несколько сотен определений культуры, но при разной акцентировке практически все они сводятся к суждению о том, что культура есть сугубо человеческая деятельность (материальная и идеациональная), объединяющая:

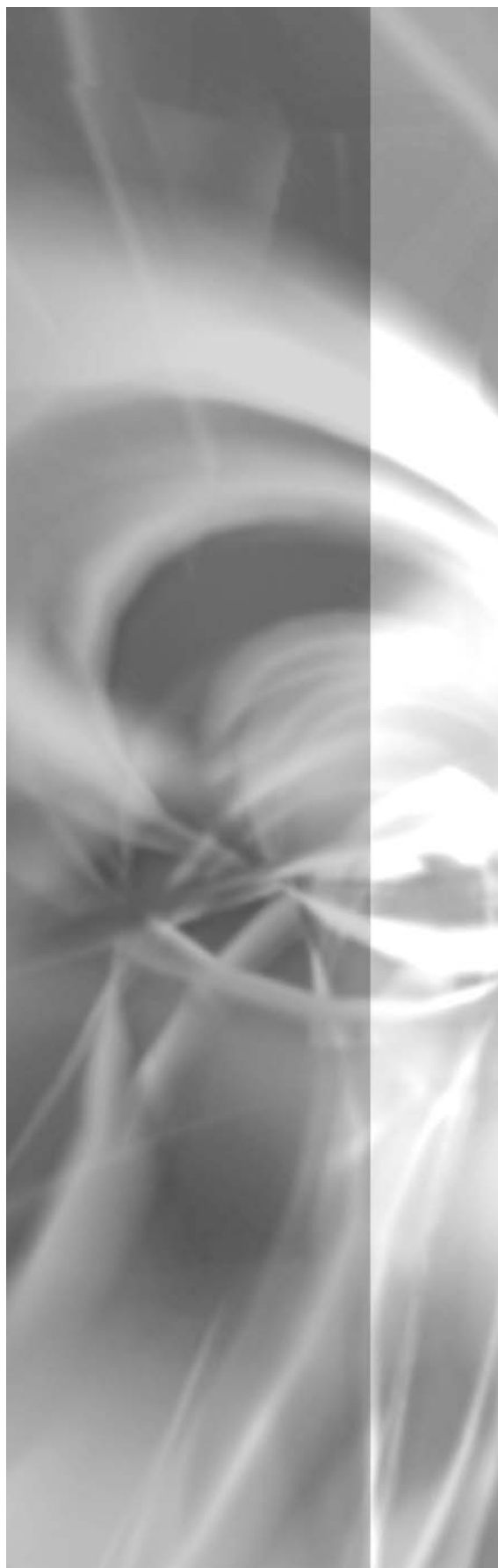
— все эмпирические, интеллектуальные и образные представления о мире (совокупность знаний и суждений, идей и проектов);

— все сугубо человеческие формы поведения (совокупность социально приемлемых взаимоотношений между людьми во всех областях их социальной практики);

— все эталонные нормы (наиболее приемлемые формы поведения и суждения) и систему ценностных ориентаций (разделение мира на добро и зло, правильное и неправильное, прекрасное и ужасное и т.п.);

— все формы социальной коммуникации (системы языков, символов и условных обозначений, образов, средств передачи информации — устных, печатных, аудио-визуальных, электронных);

— все созданные человеком продукты: материальные (вещи и обустроенные

территории), интеллектуальные (записанные на разных носителях, а так же их интерпретации), образно-художественные (отображения наблюдаемого и представляемого мира, творческие фантазии, выраженные в разных формах) [1].

То есть культура — это искусственный мир человеческого бытия (весь, включая явления, которые хочется назвать антикультурными), созданный, придуманный людьми и насыщенный социально и культурно значимой символикой в дополнение к природе [2]. Луна — это явление природы; а вот советский луноход и следы Нила Армстронга на её поверхности — это уже артефакты культуры. И попытки свести культуру преимущественно к искусству уже давно не соответствуют современному философскому и научному представлению о мире.

При этом культура не передаётся из поколения в поколение генетически (в отличие от природных родовых черт человека), а усваивается только методом обучения и подражания. Культура не приходит сама, ей нужно учить [3].

Это определение можно считать академическим.

В оппозиции к этой точке зрения существует и отраслевое определение культуры (принятое только в России), относящее к культуре лишь те сферы жизни общества, которые административно подчинены Министерству культуры, а именно: актуальное искусство и художественное образование, охрана культурного наследия (включая музейное, архивное и библиотечное дело), организованный досуг и при последней реорганизации — печать и СМИ [4].

Понятно, что в рамках академического определения культура уже не может являться оперативным объектом государственного управления (нельзя силами одного министерства управлять жизнью всего общества), но и отраслевой набор сфер общественной практи-

ки, включённых в понятие «культура», откровенно основан на удобстве технологий управления отдельными сферами жизни, политических задачах государственного контроля за идеологией населения (наследие сталинских времён) и подвержен критике со всех сторон (скажем, образование и религия — разве это не культура? Тогда почему они не подчинены Министерству культуры?).

Вопрос в том, как найти компромисс между обеими позициями.

Представляется, что решение данного противоречия уже давно предложено мировой этнологией, определяющей культуру как социальный опыт совместного проживания, упорядочивания мира и представлений о нём, накапливаемый каждым народом за века его существования [5]. Эта позиция никак не противоречит академическому подходу, поскольку объединяет в себе именно опыт коллективной жизни людей и его продукты и, одновременно, даёт возможность выделить те сегменты, которые подлежат ответственности разных органов управления. Понятно, что при таком определении число структур, отвечающих за проблемы культуры, неизбежно увеличивается. Помимо Министерства культуры сюда попадают Министерство образования (которое должно отвечать за формирование культуры подрастающего поколения), Министерство внутренних дел (потому что порядок — это основа любой культуры), Министерство здравоохранения и социального обеспечения (потому что культура «третьего возраста» и людей с различными ограничениями — это одна из важнейших проблем, которой комплексно ещё не занимались), все действующие в стране религиозные конфессии и деноминации, а так же вся отечественная философия (потому что мировоззрение — это неотъемлемая часть культуры), все гуманитарные науки (история, филология, искусствоведение, педагогика и др.), собственно искусство,

этнографические черты каждого этноса и субэтноса и множество иных организаций, областей деятельности и исторически унаследованных черт.

Вопрос в том, что в рамках каждой профессии или специальности существует своя профессиональная культура, определяющая допустимые и недопустимые способы осуществления этой деятельности [6]. Возросшие ЧП при космических запусках — признак понижения профессиональной культуры работников отрасли. Рост числа ЧП в армии — явное свидетельство падения профессиональной культуры армейского офицерства, которое обязано их предотвращать. Рост преступности в стране и особенно числа нераскрытых преступлений есть прямое следствие деградации профессиональной культуры работников МВД и Прокуратуры и т.п.

Поэтому задачей №1 представляется введение в каждом отраслевом министерстве службы, ответственной за поддержание уровня профессиональной культуры. Отделы внутренних служебных расследований в МВД и в контрразведке могут стать прообразом такой службы, только объём казусов нарушения профессиональной культуры, конечно же, гораздо шире, чем просто недобросовестное исполнение служебных обязанностей. Здесь очень важна и этическая составляющая проблемы. А для этого в рамках каждой специальности должен быть создан кодекс профессиональной культуры, который должен приниматься работником, как «клятва Гиппократова» медиками. Культурная работа в стране начинается с этого.

Задачей №2 является трансляция существующей культуры и культурного наследия страны подрастающим поколениям.

Теоретически это задача средних школ. Но, как показывает практика приемных экзаменов на культурологические специальности, у 99% абитуриентов зна-

ния по истории родной культуры (я уже не говорю о мировой) очень далеки даже от оценки «удовлетворительно». Они просто нулевые, поскольку в школе им даже не потрудились сообщить о том, что такое культура и какие артефакты можно описывать, рассказывая о культуре того или иного периода. Ясно, что по дисциплине «история» школьники изучают в основном военно-политическую историю и социальные движения, что тоже важно, но вовсе не отменяет историю мировоззрения, науки, искусства, бытовых нравов и обычаев. Что такое этнология и что она изучает, абитуриенты в массе своей тоже не знают. А как без этих знаний мы собираемся проводить национальную политику в нашей очень непростой ситуации?

Ясно, что после полутора десятилетий экспериментов стране пора понять, что среднее образование — это и есть процесс освоения культуры (между прочим, таблица умножения, как и таблица Менделеева — это тоже факты общенаучной культуры современного человека). Среднее образование — это процесс инкультурации школьника, освоения им как исторической, так и современной культуры, и на фоне этой задачи остальные неизбежно отступают на второй план. Показательно, что задача инкультурации молодёжи перед средними школами даже не поставлена.

Мы не знаем, в каком масштабе и с каким эффектом происходят процессы социализации и инкультурации детей. В программы выпускных экзаменов школ крайне необходимо ввести тесты (или иные формы проверки) уровней социализации (то есть готовности выпускника к плаванию в безбрежном океане социальных отношений, противоречий, конкуренции и т.п.) и инкультурации (уровня его знаний системы базовых ценностей, на которых стоит наше общество, строятся взаимоотношения между людьми — служебные, семейные, дружеские и т.д.,

то есть «что такое хорошо и что такое плохо», что допустимо общественными нравами, а что недопустимо и пр.).

Нерешённый вопрос видится в том, к какой отрасли должны относиться общеобразовательные школы, и все ли они должны быть однотипными. Одно из решений уже имело место в нашей истории: разделение среднего образования на классические гимназии (готовившие носителей гуманитарной культуры) и коммерческие училища (готовившие технократов). Можно пойти и по этому пути, можно и по иному. В стране сейчас действуют более сотни элитарных школ-лицеев, целенаправленно уделяющих повышенное внимание изучению отдельных областей знания. К сожалению, лицеев гуманитарного профиля среди них меньшинство. Но дело даже не в этом, а в том, что таких учебных заведений требуются сотни в Москве и Санкт-Петербурге, по несколько десятков в каждом областном центре и т.п. Только тогда мы получим право потребовать от Министерства образования исполнения своих функций в деле повышения культуры населения в стране в полном объеме.

Это вызывает закономерный вопрос: а где взять достаточное преподавательское обеспечение такого числа лицеев повышенного уровня? А это уже вопрос денег. Нет сомнений, что многие вузовские преподаватели с удовольствием пошли бы на почасовую подработку в лицеях. Вот и решение.

В связи со спорностью вопроса, в чьей ответственности лежит решение этих проблем при понимании того, что среднее образование обязано формировать именно культуру молодежи, а не набор стандартизированных знаний «понемногу обо всём», в ряде стран Министерства культуры и образования объединены в один общий комплекс. В конечном счёте, решение этого вопроса зависит от того, какая задача ставится

перед образованием: подготовка высококвалифицированных технократов или поддержание культурного уровня населения. У нас реализуется первая задача (ради чего и произошло объединение Министерства образования и Госкомитета по делам высшей школы), а теперь ещё и с наукой. То есть задачи инкультурации молодёжи (как школьников, так и студенчества) оказались подмятыми задачами её профессионализации (в технологическом смысле).

В результате, мы имеем то, что каждый день видим в новостях по телевизору. Старший офицер убивает задержанную чеченку просто из ненависти к инородцам (факт, доказанный судом). И много ли таких офицеров в наших Вооружённых силах? Это кто-нибудь проверял? Проводилось ли какое-либо исследование национальных настроений в среде офицеров армии, милиции? А ведь такой мониторинг, — это первое, что должен был потребовать Президент, как Верховный главнокомандующий. Это и будет одна из акций, выявляющих подлинное состояние культуры в нашем обществе.

В некоторых странах сфера общего и гуманитарного образования отнесена преимущественно к культуре, а сферы естественнонаучного и технического образования разнесены по соответствующим отраслям. В нашей стране существенная часть вузов уже являются отраслевыми (военными, медицинскими и др.). Проблема профессионализации решается у нас на вполне достойном уровне. А вот в каком отраслевом вузе (кроме медицинских) учат ещё и профессиональной культуре? Социально допустимым и недопустимым методам профессиональных действий, необходимости просчитывать социальные последствия своих решений и нести за них ответственность, этике взаимоотношений в коллективе и т.п.

Проблему составляет и самоопределение вузов культуры. Уже само назва-

ние «университет (или академия) культуры и искусства» — типичный атавизм идеологии сталинских времён, когда искусство должно было выполнять идеологические задачи партии, под общим надзором Наркомата культуры и системы творческих союзов. На самом деле нет никакой «культуры и искусства». Это управленческая и идеологическая мифология. Культура решает свои задачи (о чём ниже), искусство — свои. Хотя в некоторых вопросах они и пересекаются, но это скорее исключение в рамках общей тенденции.

Задача №3 — обеспечение сохранения, функционирования и развития той художественной культуры, которая имеется в нашем распоряжении сейчас. Фактически здесь выделяются три вполне самостоятельных вопроса:

а) охрана культурного наследия (в его материальной, текстовой и художественной формах);

б) поддержка функционирования художественной культуры в её современном состоянии;

в) подготовка кадров и проведение творческих конкурсов, обеспечивающих перспективное развитие культуры.

При всей сложности ситуации с наследием и отбором его объектов, она является наиболее простой; принципы отбора наследия уже установлены, проблемой остаётся лишь вопрос о том, должно ли всё финансировать государство? Все ли раритеты подлежат музеефикации, допустима ли раздача памятников в частные руки (их исторических владельцев, как это широко распространено на Западе)? Как относиться к частным коллекциям художественных раритетов, и стоит ли брать их под государственную охрану? Другой вопрос: относить ли реликтовые этнографические комплексы к объектам наследия или нет? Наука однозначно выступает за это. Проблема: в каких формах всё это сохранять? Есть ли нужда в организации этнографических резерва-

ций, которые (на западном же примере) зарекомендовали себя наиболее эффективными?

Вопрос о текущем функционировании художественной культуры решается сам, в стихийном порядке происходит адаптация искусства к рыночной системе отношений (впрочем, даже при Советской власти искусство — единственное, что жило в условиях рыночной конкуренции), а рост числа театров, художественных галерей и других объектов свидетельствует о том, что процесс адаптации уже прошёл критическую фазу. Свобода творчества гарантирована по закону. Проблема видится в том, что в условиях тотального засилья массовой культуры (о причинах этого ниже) пропаганда классического искусства должна быть обеспечена в законодательном порядке. Разумеется, в связи с социальным расслоением населения процент людей, интересующихся классическим искусством, заметно упал, но это общемировая тенденция, и решение этого вопроса лежит уже в плоскости воспитания социально-бытовой культуры населения, о чём речь пойдёт специально.

Что касается художественного образования и проведения конкурсов, то Россия (СССР) в этом отношении всегда была на высоте, и вопрос только в сохранении уже имеющегося уровня, числа художественных учебных заведений, частоты проведения творческих конкурсов. Правда, есть сложность с оттоком высококачественных кадров за границу, но, судя по всему, пик этого процесса уже миновал; к тому же это общемировая тенденция. Гастролировать никому не запрещено, а проблему высококачественных преподавателей художественных вузов можно решить лишь за счёт радикального повышения их окладов.

Задача №4 — самый болезненный сегмент нашей культуры — состояние социально-бытовой культуры населения. Можно справедливо гордиться Эрмита-

жем, Большим театром и Российской государственной библиотекой, но любому понятно, что всё это лишь «потёмкинские деревни» в стране с загаженными подъездами, числом общественных туалетов, на порядок меньшим, чем нужно современному городу, группами пьяных в общественных местах, полуграмотными школьниками, повсеместной нецензурной бранью на улицах, инвалидами, которым не уступают место в транспорте, и прочими характерными проявлениями нашей сегодняшней социально-бытовой культуры. А ведь это именно факты культуры, сколько бы соответствующее министерство от них не отрещивалось. Другое дело: относится ли борьба с этими явлениями к компетенции Министерства культуры? Получается так, что, сэкономив однажды на финансировании образования, мы теперь сторицей возмещаем эту экономию расходами на милицию, суды и пенитенциарную систему, а заодно и на коммунальное хозяйство. А ведь всего этого можно было в существенной мере избежать, не проводя непродуманных экспериментов в школе и целенаправленно обучая школьников основам социальной культуры поведения в личной жизни и в общественных местах.

Доля интеллигенции среди населения страны неумолимо сокращается, как и её влияние на общекультурный уровень граждан. Конечно, и здесь причины экономические. Оплата труда работников умственного труда упала до неприличного уровня и только в последние годы появилась тенденция к её росту. В результате — массовая эмиграция прежде всего интеллигенции старшего поколения. Плюс к этому развитие демократии в стране ориентировано на создание «властной вертикали» (то есть формирование режима диктатуры исполнительной власти), что менее всего соответствует интересам интеллигенции. Интеллигенция опять превращает-

ся в «попутчиков» всевластной касты чиновников.

И если борьба с некультурными проявлениями социальных «низов» и мигрантов — это уже задача милиции (что, кстати, заслуживает создания специальной службы, поскольку культура поведения в общественных местах — это и есть высшая форма общественного порядка), то без разработки целевой государственной программы восстановления прежней доли и роли интеллигенции в стране, степени её авторитета и влияния, мы так и остаёмся страной «третьего мира», несмотря на Большой театр, Российскую государственную библиотеку и Эрмитаж.

Это задача не только системы высшего образования и создания рабочих мест для специалистов умственного труда. Статус гуманитарно эрудированной личности должен стать нормой для любого образованного человека, должен быть поднят и поддержан на уровне Президента и Правительства. Разумеется, это не изменит состояния бытовой культуры населения в один день. Но за десятилетие это радикально поднимет престижность и выгодность качественного образования и высокой культуры, стимулирует рост потока людей, стремящихся к этому. Это вопрос в большой мере политический, поскольку ни социальное, ни гуманитарное знание ещё не нашло своей ниши в отечественной рыночной системе. Огрубляя, можно сказать, что наша страна ещё не доросла до уровня постиндустриального развития, где всякое знание (а в образовании прежде всего социальное и гуманитарное) — самое востребованное и экономически выгодное.

Ну, не доросли, значит, не доросли; по крайней мере, есть ещё какая-то надежда на рост в будущем. А вот то, что наши органы политического управления обходятся без экспертных советов социологов, этнологов и культурологов, свидетельствует об уровне управленческой

культуры в стране, соответствующему ещё периоду до эпохи Просвещения. Уже Екатерина II понимала, что культура управления — это прежде всего социально-гуманитарная проблема. Современные чиновники, не понимающие этого и считающие, что для решения проблем достаточно знания технологий в рассматриваемой сфере, явно относятся к поколению дьяков ещё допетровской эпохи, когда все вопросы решались кнутом и плахой (сейчас и этим ничего не добьёшься, так что на смену им пришли тугие кошельки, которые действуют и как пряник, и как топор).

Тем не менее, вопрос об участии Министерства культуры в повышении социально-бытовой культуры населения не снимается. И здесь нужна комплексная программа организации досуга, клубной работы и т.п., построенная на принципиально иных началах и стимулах, нежели это имело место в прошлом, имеющая главной задачей общекультурное развитие людей, а не приобщение их к господствующей идеологии.

Может быть, имеет смысл организационно разделить: выделить Министерство по делам искусств и охране культурного наследия (включая музейное, библиотечное и архивное дело) в самостоятельную структуру, а Министерству культуры и массовой информации (совместно с Министерством образования и науки) заняться именно проблемами социальной культуры населения и наращивания массива интеллигенции? Слишком уж не сходятся задачи у двух «крыльев» Министерства культуры. Развитие искусств и социально-бытовая культура населения — это вообще несопоставимые задачи, и не может быть специалистов, равно компетентных в обеих областях.

Задача №5 — роль средств массовой информации и массовой культуры в повышении социально-бытовой культуры населения. Очень хорошо, что был создан телеканал «Культура» — отду-

шина для сохранившейся части интеллигенции. Но нельзя все прочие каналы телевидения и радио отдавать на откуп рыночной стихии. Ведь их смотрит и слушает вся страна. Представляется, что в сегодняшних условиях, при очень низкой эффективности других каналов, именно на СМИ должны быть возложены генеральные обязанности по повышению социально-бытовой культуры основной массы населения (с прямой уголовной ответственностью за её понижение). Опять-таки для этого следует разработать комплексную программу роли СМИ в поднятии культуры масс и найти тот предмет интереса, ради которого СМИ начнут работать на эту программу (помимо уголовной ответственности; все-таки охота пуще неволи). Врачи ведь лечат людей не только потому, что несут за это ответственность. Они ещё и соревнуются в демонстрации своего профессионального класса. Почему же журналисты у нас соревнуются только в масштабе прошлого?

Понятно, что и это вопрос экономический. СМИ живут преимущественно за счёт рекламы и поэтому заинтересованы в трансляции лишь того, что пользуется наибольшим спросом. Значит, нужны жёсткие законодательные меры, на основании которых ведётся отбор журналистов, соответствующих культурным нормам, регламентация их эфирного слэнга, ограничения допустимых объёмов рекламы и пр. И нужна умная программа деятельности, где даже на базе форм массовой культуры, во-первых, шёл бы очень жёсткий отбор нравственно достойных произведений, а, во-вторых, среди самих авторов и исполнителей массовой художественной продукции нужно инициировать соревнование по созданию произведений, поднимающих культурный уровень населения. Ведь они все прекрасно понимают сами, и среди них немало достаточно грамотных людей, только продавшихся за большие деньги.

Вопрос лишь в прянике, который нужно им предложить. Перед СМИ должна быть поставлена задача — стать учителем хороших манер. И это, несомненно, подействует, принимая в расчёт степень влияния СМИ на массу.

А что делать с засильем массовой культуры? К сожалению, ничего. Ее размах эквивалентен социальному и культурному расслоению в стране, и пока мы будем бедным и малокультурным обществом, массовая культура будет абсолютно доминировать (да и в будущем, когда мы, дай Бог, станем высококультурной страной, огромная ниша для массовой культуры сохранится). Ее ограничение возможно только по мере роста качества жизни, социально-бытовой культуры населения, с ростом числа и влияния интеллигенции и пр., о чём шла речь выше. Впрочем... Вспомним, как британская королева возвела участников группы «Биттлз» в дворянское достоинство и наградила их орденами именно потому, что на фоне других они были самыми социально приличными, а в их творчестве присутствовала определенная музыкальная культура. Может быть, попробовать и у нас?

Та реформа состояния культуры (и в первую очередь массовой социально-бытовой культуры), перед которой стоит наша страна, небеспрецедентна. Вспомним кампанию по всеобучу 1920-х гг. Она же сработала. Но для этого потребовалось мобилизовать усилия всего государства, всех ведомств различного уровня. Нужно, чтобы высшие органы власти поняли, что без этого никакого общественного восстановления не произойдет. Нужно, чтобы глава государства постоянно держал эту проблему на контроле. Нужно, чтобы власть, наконец, трезво поняла, что в условиях перехода от командно-административной системы к режиму демократии требуется не только экономическая, но и такая же всеобъемлющая культурная революция,

столь же масштабная, как и всеобуч, а, может быть, и больше. И нацелена она должна быть тоже на малообразованные слои населения, для которых ныне культурная адекватность общественным нормам перестала быть условием выживания (между прочим, это и есть та революционная ситуация, о которой писал Ленин). Но подобная адекватность должна стать условием выживания, иначе никаких перспектив у всех наших усилий по реформированию страны нет и не будет.

Мир переходит на постиндустриальную стадию развития. При всех экономических сложностях у России есть потенциал войти в число активных участников этого процесса. Для этого требуется создание общенациональной индустрии знания, радикальный рост наукоёмких отраслей материального и интеллектуального производства. А значит, и соответствующая культурная атмосфера, радикальный рост научной, технической, образовательной и художественной интеллигенции в стране. Хорошо образованных людей слишком много не бывает; слава Богу, мы живем не в джунглях Амазонки. Но работа высоко образованного слоя интеллигенции должна стать наиболее востребованной. И это может быть достигнуто законодательными мерами путём пересмотра тарифной сетки и иных действий, резко повышающих статус и доходы высоко образованных людей.

На первый взгляд, это только усилит социальное расслоение общества на интеллектуалов и прочих. Чтобы избежать этого, должна быть предусмотрена и ниша востребованности для людей с качественным средним образованием и достойным уровнем социальной культуры. И чем шире она будет, тем быстрее мы станем высококультурным обществом. Но это задача скорее социальная, чем культурная, и в нашу компетенцию не входит.

Уже давно миновали те времена, когда экономика считалась базовым элементом общества, а культура — надстроечной верхушкой. Наука XX века показала, что базовое основание состоит из трёх равнозначных сегментов: социальных отношений, культуры и экономики, которые функционируют за счёт того, что глубоко проросли друг в друга и питают друг друга своей продукцией — социальным взаимодействием, культурным нормированием и экономическими благами.

И если культура финансируется по остаточному принципу, то значит, по остаточному принципу финансируется вся жизнь в стране. Потому что мифология «культура и искусство» уже уходит в прошлое. Культура — это не искусство, которое тысячи лет существовало и дальше проживёт без соответствующего министерства. Культура — это принцип упорядочивания мира, нормирования человеческих отношений, систематизации знаний и представлений о бытии. А это накапливается по ходу истории. И этому нужно учить.

Здесь всё зависит только от нас самих и от того, каким обществом мы желаем стать.

Список использованных источников

1. Флиер, А. Я. Культура // Культурология. XX век: энциклопедия : в 2-х т. — СПб, 1998. — Т.1.
2. Морфология культуры. Структура и динамика. — М. : Наука, 1994.
3. Орлова, Э. А. Культурная (социальная) антропология / Э. А. Орлова. — М. : Акад. проект, 2004.
4. Информация с официального сайта Правительства РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.gov.ru/main/ministry/isp-vlast44html.
5. Семенов, Ю. С. Философия культуры / Ю. С. Семенов. — М., 1999.
6. Флиер, А. Я. Культурологи я для культурологов / А. Я. Флиер. — М. : Акад. проект, 2000.

Бляхер Леонид Ефимович,
заведующий кафедрой философии
и культурологии Тихоокеанского
государственного университета,
доктор философских наук,
профессор

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Политические мифы прочно вошли в реестр исследовательских объектов общественных наук, в том числе культурологии. Уже в работах Э. Кассирера отмечается значимость политической мифологии в практике управления современными обществами и, одновременно, опасности с ней связанные [17]. Еще определеннее эта мысль прослеживается в трудах С. Московичи: «В цивилизованном обществе ... массы возрождают иррациональность, которую считали исчезающей, этот рудимент примитивного общества, полного отсталости и культа богов. Вытесненная из экономики наукой и техникой, иррациональность сосредоточивается на власти и становится ее стержнем. Это явление нарастает. /.../ Политика — это рациональная форма использования иррациональной сущности масс» [20, с. 61].

В этих терминах по большей части и велось исследование политических мифов. Политический миф есть основа для манипуляции массами, фундамент выработки идеологии [18, 19, 24]. Политический миф, в отличие от архаического прародителя, не возникает естественно, а конструируется, хотя и

Статья посвящена особому способу организации культурного пространства — проточной культуре, возникающей в условиях постоянного внешнего инновационного потока, грозящего уничтожить основания автохтонной культуры. Смысл проточной культуры состоит в обеспечении самосохранения в условиях постоянной изменчивости. Ситуация описана на материале Дальнего Востока России.

с ориентацией на «глубинные запросы масс» [11].

Соответственно, он вызывает беспокойство как «оружие на пути к свободе», средство закрепощения человека. Отсюда и традиция демифологизации, идущая от социокритики и воодушевляющая многих современных политологов. Отсюда же позиция современных консерваторов, возлагающих на миф надежды на возрождение национальной идеи и национальной идеологии. Не вдаваясь в дискуссию о природе и смысле политических мифов, определим собственную точку зрения, с которой и описывается явление, обозначенное нами как «политическая мифология Дальнего Востока».

Прежде всего, миф — это не верифицируемое знание. Миф является истиной просто потому, что он миф. В этом своем качестве он не нуждается в подтверждении чем-либо, кроме себя самого. Точнее, любая предъявленная сознанию реальность, интерпретируется в наличных мифологических формах. Миф предстает как структура принципиально контрфактичная. Никакая совокупность фактов, предъявленных индивиду, не компрометирует его. На этом, в частности, основана устойчивость «ложных» смыслов и механизмов смыслоозначения. Например, образ «доброго царя», одна из ключевых мифологем российской социальной жизни, отнюдь не компрометируется фактом наличия данного, «не очень доброго». Напротив, даже если образ создать не удастся, это не ведет к разрушению механизма смыслоозначения. Сам «образ», как показал Н.Я. Эйдельман, заставляет воспринимать того или иного монарха, держателя высшей власти как «самозванца», а самозванца воспринимать как «доброго царя» [27]. На эту же особенность наталкиваются критики той или иной мифологемы. Можно сколь угодно долго приводить факты, опровергающие мифологическую конструкцию. Ее носитель даже способен признать истинность этих фактов. Однако сами факты не ге-

нерализируются. Носитель мифологемы выдвигает сильнейшую идеализацию: «А почему бы нет?», спасая свой мир, основанный на мифе.

В этом плане миф – не «слово» Р. Барта [3], а образец, далеко не всегда артикулируемый напрямую. Достаточно часто миф остается на уровне смыслового фона, интерпретационного контекста. Наличие такого контекста позволяет коллективу осуществлять совместную деятельность, вне зависимости от различия целей и мотивировок. «Конфликт интерпретаций» здесь выносятся за скобки коммуникативного акта, не участвует в конструировании совместной реальности. Скажем, миссионерская деятельность православных священнослужителей среди коренных народов Дальнего Востока не особенно затруднялась тем обстоятельством, что легитимные для аборигенов формы группового брака интерпретировались миссионерами как «разврат», «сожительство братьев с сестрами». Этот момент просто «опускался» в ходе коммуникации.

Отсюда вытекает второй параметр мифа: миф – это коллективное знание, организующее коммуникацию, дающее возможность совместить «когнитивные горизонты» участников коллектива. Индивидуальные «возможные миры» («возможные положения дел») в мифе совмещаются в единую intersubъективную реальность. Между возможными мирами проводятся «мировые линии», позволяющие отождествить предметы и действия в разных возможных мирах, вне зависимости от смысла, который им в этих мирах приписывается. Как показал Я. Хинтика, проведение «мировых линий» опирается не на «устойчивые десигнаты языка», то есть не на смысл или логику в ее формально-лингвистическом понимании, а на «знание случайных эмпирических фактов» [29].

Наличие таких демонстрируемых фактов является необходимым элементов мифа как семиотического образования. Собственно говоря, такой репре-

зентант мифа и обозначен Р. Бартом термином «слово». Однако миф не сводится к слову или иному демонстрируемому артефакту. Он представляет собой сложный и целостный смысловой комплекс. Появление одного (демонстрируемого) элемента вызывает появление в сознании участников действия всего комплекса. Происходит предвосхищение целого через часть. Наличие такой целостности становится основой для отделения «своего» пространства от «чужого», объединяет разнородные элементы в общую сверхсхему, по которой и осуществляется конструирование реальности.

В нашем кратком рассмотрении категории «миф» мы не ставим себе цели описать или хотя бы обозначить все мыслимые ее характеристики. Нам важны лишь те из них, которые будут использоваться в дальнейшем изложении. Однако рассмотрение категории «миф» не разрешает вопроса о том, что понимается нами под термином «политический миф», как указанные нами особенности проявляют себя в политическом пространстве.

На наш взгляд, миф и в политическом пространстве выполняет не столько функцию инструмента манипуляции, сколько функцию «несущей конструкции», задающей параметры различения «своего» пространства от чужого, друга от врага. Инструментом манипуляции миф не может служить по той простой причине, что для этого необходимо, чтобы манипулятор и манипулируемый были включены в разные мифологические системы, ориентировались на различные мифы. Однако в этом варианте не происходит «совмещение горизонтов», не происходит коммуникация. В лучшем случае, у манипулятора может возникнуть иллюзия, что он создал некий мифогенный механизм типа «национальной идеи». Если же управляющий и управляемый находятся в одном мифологическом пространстве, то оно, обеспечивая полноценную коммуникацию, в равной мере детерминирует и первого и второго, де-

лая невозможным манипуляцию мифом или мифическим сознанием. Попытка «выйти за миф» оказывается успешной только в том случае, когда основанием оказывается другой миф и разделяющий его коллектив. Восставшие английские крестьяне пели: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?». Тем самым, основанием для критики власти дворянства, освященной мифологической традицией, оказывалась иная, более древняя, а потому более значимая мифологема, связанная со Святым Придаием. Но, выйдя «за миф», человек оказывается в другом мифологическом пространстве. Его действия перестают коррелировать с действиями участников прежнего коллектива. Он оказывается в положении чужака и может управлять, только опираясь на силовое принуждение. Более того, осмысленные прежде коллективные действия оказываются для него лишены какой-либо логики, ибо логика этих действий основана на мифе. Он оказывается лишен возможности не только «управлять» (политик), но и понимать (ученый) происходящее.

Таким образом, для политолога, стремящегося понять структуру политического пространства, конструируемого данным мифологическим сознанием, возникает задача не «разоблачать» мифы, поскольку разоблачения все равно не дойдут до адресата, а описывать их. Но в описанных выше условиях эта задача выглядит почти невыполнимой. Дело в том, что, если я разделяю систему политических мифов, то я не могу их описывать, я в них просто живу. Если же я не разделяю их, то они (для меня) уже не мифы, а заблуждения, «ложное знание» — явление совершенно иной природы. Здесь-то я (исследователь) и начинаю видеть манипуляцию, ущемление интересов народа, надругательство над свободой и прочие страшные вещи.

В этом случае ситуация на Дальнем Востоке России оказывается уникальной. Здесь мы имеем становящееся политическое пространство на осваи-

ваемой территории. В силу своей незавершенности, проточности политическое пространство Дальнего Востока России включает в себя множество разнородных элементов различной природы. На протяжении многих столетий Дальний Восток представлял собой особый тип организации — проточную культуру [6], основанную на относительном балансе положительной и отрицательной миграции при слабой сформированности регионального ядра. Каждый следующий поток переселенцев нес свои, в чем-то отличные от предшественников мифологические представления. Особый тип социальных сетей, основанных на витальных ценностях, позволял этим представлениям не входить в контакт друг с другом, не переламяваться, а сосуществовать. Это обстоятельство и дает возможность не только жить в определенном мифологическом, мифогенном пространстве, но и видеть его, рефлексировать над ним. Дополнительный «избыток видения» [5] задается тем обстоятельством, что дальневосточный ученый всегда участник не только и не столько регионального научного сообщества, а обязательно входит во внешний «незримый колледж». Отождествление с ним и дает основания для анализа.

Таким образом, положение внутри некоего политического пространства и коллектива позволяет дальневосточному ученому понимать смысл коллективных действий, участвовать в них, а его включенность во внешнее сообщество дает основания для того, чтобы анализировать не верифицируемые, контрфактические коллективные представления региона. Такой анализ важен не только для понимания политических процессов, происходящих в регионе, но и для описания механизма «работы» политических мифов. Вдохновившись этими соображениями, мы и приступим к описанию нескольких, наиболее значимых политических мифологем и связанных с ними смысловых комплексов, характерных для населения Дальнего Востока. Эмпирическим осно-

ванием нашего описания выступает анализ материалов региональной прессы Хабаровского и Приморского краев, 20 неформализованных интервью, собранных в 2002–2004 гг. в городе Хабаровске в ходе реализации проекта «Феномен проточной культуры: механизм образования, структурирования, деградации» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. В работе используются статистические данные о социально-экономической и социально-политической ситуации в регионе, материалы формализованных опросов, проводимых в 1999–2004 гг. по заказу правительства Хабаровского края.

Мифологема первая: богатый регион, ограбленный Москвой.

Описание этой мифологемы, пожалуй, удобнее всего начать с цитаты, ее отражающей. Губернатор Долганов Ненецкого автономного округа А. Хлопонин пишет в статье с колоритным названием «Сохранит ли Россия Сибирь и Дальний Восток?»: «Если в европейской части России, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, главная составляющая экономической жизни — торговля и финансы, то Сибирь и Дальний Восток производят нефть и газ, никель и медь, золото и металлы платиновой группы, алюминий и электроэнергию, древесину, алмазы, рыбу — продукцию конкурентоспособную, востребованную и в России, и на мировых рынках». Перечисленные блага впечатляют. Практически все, что так или иначе пользуется спросом на мировых рынках, здесь присутствует. Однако «в тени» остается иной аспект. Все это рассредоточено на гигантской территории, составляющей две трети территории страны. Вне внимания уважаемого политика, да и большей части населения региона оказывается и то, что это самое население (до 75 его процентов) живет совсем не там, где располагаются эти самые блага, а гораздо южнее. Поскольку только там и можно жить на Дальнем Востоке (относительно) комфортно. Только там присутствует (относительно)

налаженная социальная и транспортная инфраструктура.

«Там» — это узкая полоска на верхнем и среднем течении Амура и южная часть Приморского края. «Там» расположены крупнейшие города региона — Хабаровск, Владивосток, Находка, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск. В этих городах сосредоточены ведущие вузы, больницы, музеи, театры, заводы и т.д. Всё то, что делает жизнь жизнью. Эти же города, по совместительству, являются транспортными узлами, административными центрами. Население остальной части региона (исключая особую ситуацию Якутии), хотя и существует в непосредственной близости от перечисленных выше богатств, но существует, а не проживает. Более того, добыча этих самых богатств в условиях полной неразвитости транспортной системы становится проблематичной. «Северный завоз» превращает любую произведенную в этих условиях продукцию в «золотую» по себестоимости. Если это действительно золото или платина, то территория худо или бедно продолжает существовать (Аяно-Майский район Хабаровского края), а вот лес и рыба становятся просто нерентабельными, если их добыча располагается не возле транспортных артерий. Так, почти утратил прежнее значение рыболовецкий комплекс Нижнего Амура. Прибрежное рыболовство, некогда давшее толчок развитию района [13], тихо скончалось в начале 90-х годов. Значительные лесные массивы, расположенные в Хабаровском сельском районе Хабаровского края, в условиях отсутствия транспортных путей даже не оправдывают заготовки [2]. Все, что не «там», постепенно становится территорией массовой миграции населения. Если с Дальнего Востока люди уезжают, то из северной его части они бегут.

Миф о «богатом регионе» выступает как продукт метафорического переноса, развернутая метафора, в которой изначальный смысл русского слова «богатый» перенесен в экономическую

плоскость. Изначальный смысл, зафиксированный в словарях, связан с идеей «божьего дара», обильности природных богатств, наделенности «чем-то», совсем не обязательно капиталом [14]. Этот смысл, действительно, всегда сопутствовал освоению Дальнего Востока. Первые землепроходцы шли осваивать «Новую Мангазею», страну, богатую пушшиной и «рыбьим зубом». Столетьем позже регион привлекал богатыми месторождениями драгоценных металлов. По местным преданиям первопроходцы в отсутствие свинца лили пули из платины. Еще спустя столетие крестьяне ехали в край, богатый землей [13]. Однако ни переселенцы, ни историки не говорили, что они едут в богатый регион. Регион как раз был бедным [12], с низкой капитализацией производства, с отсутствием транспортной инфраструктуры, с редким населением и относительно низкими доходами. Однако противоречия между «богатством» и «бедностью» в рамках регионального дискурса не возникало. Средством, снимающим противоречие, был другой метафорический перенос. Все явления, связанные с концептом «бедный», обозначались термином «осваиваемый», активно используемом и в политическом, и в исследовательском, и в повседневном дискурсе [15]. Таким образом, выстраивалась весьма яркая картина. Богатый регион, наделенный всеми мыслимыми благами, является осваиваемым. То есть обладает еще и огромными «потенциальными возможностями» [22]. Эта «потенциальность», следовательно, не снижает, а повышает его ценность. Интересно, что не только на уровне обыденного сознания, но и в рамках научного, экономического или политического дискурса региональные ученые и политические лидеры неохотно обращаются к сравнению экономических показателей (доля в Общероссийском хозяйстве, в экономике АТР). Здесь мифу трудно ужиться с реалиями. Но стоит сравнить Дальний Восток с... Дальним Востоком, как все становится

на свои места в нашем подлинно богатом регионе.

Здесь проявляется вторая сторона мифа о богатстве региона. Обозначим ее как «миф обиды». Если мы такие богатые, — а то, что мы богатые, сомнений не вызывает, — то отчего мы такие бедные? Вероятно, в этом виноват кто-то, находящийся за пределами региона, кто-то чужой. Этот «чужой» обозначен в процитированном выше отрывке — столица. В столице, в Москве присваивают то, что производит регион, его богатства. Потому-то мы и бедные. Еще ярче этот мотив звучит в интервью: «Вот, квоты на рыбу до сих пор не пришли. Все решают, как их выдавать. А у нас в лимане (Амурский лиман возле Николаевска-на-Амуре — Л.Б.) плавбаза стоит. Без квот, без разрешений. Рыбку сделали и в Москву. Нам одна мелочь остается» (Мужчина, 38 лет, образование высшее, предприниматель). Но обида связана даже не с тем, что «Москва» вылавливает «нашу» рыбу, забирает налоги или что-то еще. Обидно, что при этом она не понимает, насколько значима территория. Нас, дальневосточников, нельзя мерить общей мерой, оценивать по формальным показателям, типа ВРП. Ведь в том, что регион развивался так, а не иначе, «виновата» опять-таки «Москва». «Проблема всех постколониальных территорий — пишут М. Кутузов и М. Баринаева — в том, что они слишком долго привыкли быть нужными стране как территории размещения военной силы — то ли для обороны от врага, то ли для продолжения дальнейшей экспансии. В общем, никак по-другому она и не рассматривалась» [4]. Иными словами, всё время мы вас защищали, осваивали регион для России. Сегодня вы решили, что мы для вас слишком дороги, и... бросили. Мотив брошенности активно педальруется в прессе. Спад производства, продолжающийся на Севере, распад социальной инфраструктуры, «замерзающее» Приморье — все это проявление невнимания Центра к Дальнему Востоку. Как

показал контент-анализ газет «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск) и «Золотой рог» (Владивосток) за период 1999 по 2003 год, экономический спад, демографическая ситуация и мотив «обиды на Москву» находятся в отношении жесткой взаимосвязи. Появление одного из этих мотивов в 89% случаев вызывало появление другого.

Еще более усугубляется мотив в связи с реальной оторванностью большей части жителей региона от «Запада», европейской части России. Стоимость авиабилета до столицы своей страны оказывается в среднем в 2 раза выше, чем пролет до столиц стран Юго-Восточной Азии и в 4 раза выше, чем прожиточный минимум на территории. Несколько дешевле стоят железнодорожные билеты. Но и здесь не все просто. Семь дней пребывания в душном вагоне при минимальном сервисе обойдутся дальневосточнику в 2,5–3 прожиточных минимума. Притом, что средняя заработная плата в Хабаровском крае чуть выше прожиточного минимума, а доход на душу населения чуть ниже, поездка в столицу становится малореальным предприятием. В результате сама страна, в которой находится регион, приобретает виртуальный, мифологический характер. О проблемах этой страны россиянин-дальневосточник узнает из передач центральных каналов телевидения и радио, из газет и уст немногих очевидцев. Поскольку же «монолитность» СМИ — продукт недавнего времени, облик страны оказывался разнородным, размытым. Миф и позволял объединять его элементы в целое, в Россию. Мифический облик становится единственной реальностью. В рамках этого мифа единый и монолитный Дальний Восток — природная кладовая России, ее суть и соль противостоит «фантомной» Москве, ориентированной «на Запад», на Европу. Противостояние это отнюдь не воинственное. «Москва» своя, но забывшая о своих обязанностях столица. Ей нужно просто объяснить, насколько значим Дальний Восток для Рос-

сии, как нужно помогать ему, заботиться о нем.

Идея более жесткого противостояния — создание Дальневосточной республики — не стала конструирующим мифом. Миф о ДВР сложился в конце 80-х–начале 90-х годов в среде оппозиционно настроенных гуманитариев, став для этой группы квинтэссенцией мифа о богатстве региона. Автаркичная, богатая и демократическая Дальневосточная республика постоянно фигурирует в региональной печати первой половины 90-х годов [9]. Поскольку именно «Москва» ответственна за захват ДВР, то она же должна способствовать ее восстановлению. Впрочем, несмотря на широкую, но кратковременную кампанию в печати идея так и не стала политическим мифом, не приобрела значения для коллектива. Причины тут три. Первая и наиболее очевидная заключалась в том, что мотив обращения к теме ДВР был слишком очевиден — торг с центром. «Если России нужен Дальний Восток, у него должно быть гораздо больше прав и возможностей. Ни о каком «равенстве» с метрополией речи быть не может» [8]. Вторая причина заключалась в своеобразии заселения региона в XX веке. Если в XVII–XIX веках Дальний Восток манил к себе «мягкой рухлядью», серебром и золотом, огромными просторами «свободных земель», то в конце XIX и весь XX век сюда направляли организованные переселенческие потоки. Крестьяне-новоселы, рабочие приисков, строители Транссиба и КВЖД ехали не по зову души, а по приказу. Естественно, что как только ситуация менялась, столь же многочисленный, хотя и менее организованный поток переселенцев направлялся в противоположную сторону [13]. Ехали не только рабочие, нанятые на сезон, ехали предприниматели, заработавшие свои миллионы и переселяющиеся туда, где их можно потратить. В советские годы такие встречные потоки стали «нормой жизни» в регионе. Первостроители «Города-на-заре», оборонных

заводов Хабаровска, строители Байкало-Амурской магистрали не столько переселялись, сколько протекали по региону. Они, в большинстве своем, приезжали строить, работать, но не жить. Убыль трудовых ресурсов компенсировалась новыми наборами. В результате к середине 90-х годов по опросу, проведенному автором этих строк при поддержке Московского общественного научного фонда в городе Хабаровске (грант «Начальные условия кризисного стратобразования», 1996) только половина жителей региона родились на его территории. Менее трети могли назвать три поколения предков-дальневосточников. Более того, для 80% респондентов отъезд из региона воспринимался как этап карьеры. ДВР для них не живой образ, а некая абстракция, умозрительная концепция, еще более отдаляющая их от воссоединения с желанной Родиной. Можно попенять матери, забывшей о своих детях-дальневосточниках, но отделяться... Идея самостоятельной республики не была поддержана ни населением, ни властью в регионе. И, наконец, третья причина, связанная с «единством» Дальнего Востока России. У каждого из субъектов федерации, входящих в ДВФО (дальневосточных), особая социально-экономическая и политическая ситуация, свои претензии на лидерство, своя система международных связей. Общего у них только сам характер заселения и порожденные им социально-демографические проблемы, да обида на «Москву». Единство возникает только «против». Если же предположить самостоятельность, то все проблемы и противоречия между дальневосточными субъектами немедленно актуализируются. Таким образом, «обида», оставаясь важным смысловым комплексом в политическом сознании дальневосточников, не вызывает активных действий по отношению к «обидчику». С другой стороны, без учета этого фактора невозможно понять ни высокий процент протестного голосования на выборах, ни воинственные заявления местных лиде-

ров при их крайне осторожной внутривнутриполитической стратегии.

Важной функцией местного лидера — от приказчика в уезде XVII века до губернатора в XX и XXI веках — была защита местного сообщества от властного воздействия, идущего из центра. Огромные расстояния, специфический характер расселения и хозяйствования в регионе приводили к тому, что распоряжения и указы, идущие из центра — от Петра I до наших дней — имели достаточно слабое отношение к реальным социально-политическим процессам в регионе. Так, «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» от 26 марта 1961 года [23] предполагали продажу земель Кабинета Его Императорского Величества, как форму решения «земельного вопроса». Это вполне разумная установка в условиях европейской России, где ощущался земельный голод, оказалась бессмысленной на Дальнем Востоке, где существовали огромные массивы свободных земель, и господствовало «захватное право» землепользования. Призыв «земли и воли» просто не мог встретить понимания там, где и первого и второго было в избытке. Столь же мало соотносился с дальневосточными реалиями «Городовое положение» и судебная реформа, которые так и не нашли себе места на Дальнем Востоке вплоть до начала XX века [16]. Редкое население и сильнейшие местные связи приводили к реальному господству «обычного права» над формальными нормами. Обычное же право в формализованных уложениях не нуждалось, разрушалось ими. Для сохранения привычных норм общежития и создавалась социальная структура, позволяющая, не противореча столичным указам и распоряжениям, реализовывать принятые на территории нормы социального взаимодействия. Основой для этого было то обстоятельство, что властно-административный и экономический ресурс в регионе всегда оказывался распределенным. Административная власть на территории сталкивалась

с властью администрации крупнейшего предприятия, непосредственно подчиняющегося столице. Такова была ситуация в Нерчинске в XVII веке, в Охотске времен «Камчатских экспедиций» и освоения Аляски, в Комсомольске-на-Амуре в XX веке и т.д. Подобное двоевластие уже описывалось на материале Уральского региона [28]. Там двоевластие приводило к господству формальных норм, поскольку обе власти были автономны по отношению друг к другу и конкурировали за первенство в регионе. На Дальнем Востоке последствия были иными. Если на Урале территориальная и заводская администрация были самодостаточны, то на Дальнем Востоке каждая из них нуждалась в партнере. Администрация территории и администрация структурообразующего предприятия не обладали автономностью и полнотой власти. Только та региональная власть оказывалась прочной, которая опиралась на руководство крупнейших предприятий. Отсюда она получала «внебюджетные» поступления, позволяющие сгладить последствия от очередного мудрого решения верховной власти, смягчить социальные противоречия внутри сообщества, решать личные материальные и карьерные проблемы. Однако и руководство крупнейших предприятий могло успешно осуществлять свою деятельность только в том случае, если его безоговорочно поддерживала местная власть. Как показывает анализ исторических документов [16], задачи, которые ставились предприятиям, редко соотносились с реальностью. Вспомним упорное желание царского правительства завести пшеничные поля на Камчатке или сроки сдачи оборонных заводов в Комсомольске-на-Амуре в советские годы. Огромные расходы на жизнеобеспечение (местное выражение — «бюджет горит в топках»), высокие транспортные тарифы, отсутствие инфраструктуры делали производство в регионе малорентабельным. Для того чтобы свести концы с концами, не входя в противоречие с общей идео-

логической установкой, директорату, предпринимателям постоянно приходилось идти на ухищрения. Фабричные лавки с высокими ценами за недоброкачественный товар, недоплата налогов, укрытие части произведенного продукта были не изобретением постсоветского периода, а нормой экономической жизни Дальнего Востока. Об этой ее особенности исследователи пишут на протяжении XIX–XX веков [23]. Естественно, что возникала необходимость «прикрыть» эти нарушения через властное лицо. Само же властное лицо лучше далекого центрального правительства понимало, что выполнение промышленниками и иными предпринимателями всех предписаний гарантирует крах предприятия. В результате такой острой взаимозависимости формируется сеть, в рамках которой происходит интенсивный обмен силовыми, символическими и материальными благами. При этом персональный состав сети значения не имел. Точнее, он не имел определяющего значения. В сетевое взаимодействие включались не персоналии, а функции, ибо только путем обмена эти функции обретали целостность и власти, и хозяйствующего субъекта. Правовая сторона, формально-властная структура при этом включалась как один из элементов сети, один из видов ресурса и один из источников риска. Разделить бизнес и власть в этих условиях не представляется возможным. Показательно, что крупнейшими представителями дальневосточной буржуазии в начале XX века были люди, связанные с властью, с казенными заказами и подрядами (А. Бонди, Л. Скидельский, С. Шестаков и другие) [1]. В этих условиях властное лицо в кратчайшие сроки превращалось из «государева ока» в лидера местного сообщества. По существу, только таким образом он мог успешно выполнять обязанности по административному управлению территорией. В качестве представителя, лидера местного сообщества он должен быть «отцом и заступником» перед централь-

ной властью. Здесь можно усмотреть четкую закономерность — чем более «положительным» является глава дальневосточного субъекта федерации или, ранее, губернатор Российской Империи в глазах центра, тем ниже его популярность на Дальнем Востоке. Даже осознавая явную бессмысленность этого акта, глава должен демонстрировать перед населением свою оппозиционность. В противном случае он имеет вполне реальные шансы превратиться в номинальную фигуру. Так, несмотря на отключение света и тепла во Владивостоке во второй половине 90-х годов XX века, губернатор продолжал пользоваться поддержкой населения. Причем, чем более негативно он воспринимался в центре, тем выше были его акции «на местах». Столь же показателен провал большей части креатуры Представителя Президента в ДВФО на региональных выборах. Еще более яркие примеры дает история. В 1819 году в ходе проверки дел генерал-губернатора Сибири И.Б. Пестеля М.М. Сперанским выявлено 700 чиновников, замешанных в коррупции, то есть около 65% высшего звена управления Сибирью, включая Дальний Восток. Под судом оказалось 48. А более 500 сохранили свои места. Во многих случаях за них вступались именно те, кого они «притесняли» [16]. Они были «свои».

Но не менее важной функцией регионального лидера является защита не только от «Москвы», «обидевшей» дальневосточников, но и от окружающей регион «Азии», от «желтой угрозы». «Желтая угроза» — один из наиболее значимых политических мифов в регионе. Он и будет рассмотрен ниже.

Мифологема вторая: «желтая угроза» и дальневосточный форпост.

Модная в 90-е годы теория «конфликта цивилизаций», нашедшая немало ярких продолжателей в отечественной политологии, своеобразно проявилась в дальневосточном регионе России. В Европе она шла от сложных интеллектуальных построений, журналистских

спекуляций, став реальностью для масс только после бомбардировок Югославии и терактов 11 сентября 2001 года. На Дальнем Востоке идея «конфликта цивилизаций» присутствовала изначально, с момента освоения русскими Приамурья в XVII веке. Албазинская осада, Нерчинский мирный договор, по существу, капитуляция, русско-японская война и блокада Владивостока, интервенция, резня в Хабаровске и гибель Николаевска в послереволюционные годы. Всё это создавало особое самосознание у жителей — самосознание гарнизона крепости, находящейся в осаде или созданной на случай осады. Если в досоветскую эпоху гарнизонное сознание отражало неустойчивость российских позиций на «новых землях», то в советский период оно стало квинтэссенцией идеологии «враждебного окружения». Япония, а затем Китай становятся «вероятными противниками», а Дальний Восток «передовой», «первым рубежом обороны» России на пути новых захватчиков. Под эту идеологию выстраивалась экономика страны и, в первую очередь, экономика Дальнего Востока. Основные предприятия Хабаровского края, так или иначе, работали «на оборону». Добывающая промышленность, сельское хозяйство имели подчиненное значение. Они должны были «кормить и снабжать» военные заводы и самих военнослужащих, число которых (включая солдат и матросов срочной службы) было сравнимо с остальным населением региона. Как нами было показано ранее [6], каждый следующий поток переселенцев обладал более высоким престижем, чем предыдущий. Потоки второй половины XX века были ориентированы на ВПК, на армию, на самосознание форпоста.

Казалось бы, что с приходом «нового мышления» М. Горбачева, смягчением противостояния времен «холодной войны» самосознание форпоста, гарнизона крепости должно было ослабнуть. Но этого не произошло. Скорее, наоборот. Даже явная заинтересованность России в союзе с Китаем [25] не изменили во-

индивидуальности заявлений региональных лидеров. Мотив, педалируемый в региональной прессе и служащий оправданием «воинственности», — нелегальные китайские мигранты. Они (мигранты) «тайно» захватывают регион, проникают во все поры дальневосточного общества, вытесняют местных работников. Число нелегальных мигрантов, начиная с 1994 года, неуклонно снижалось, составив в 2000 г. менее 0,8% от числа въехавших в страну. Но это никоим образом не изменило восприятие населения. Возникает идея «тайного заговора» китайцев с целью захвата сопредельных территорий. «У них как Новый год, их, китайский, все уезжают в Китай. И тамошние китайцы едут, и наши — все, кто связан с лесом. У нас уже знают: после этого надо ждать падения цен. Это их китайская государственная политика. У них же все, так или иначе, связаны с государством. Оно их поддерживает. Думаете, кто их финансирует? Китайский народный банк. Наши только ушами хлопать успевают» (респондент, мужчина, экспортер леса, образование высшее, 43 года, интервью — март 2002 г.). Пограничное размежевание стало новым источником иррациональных страхов, подтолкнуло к новым демонстративным шагам власть. Примером таких шагов стало активное храмовое строительство на Большом Уссурийском острове, в центре Хабаровска при достаточно небольшой пастве и вполне советском атеистическом населении города. Храмы, часовни выполняют не столько религиозную, сколько политическую функцию, являясь знаком несомненной русскости «спорных» территорий.

Не менее важна и внутривластная функция. Точнее, она гораздо важнее. Не столько важно, что китайцы видят этот храм [6], сколько то, что его видят жители «седьмой столицы». Именно для них подчеркивается «опасность», идущая извне, и стойкость региональной власти. Еще сильнее этот мотив представлен в Сахалинской области,

где словосочетание «северные территории», даже по отношению к Камчатке или Магаданской области, исключено из лексикона. Такое усиленное муссирование темы угрозы (более 70 упоминаний в газетах «Тихоокеанская звезда» и «Золотой рог» за последние 2 года) невольно наводит на мысль о предельной важности этой темы для жителей региона. В чем же эта важность?

Выше мы упоминали о проточности дальневосточного общества. Оно в течение столетий складывалось из переселенческих потоков, сменяющих один другой. Каждый из переселенцев приезжал со своей системой норм и правил, своими культурными установками. Постоянное население региона (те, кто остался от «прошлых» потоков) было слишком незначительно, чтобы ассимилировать пришельцев. Но и пришельцы были слишком разнородны, чтобы насадить свою культуру, свои нормы поведения. Да и время их пребывания в регионе было не слишком велико. Через 20–30 лет менялось приоритетное направление развития, и новый поток переселенцев заменял активно уезжающих «аборигенов». Возникла ситуация, когда в условиях постоянных внешних инновационных «вливаний» местная культура просто не успевала сложиться. Инновационный вихрь постоянно разрушал ее. Для того, чтобы компенсировать это положение и создать условия для организации интеракции, формировалась особая — проточная — культура. Главной целью этой культуры было гасить инновационные вихри, создавать интересующую реальность там, где культурных условий для ее возникновения не было. Поскольку проживание в регионе мыслилось как временное, все конфликтующие смыслы, связанные с различиями в субкультурах, откладывались «на потом». Если же люди все-таки ехали в регион навсегда, то жизнь осмыслялась как «начинающаяся с чистого листа» [10]. Однако процент «романтиков», едущих в «новую жизнь», был невелик. В

основном ехали не «за туманом», но за деньгами, дальневосточными надбавками в советские годы, за налоговыми льготами в досоветский период. Новоселы, практически, сразу включались в систему сетевого обмена (услугами, ресурсами, деньгами). Сеть была основана на обмене витальными ценностями, но для участников имела и другой смысл. Этот смысл фиксировался в метафоре сети (имени сети). Функция метафоры и заключалась в отделении «своих» от «чужих». Сама метафора имела двойственный характер. С одной стороны, она воспроизводила элемент господствующей идеологии, навязываемой официально социальной структуры: общества взаимного кредита, потребительские кооперативы, землячества и т.д. С другой, — они включали в себя не просто участников кооперации землячества, бригады или иной официальной «ячейки общества», но участников сетевого обмена. Так, достаточно показателен невероятный по масштабам России взлет кооперативного движения на Дальнем Востоке в начале XX века. По данным Э.М. Шагина [26], около 45% крестьян Амурской и Приморской губерний входили в кооперативы. Однако тот же автор отмечает, что наиболее богатые и наиболее бедные крестьяне не были охвачены кооперативным движением. Причина, по мнению автора, проста: богатые не нуждались в коллективной поддержке, а бедные ничего не могли предложить в обмен. Иными словами, сельские кооперативы были не столько формой роста капиталистических отношений в дальневосточной деревне, сколько способом воссоздания крестьянской общины, мира, с его взаимовыручкой и круговой порукой. Сходную функцию имели различные благотворительные организации для элитного слоя дальневосточных губерний. «Новый» чиновник автоматически включался в благотворительное общество и, тем самым, в сеть, создаваемую этим обществом. Подобным образом организовывалась сеть и в со-

ветский период. Держатель властного ресурса (партийный деятель) выступал как медиатор сети между директором нового строительства и местным сообществом. Номенклатура становилась сетеобразующей структурой. Аналогичные процессы протекали в низших слоях. Поскольку сетевая структура накладывалась на официальную, то и сети оказывались «сквозными», охватывали всю иерархию дальневосточного социума. Сетевой характер официальной структуры сообщал ей невероятную живучесть. К примеру, Хабаровск — один из немногих городов России, где день рождения ВЛКСМ является подлинно народным праздником, в котором принимают участие люди самой разной политической и профессиональной ориентации. Для получения доступа к сетевому обмену новоселы должны были принять метафору, влиться в местную сеть. Влившись, он получал возможность осуществлять социальную коммуникацию безотносительно к собственным культурным установкам. Однако к началу 90-х годов XX века ситуация радикально меняется. Рушится система льгот для новоселов Дальнего Востока. Точнее, ее реальный объем становится незначительным, не компенсирует сложности проживания. Поездка «за деньгами» в регион становится малопривлекательной. Одновременно рушится и идеология, обосновывающая необходимость проживания в регионе, выступающая основанием для сетевого взаимодействия. В этих условиях проточная структура рушится, и актуализируются культурные различия жителей региона. Единственной общей характеристикой, позволяющей организовать коммуникацию, отождествить себя с территорией и территориальным сообществом, для жителей региона остается самосознание форпоста. Показательно, что при опросе жителей города Хабаровска в 1999 году (n=1074, выборка квотная по отношению к генеральной совокупности — население города Хабаровска) о политическом значении региона говорили все, кто не выказывал сильных миграционных на-

строений. Напротив, лица, обладающие жесткой установкой на отъезд из региона, не поддерживали самосознание форпоста. Здесь говорилось об отсутствии перспектив, экономическом спаде, бытовой неустроенности. Однако, если в 90-е годы самосознание форпоста Европы в Азии, «русской крепости» преобладало над мотивом «обиды на Москву», то к началу XXI столетия соотношение меняется. И в интервью, и при формализованном опросе негативные коннотации проявляются все сильнее. Особенно остро выступают они при опросе на отдаленных территориях. Так, в Николаевске-на-Амуре «не видят перспективы для жизни в районе» — 68% респондентов (случайная выборка, n=350 по отношению к генеральной совокупности — жители Николаевского района). Примерно такие же результаты показал опрос в Ванинском и Советско-Гаванском районе. Высокий уровень тревожности (неуверенность в будущем) демонстрируют и жители города Хабаровска. Если строительство часовни на Большом Уссурийском острове широко освещалось в печати и поддерживалось подавляющим большинством населения Хабаровского края, то дальнейшее храмовое строительство вызывает все возрастающее раздражение населения, перестает восприниматься как значимый политический акт (данные неформализованных интервью). Высокий процент недоверия федеральным органам власти выступает зримым и фиксируемым проявлением обиды. «Обида» проявляется и в электоральном поведении. Относительно низкая явка на выборы даже в политизированном Владивостоке. Высокий процент протестного голосования, поддержка ЛДПР, особенно в «глубинке», показывают высокий уровень депривации населения региона. Проточная культура, основанная на мифологических конструктах и официальной идеологии, разрушается. Альтернативные мифы не создаются. Точнее, единственный миф, который выявляется у большей части жителей — это миф о китайской угрозе. Од-

нако этот миф, сопряженный с мотивом «обиды» и «брошенности», не столько консолидирует население региона, сколько служит оправданием для стремления «вырваться» из него.

Но «смысл» Дальнего Востока перестает быть понятным не только дальневосточникам. Сворачивание некогда широко разрекламированной в регионе президентской программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Забайкалья» (профинансирована на 10% от плана), нечеткая и непоследовательная политика государства в АТР наталкивают на мысль, что смысл Дальнего Востока непонятен и федеральной власти. В отсутствии «образа России» в мире становится непонятен и образ ее части. Однако, если для «исторической» России возможна выработка автономной модели существования [21], то для осваиваемого региона с не сложившимся паттерном социально-политического развития это маловероятно. Здесь для выработки собственного образа необходим образ целого, для которого осваивается регион. Поскольку инновация, в том числе политическая, всегда шли извне, то и сегодня регион мучительно ждет решения своей участи, ответа на вопрос: «для чего?». И только создав новый миф, внедрив его в сознание жителей Дальнего Востока, можно мобилизовать (в шмидтовском смысле) население, повернуть вспять процесс деградации социальной структуры региона. Основания, пока еще достаточно зыбкие, для такой замены есть. Все активнее региональные СМИ, ученые, связанные с властными структурами, пытаются заменить образ «форпоста» на образ «торговой фактории». Однако особенность политического мифогенеза Дальнего Востока России во все эпохи состояла в том, что мифу для того, чтобы приобрести статус мифа, необходима сакрализация центральной властью. Будет ли совершена такая сакрализация, покажет ближайшее будущее, но это будет уже совсем другая история.

Список использованных источников

1. Асалханов, И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири в XIX веке / И. А. Асалханов. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1963.
2. Алешко, В. А. Социально-экономическое развитие Хабаровского района / В. А. Алешко. — Хабаровск, 2001.
3. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
4. Баринаева, М. Некоторые размышления об очередной попытке дальневосточного прогресса [Электронный ресурс] / М. Баринаева, М. Кутузов. — Режим доступа: <http://povestka.ru/default.asp?id=strategy&idp=9>.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1987.
6. Бляхер, Л. Е. Потребность в национализме, или национальное самосознание на Дальнем Востоке России // Полис. — 2004. — №3.
7. Бляхер, Л. Е. Диалог через границу: региональные варианты кросскультурного экономического взаимодействия // Вестн. Евразии. — 2004. — №4.
8. Власов, Е. Нужен ли Дальний Восток России? // Тихоокеан. звезда. — 1994. — 11 авг.
9. Врабий, А. Демократическая республика на Дальнем Востоке // Тихоокеан. звезда. — 1994. — 9 авг.
10. Говорухин, Г. Э. Захват социального пространства // Город X: провинциальные города Сибири и Дальнего Востока. — Хабаровск, 2003.
11. Гуггенбюль-Крейг, А. Наивные старцы. Анализ современных мифов / А. Гуггенбюль-Крейг. — СПб. : Б.С.К., 1997.
12. Демьяненко, А. Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России / А. Н. Демьяненко. — Владивосток : Дальнаука, 2003.
13. История Дальнего Востока СССР: период феодализма и капитализма (XVII в.—февраль 1917 г.). — Владивосток, 1983.
14. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Я. Черных. в 2-х т. — 3-е изд. — М. : Рус. яз., 1999.
15. Ишаев, В. И. Особый район России / В. И. Ишаев. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1998.
16. Кабузан, В. М. Дальневосточный край в XVII — начале XX века (1640 — 1917) / В. М. Кабузан. — М. : Наука, 1985.
17. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер. — М. : МГУ, 1990.
18. Лобок, А. М. Антропология мифа / А. М. Лобок. — Екатеринбург : Отд. образования Администрации Окт. р-на ; Банк культур. информ. 1997.
19. Мисюров, Д. Политика и символы / Д. Мисюров. — М. : Макс пресс, 1999.
20. Московичи, С. Век толп / С. Московичи. — М. : Центр психологии и психотерапии, 1996.
21. Нечаев, В. Д. Миф провинциальности: содержание и механизмы возникновения // Формирование и функции политических мифов в постсоветских обществах : сб. / отв. ред. Т. В. Евгеньева ; РАН, Ин-т Африки. — М., 1997.
22. Песков, В. М. Российский Дальний Восток в глобализирующемся АТР // Социально-политические процессы на Дальнем Востоке России: анализ, регулирование, прогноз : материалы I регион. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 21-23 апр. 2004 г.). — Хабаровск, 2004.
23. Унтергербер, П. Ф. Приамурский край, 1906-1910 гг. / П. Ф. Унтербергер.- СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912.
24. Цуладзе, А. Формирование имиджа политика в России / А. Цуладзе. — М. : Кн. дом «Университет», 1999.
25. Цимбурский, В. Л. Россия — Земля за великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика / В. Л. Цимбурский. — М., 2000.
26. Щагин, Э. М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин / Э. М. Щагин. — М., 1974.
27. Эйдельман, Н. Я. Твой 18 век. Прекрасен наш союз / Н. Я. Эйдельман. — М. : Мысль, 1991.
28. G. Luchterhandt, S. Ryschenkow und A. Kuzmin. Politik und Kultur in der Russischen Provinz (Hauptstadte der russischen Provinz: Geschichte, Politik, Kultur in Nowgorod, Woronesch, Saratow und Jekaterinburg). — Bremen: Edition Temmen, 1999.
29. Hintikka, I. Possible Worlds and Epistemic Logic. — Noose. Vol.1. 1967.

Рубан Николай Иванович,
директор Хабаровского
краевого краеведческого музея
им. Н.И. Гродекова,
кандидат исторических наук

В статье освещены вопросы, раскрывающие роль музеев в культурном развитии общества, проанализированы процессы возникновения и формирования музея как социокультурного института, даны определения и основные функции музея.

Музеи, их влияние на отражение исторических процессов в обществе, на развитие национальной культуры

Различные взгляды на музей специалистов и создателей нетрадиционных направлений в культурной жизни общества, а также музейных практиков, теоретиков, музеологов, не случайны.

Чтобы понять, почему возникают споры о роли музеев по отношению к развитию культуры, отражению истории, чтобы осмыслить то, что он из себя представляет, каково его место в нашем мире, почему развивающееся человечество всё же не может обходиться без него, и почему музейные предметы, такие реальные и такие убедительные, составляют важную часть наследия человечества и дают своим зрителям ощущение преемственности и культурной гордости, необходимо проследить исторический путь развития.

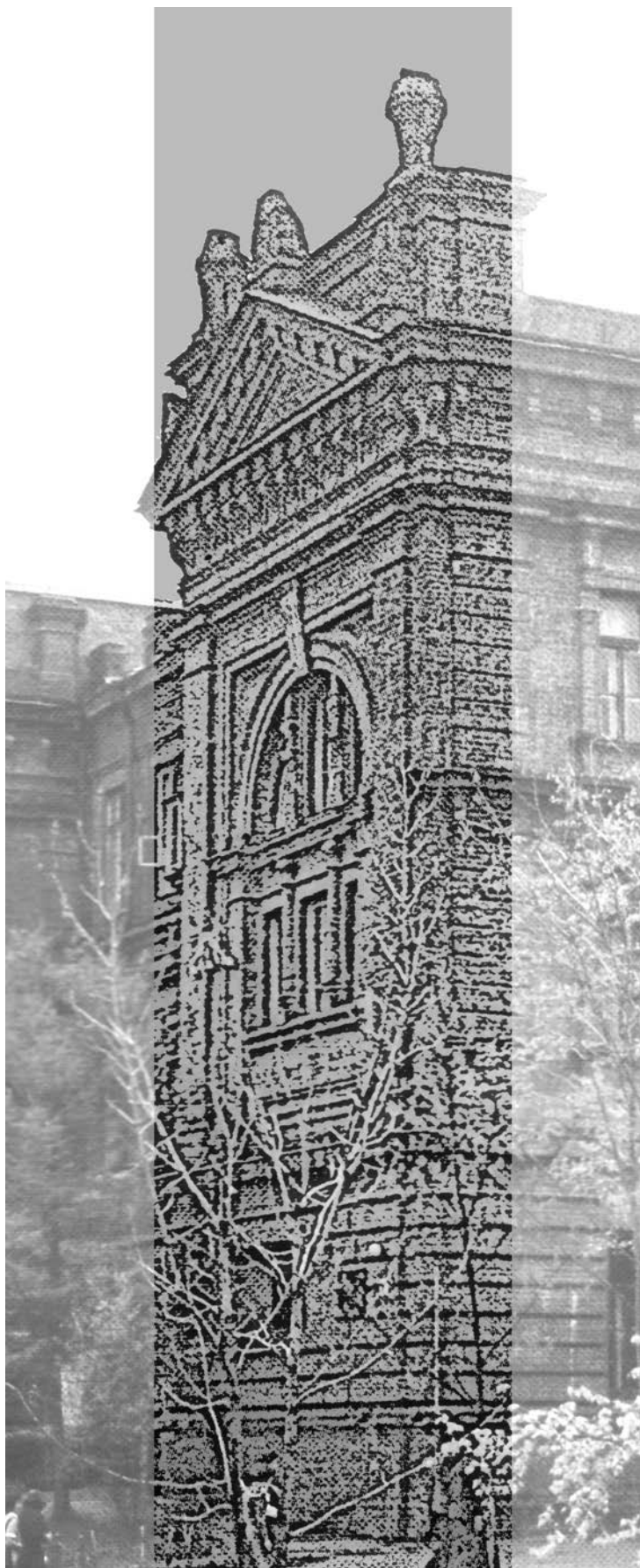
Музей как особый социально-культурный институт существует с XV века; употребление слова «музей» относится к давним временам. Термин «музей» в древней Греции обозначал храм муз (девяти дочерей Зевса и богини памяти Мнемосины — покровительниц искусства,

литературы и наук). Около 500—450 гг. до н. э. музеи были обычно местом культа погребальных церемоний, а также соревнований между членами литературных обществ.

Возникновение и постепенное формирование специализированного социокультурного института музея тесно связано с практикой предмузейного собирательства. Оно осуществлялось в ходе серьезных изменений в сфере духовного развития человечества и его материальной культуры. Как полагает британский музейвед Дж.М. Крук, современный музей — детище трех культурных исторических эпох и связанных с ними общественных процессов и движений — возникновения в период Возрождения гуманизма, просветительской деятельности периода Просвещения и демократизации государства со времени Великой французской революции.

Для XVIII века, который выделяется в качестве первого хронологического периода в становлении отечественного музейного дела, характерно то, что инициаторами в организации музеев и одновременно проводниками политики в этой области были представители верховной власти. Музейная деятельность Петра I и Екатерины II становится одной из сторон их политики в области культуры и просвещения.

В 1718 году был издан знаменитый царский Указ о покупке редкостей для Кунсткамеры. «...Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: камни необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птички, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным; также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, та кож бы приносили, за что давана будет довольная дача...»

В царствование Екатерины II музей стал академическим и продолжал интенсивно пополняться путем приобретения на личные и средства государственной казны коллекций у возвращавшихся из экспедиций учёных, а также покупок отдельных коллекций за рубежом. Судя по «Описанию» Кунсткамеры, вышедшему в 1800 г., её структура не претерпела существенных изменений. Над входом в музей, как свидетельствует О. Беляев, были начертаны слова, взятые из «Наказа» Екатерины II: «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространялось между людьми».

Так эстафета, переданная Петром I потомкам путем основания первого публичного музея с целью просвещения и развития наук, протянулась через весь XVIII век.

Первые отечественные музеи сначала находились в ведении либо Академии наук (Кунсткамера), либо дворцовой конторы (Эрмитаж, Оружейная палата). В первой половине XIX в. в связи с реформами центрального правительственного аппарата и образованием министерств, музеи дворцового ведомства были переданы в распоряжение Министерства императорского Двора, прочие музеи, также и академические — Министерства народного просвещения.

Пореформенное время открыло новый этап в истории музейного дела России. Значение буржуазных реформ 1860—1870-х гг. для последующей истории страны нельзя недооценивать. В эти годы создается довольно разветвленная сеть комплексных (в нашем понимании, краеведческих) музеев на местах. Их возникновение — результат больших перемен в жизни пореформенной России. Прежде всего — это оживление общественной жизни, включение в нее широкого пласта разночинной интеллигенции с её идеалами просветительства, и — в связи с этим — общая демократизация культуры.

Вместе с тем, потребности капиталистического развития вызвали необходимость познать свой край — его историю, природные богатства, особенности хозяйственного развития. Комплексные музеи с их коллекциями, собиравшимися в ходе исследований, служили целям познания и просветительства. Создавались они силами общественности — местными научными обществами (отделениями Русского географического общества, учёными архивными комиссиями, массовое возникновение которых началось в 80-е гг. XIX в.), губернскими статкомитетами, органами местного управления (губернскими земствами, городскими думами), краеведами-любителями.

Освоение дальневосточных земель Россией в конце XIX века требовало от царского правительства решения задач развития производительных сил в отдаленных районах, привлечения людских ресурсов. Это, в свою очередь, вызывало необходимость активизации работы и деятельности научных обществ Дальнего Востока России, открываемых при них комплексных музеев, научных библиотек. Деятельность музеев способствовала удовлетворению потребности в изучении и популяризации Приамурского края в географическом, естественно-историческом, экономическом аспектах и стимулировалось развитием капиталистических отношений в России, расширению торговых и ресурсных интересов империи.

К 1917 году в регионе уже были созданы и работали 7 местных музеев с отделами, отражавшими природу, историю, экономику областей Приамурского края и сопредельных государств. Организация музеев была тесно связана с деятельностью Приамурского отдела и других отделений Русского географического общества, открывшихся в ряде дальневосточных городов России в 90-е годы XIX века.

Музеи создавались как исследовательские учреждения при научных обществах, призванных заниматься изучением местного края (Владивостокский, Хабаровский, Читинский и др.), а также при городских самоуправлениях (Благовещенский, Николаевский-на-Амуре). Созданные при активном содействии учёных, общественных деятелей, они являлись учреждениями, в основном, общественного (негосударственного) характера, имели исследовательскую направленность и использовались в научных целях и в культурно-просветительской деятельности. Становление музейного дела на Дальнем Востоке проходило в различных экономических условиях. Значительное развитие получили музеи наиболее промышленно развитых городов Хабаровска (Гродековский музей), Владивостока, Благовещенска, Читы, Кяхты.

Постепенно к концу первого десятилетия XX в. в музеях Дальнего Востока сосредоточились не только культурная, но и общественно-образовательная жизнь региона. Они становились центрами просветительной и научной работы и, тем самым, представляли собой прогрессивное явление в жизни Приамурского края в дореволюционный период. К началу XX в сложившаяся сеть дальневосточных музеев удовлетворяла потребность общества в изучении края, в накоплении исследовательских материалов, привлекала посетителей к изучению края. Музеи становились комплексными носителями научных знаний о природе, культуре и истории Дальневосточного региона.

Трагизм событий 1917 г. и последующих лет стал величайшим потрясением, которое проявилось в социальных, экономических, политических переломах в жизни людей, привело к крушению привычных устоев и понятий, возникновению небывалых, враждебных отношений между людьми-соотечественниками.

С этого времени создались совершенно иные условия в развитии музейного дела сначала в Европейской части России, а позднее и на Дальнем Востоке, качественно отличавшиеся от всей его досоветской истории. В эти годы работа всех учреждений (столичных и провинциальных) носила чрезвычайный характер, обусловленный экстремальной ситуацией, порожденной октябрьским переворотом 1917 г. и последующими событиями.

Новый период развития музейного дела характеризовался ситуацией, когда, с одной стороны, в культурной жизни общества продолжают действовать тенденции, заложенные предшествовавшим периодом, с другой стороны, зарождаются новые идеи и проекты, возможность для реализации которых открыла советская эпоха.

Рожденные в условиях насущной потребности общества, музеи в первые годы советской власти еще продолжали свое развитие по культурно-образовательным, научным принципам до тех пор, пока в корне не поменялся весь государственный механизм взаимоотношений советского государства и богатейшей части наследия России: ее культуры, науки, естествознания, истории в их связях с общественными, краеведческими организациями.

Перелом, произошедший в результате принятых в 1931 году в Москве 1-м Всероссийским съездом решений, а также последующих правительственных постановлений, значительно отразился на экспозиционной и научной деятельности краеведческих дальневосточных музеев. Содержание их экспозиций почти полностью стало зависеть от «решения задач коммунистического воспитания масс, текущей политики», которые составляли основное содержание экспозиционных залов. В этих целях заместителем Наркома по просвещению РСФСР Н.К. Крупской 11 февраля 1936 г. утверждено «Типовое положение о местных музеях, краевых

(областных) и районных, состоящих на местном бюджете». Положением регламентировалась вся деятельность местных музеев, определены типовые задачи для всех. Музеи, теряя свою специфику, были ориентированы на выполнение политико-просветительских задач, предусмотренных положением. В этих условиях с помощью музеев «исправлялась» негодная, загнивающая «история и культура» прежнего Российского общества.

Выражая политику местных партийных и советских органов, средства массовой информации указывали на необходимость музеев «связывать свою работу с плановыми органами, способствовать созданию встречных планов социалистического строительства края, округа, района на основе добытых краеведами сведений о природных ресурсах».

Вопреки мнению опытных научных сотрудников, в музеях происходила переориентация экспозиционной и научной работы, заключавшаяся в перестройке всей работы в направлении максимальной связи с производством, демонстрацией социалистического строительства, пропагандой техники, агитацией за ударные темпы работы, выполнением и перевыполнением промфинплана. Для этого предлагалось «...совершенно отрешиться от всего содержания и системы музея, как они есть к сегодняшнему дню». В Хабаровском музее это вело к ликвидации целого ряда отделов: археологии, этнографии, геологии и палеонтологии, ботаники, экономики. Взамен предлагалось ввести отделы: вводный, технико-экономический, состоящий из подразделов сельского хозяйства, заводов ДВК, транспорта, леса края и его эксплуатации, золота, рыбы, ископаемых края, стройматериалов. Предлагались также отдел культуры и быта национальностей, антирелигиозный, политехнизации, промкооперации, культурного строительства, коммунального хозяйства.

Это привело к падению престижа музея как научно-познавательного учреждения, значительной утрате редчайшего фонда первоначальных собраний музеев края. Они потеряли высококвалифицированных специалистов, учёных, хранителей, их сменили новые кадры немусейной, больше организационно-пропагандистской, ориентации. В результате упала аттрактивность экспозиционных решений; посещение музеев было обязательным для школьников, студентов, военнослужащих и других групп населения и, большей частью, носило организованный характер, особенно, по случаю политических мероприятий. Например, по случаю открытия выставки, связанной с переписью населения 1939 г., или в связи со днем рождения В.И. Ленина, с датами истории Красной Армии, Гражданской войны и т. д.

Развитие музеев в последующие годы продолжало определяться установками партийных съездов и пленумов ЦК КПСС, а также принятой на XXII съезде новой Программой партии (17-31 октября 1961 г.), в которой отмечалось, что «...культурное развитие в период развернутого строительства коммунистического общества является завершающим этапом великой культурной революции».

Активным инструментом в проведении именно такой политики стали смотры музеев, которые проводились регулярно с 1965 г., когда был объявлен смотр к 50-летию Великого Октября. Содержание и идейно-воспитательная направленность смотров, организуемых к крупнейшим юбилейным датам государства, определялись идеологическими задачами, которые содержались в решениях последующих съездов и постановлениях ЦК КПСС. Всё развитие музейного дела за период с середины 60-х и до середины 80-х гг., таким образом, проходило в рамках того или иного смотра. Это обстоятельство значительно обесценило смысл и значение смотров,

превратив их в обыденное мероприятие, обесценив соревновательный принцип, который первоначально закладывался в смотры. Кроме того, формализм, который был присущ проведению традиционного социалистического соревнования во всех сферах производственной и непроизводственной деятельности, сказался и на проведении музейных смотров, превращая их подчас в механизм сбора рапортов и подсчета количественных показателей.

И к 80-м гг. ни директивные органы, ни органы управления отраслью (МК РСФСР, управления и отделы культуры на местах) не увидели в основной массе музеев научных, подлинно исторических учреждений, не обеспечивали необходимых условий для их развития. Как следствие — отсутствие в музеях высококвалифицированных специалистов, трудности в системе подготовки и повышения квалификации кадров, повсеместное прекращение краеведческих изданий, слабая материально-техническая база, малый и плохо оплачиваемый штат и т. д.

Достаточно обратиться к музейной отчетности, чтобы понять: основное, что беспокоило органы управления, — это не научно-исследовательская работа, а то, сколько людей посетило музей. Посещаемость — главный показатель их работы. На этом показателе были сосредоточены основные заботы сотрудников, и совсем не оставалось времени и возможностей для научной работы, для творческих поисков, для создания таких экспозиций, которые и соответствовали бы научным критериям, и обладали бы богатым музейным языком, будили бы в посетителях интерес и желание приобщиться к культурному наследию на самых разных уровнях.

Наряду с отмеченными конкретными проявлениями государственной политики в отношении музеев для каждого из выделенных периодов истории музейно-

го дела являются характерными некоторые общие позиции:

— политизация всего музейного дела, как и всей культуры в целом. Это привело к сохранению взгляда на музей как на преимущественно «культурно-просветительное» учреждение, что пагубно сказывалось на научно-исследовательской, экспозиционной, фондовой, культурно-образовательной работе;

— сохранение взгляда на музеи как на нечто второстепенное, отнесение их, как и других учреждений культуры, к «непроизводительной сфере» (что породило «остаточный принцип» финансирования), содержание основной массы музеев в нищенском состоянии, недостаточное использование их культурного потенциала;

— отсутствие четкой концепции развития музейного дела, а отсюда — неустойчивость, неоднозначность, противоречивость принимаемых управленческих решений.

К концу 80-х годов в связи с новыми процессами в развитии общества перед музеями встала задача преодолеть всё то, что лишало их своего лица, творческих возможностей, с тем, чтобы они заняли достойное место в возрождении культуры. Для этого потребовались новые формы и методы руководства, новая политика. В этом направлении были сделаны первые шаги: активизировалась общественность, появилась возможность свободного обсуждения накопившихся проблем. Шёл поиск хозяйственных механизмов активизации музейной деятельности. Новые явления вызывали сопротивление административного аппарата, который был не способен преодолеть стереотипы мышления. Все эти процессы требовали осмысления и обобщения для того, чтобы музейная политика могла приобрести концептуальную целостность и реальную возможность для своего воплощения. На первый план выступала проблема создания матери-

ально-технической базы музеев, условий, необходимых для их нормальной жизнедеятельности.

И поэтому изучение исторического опыта, его оценка приобретает особое значение. История государственной политики в области музейного дела дает богатейший материал для того, чтобы избежать многих ошибок и использовать всё то ценное, что будет способствовать его оздоровлению.

В этих условиях потребность общества именно в данном, конкретном музее напрямую зависит от уровня коллективного понимания происходящих изменений и от качества реализации им социальных функций.

За последние годы в определении социальных функций появились факторы и тенденции, которые обуславливают существенные изменения в общественном предназначении, деятельности музея, те принципиальные факторы, без которых нельзя осуществлять музейную деятельность на современном уровне.

Внешние факторы, не зависящие от музея:

— Россия стала многополюсным образованием; для исторического музея это важнейший фактор, который необходимо учитывать при организации научной, экспозиционной и просветительной работы;

— отсутствие в России компромиссной, толерантной, консенсусной культуры; исторический музей может и должен помочь обществу решать эту задачу;

— радикальная революция собственности, вызывающая дальнейшее расслоение российского общества, ставит в повестку дня деятельности музея необходимость взять на себя функцию социальной адаптации членов общества к новым условиям жизни;

— появление новых ценностных ориентиров;

— информационная революция, непосредственным образом влияющая на

содержание, характер и формы музейной коммуникации;

— другие позитивные и негативные последствия, сопровождающие любую социальную революцию.

Без учета влияния этих факторов на общество невозможно себе представить развитие музеев на современном этапе. Существуют и внутренние, по отношению к музею, факторы, влияющие на характер его развития:

Во-первых, состояние исторической науки — главной теоретической основы музея исторического профиля:

— деидеологизация и плюрализм исторической науки;

— произошедшие изменения в самом содержании философии истории, в понимании основной сути общественно-исторического развития и ведущих принципов и методов его познания;

— учёными вырабатывается новая концепция исторического развития на основе более широкого и полного синтеза научных теорий, подходов и методов;

— нового подхода требуют проблемы раскрытия деятельности человека в истории с его личностно-индивидуальными чертами, с его нравственно-психологическим обликом.

Во-вторых, значительные изменения, произошедшие в источниковедении и в возможностях работы с источниками:

— историки осваивают не только новые массивы источников, но и современные технологии, формы и методы работы с ними;

— появился новый тип источника — электронный. Музей не всегда готов не только работать с этими источниками, но даже хранить их;

— в связи с появлением негосударственных учреждений различных форм собственности возникают сложности с изучением, сбором документов, информации, вещественных и иных источников — потенциальных музейных экспонатов. Требуется выработка новых подходов к

проблеме комплектования фондов — и особенно по современному периоду;

— демократизация процесса доступа к информации порождает для музея новую проблему: предоставление информации при условии соблюдения авторских прав музея.

В-третьих, нельзя не учитывать, что политология как наука о закономерностях и методах осуществления политической власти окончательно вышла из подполья и становится равноправной и общедоступной сферой научных интересов общества. Удовлетворять эти запросы члены общества нередко приходят в исторический музей.

В-четвертых, исторический музей как образовательно-воспитательный институт, непосредственно работающий с обучающейся аудиторией, удовлетворяющий её различные запросы, не может не отреагировать на изменения парадигмы школьного и вузовского образования. В системе так называемых общественных наук, изучаемых в школе, появился целый ряд новых дисциплин — таких, как политология, политическая история, правоведение, право и политика, конституционное право и т. д.

На принципиально новый уровень значимости для практической музейной деятельности выходят процессы интеграции музеологии и культурологии, музеологии и психологии, музеологии и социологии. Сегодня уже в ряде музеев России и ее Дальнего Востока есть музейные педагоги, культурологи, маркетологи, а в будущем можно ожидать появление и музейных психологов, социологов, режиссеров. Применение в музейной практике знаний социологии, психологии, культурологии, менеджмента и маркетинга повысит качество обслуживания посетителей, их количество и решит вопросы выживания музея в новых условиях.

К следующей группе факторов, непосредственно влияющих на содержание музейной деятельности, необходимо от-

нести существенные изменения, происходящие собственно в музееведении (музеологии).

Мировая практика показывает, что развитие музеев идет по пути превращения их в комплексные культурно-исторические и досуговые центры. Это существенным образом изменяет подход к организации музейного пространства в широком смысле этого понятия: имеются в виду экспозиции, выставки, рекреационные зоны, досуговые центры, современная музейная инфраструктура. Это диктует необходимость разработки новых форм работы с посетителем, организации процесса его пребывания в музее.

Музей как воспитательно-образовательное учреждение и культурно-развлекательная организация одновременно становится сложным организмом с разветвленной сетью современных служб, призванных обеспечивать удовлетворение широкого спектра интеллектуальных и культурно-бытовых запросов общества. Музейная коммуникация сегодня выступает как одна из форм социального управления в области культуры.

На переломе XX и XXI столетий существенно изменилась миссия российских музеев. Её содержание все теснее связывается с общественными запросами.

Содержание понятия «миссия музея в мире» подверглось за последние столетия серьезной эволюции: от просвещения малообразованной части общества в начале века — до формирования у посетителя понимания и критического осмысления событий, явлений и культур в конце столетия.

Если проинтегрировать определения, приводимые в различных музейных источниках, а затем вывести общую формулировку, то получится, что: миссия современного музея — это совокупность его социальных функций, его общественное предназначение, ради кото-

рого он существует, и то, что помогает посетителю отличить это учреждение от других образовательно-воспитательных, культурно-просветительных и досуговых центров.

Музей им. Н. И. Гродекова, переживший за последние 13 лет масштабную реорганизацию, формулирует свое понимание общественного предназначения следующим образом: музей — это культурно-исторический и досуговый центр, хранящий и пропагандирующий среди посетителей на основе проводимых научных исследований, новейших информационных, музейно-педагогических, рекреационных и других технологий музейной коммуникации культурно-историческое наследие, способствующий сохранению и обогащению исторической памяти дальневосточников, формированию исторического самосознания.

И поэтому современный музей, на взгляд ведущих музеологов России, его функции могут и должны состоять из следующего:

— хранение культурно-исторического достояния и духовного наследия;

— документирование политических, экономических, социальных процессов в жизни российского общества в соответствии с профилем и научной концепцией;

— воспитание и образование членов общества;

— социальная адаптация членов общества;

— формирование демократических и гуманистических принципов взаимоотношений в обществе;

— формирование исторического самосознания;

— обеспечение культурного досуга.

Современный музей реализуется также и посредством выполнения социальных заказов:

— служить местом общения;

— развлекать общество;

— обслуживать туристические и экскурсионные фирмы;

— обеспечивать рабочие места для определенной части интеллигенции;

— зарабатывать средства в сфере интеллектуальных услуг и тем самым выполнять часть бюджетнообразующей функции государства.

Среди новых задач в рамках обновленного содержания функций музея могут появиться следующие:

— развитие политического мышления;

— пропаганда политической культуры;

— совершенствование общественного опыта;

— способствование становлению культурного и политического плюрализма в обществе.

И, наконец, возможна постановка именно перед историческим музеем такой актуальной задачи, как обеспечение общества определенной суммой политических знаний, ценностных ориентиров и установок.

На пути реализации функций современного музея стоят проблемы, связанные с созданием новых и перестройкой старых форм управления музеем, установлением новой системы функциональных связей, структурными преобразованиями, конструированием новой системы взаимоотношений с посетителем.

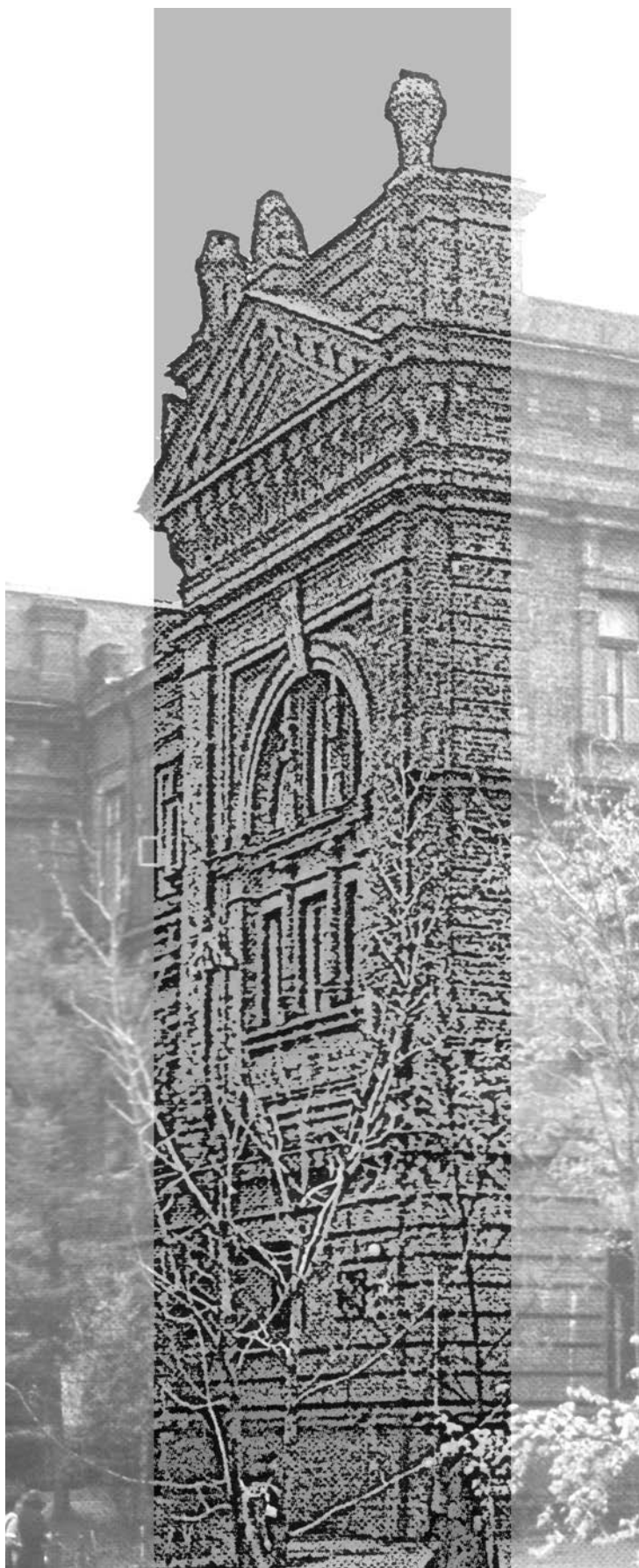
Итак, музей в современный период — это, прежде всего, тщательно отобранная, научно и профессионально освоенная музейная коллекция, подготовленная во всех её проявлениях на службу посетителю в понятных и комфортных для него формах коммуникации. Это классическое единство «храма» и «форума», сохраняющее и обогащающее коллективный опыт общества.

Музей — учреждение сложного состава. Характеристики понятия «музей» у различных музеологов не всегда со-

впадают. Международный Совет Музеев (ИКОМ) — неправительственная профессиональная организация музеев мира — после длительных дискуссий пришел к необходимости дать следующее определение музея в третьей статье своего устава:

«Музей — это постоянное, некоммерческое учреждение, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и среде его обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей».

Данное определение отражает основной принцип музейной деятельности, который заключается в стремлении человека изъять определенные предметы из реального мира и сохранить их для использования в культурно-образовательных, воспитательных целях настоящими и будущими поколениями на основе наиболее объективной оценки прошедших исторических событий в обществе.

Дубинина Нина Ивановна,
профессор Дальневосточного
государственного гуманитарного
университета, доктор исторических
наук

Генерал-губернаторская власть в Приамурском крае: ее особенности и эволюция

История генерал-губернаторской власти в России, в том числе и в молодом Приамурском крае, — это часть истории самодержавия, самодержавной власти на местах, призванной блюсти в «неприкосновенности верховные права самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном ему крае» (Из Инструкции генерал-губернаторам 1853 г.) [16, с. 314].

В течение продолжительного времени отечественные историки в основном ограничивались подобной констатацией, характеризуя местных главных начальников второй половины XIX—начала XX вв. царскими сатрапами, обладавшими неограниченной властью и ограниченными, невысокими профессиональными и морально-нравственными качествами. Структура генерал-губернаторской власти, ее функции, степень влияния осо-

Цель данной статьи – обобщение отличий генерал-губернаторской власти в Приамурском крае от генерал-губернаторской власти в других российских регионах, а также выявление изменений местной власти под влиянием целого комплекса факторов местного и общероссийского характера.

бенностей управляемой территории на местную власть, ее взаимодействие с центральной властью и другие вопросы не привлекали внимания историков и не являлись предметом их исследования.

Реалии постсоветского времени актуализировали проблему местной власти при самодержавии, открыли возможности для углубленного ее изучения, более того, потребовали исследования этого исторического феномена. С 90-х годов XX в. стали появляться сборники и монографии, посвященные российским губернаторам и генерал-губернаторам, в том числе и дальневосточным [1, 4, 5, 6, 8]. Крупным шагом по пути современного осмысления генерал-губернаторской власти России, в особенности Дальнего Востока, в XIX – начале XX веков явилась монография А.В. Ремнева, в которой введено научное понятие «географии власти» [11]. Структурно-функциональный подход к исследованию истории местного управления Российской империи позволил С. Любичанковскому раскрыть противоречивость управления на местах, доказать, что губернатор не был полноценным хозяином губернии, что «степень управляемости системы губернаторской власти самим губернатором была невысокой» [7, с. 15]. Вместе с тем, укоренившийся концепт о неограниченности генерал-губернаторской власти в имперской России конца XIX–начале XX вв. нуждается в дальнейшем исследовании.

Целью статьи является обобщение отличий генерал-губернаторской власти в Приамурском крае от генерал-губернаторской власти в других российских регионах, а также выявление изменений местной власти под влиянием целого комплекса факторов местного и общероссийского характера.

1. Приамурские генерал-губернаторы и особенности их деятельности

Спустя более двух десятилетий с того времени, как Н.Н. Муравьев-Амурский представил правительству план создания генерал-губернаторства на присоединенных дальневосточных территориях, в 1884 г. император Александр III подписал решение Государственного совета об образовании в России одного из самых обширных генерал-губернаторств. Наряду с губерниями и областями генерал-губернаторства имели продолжительную историю существования. Однако статус генерал-губернаторской власти с правовой точки зрения был слабо очерченным. На практике генерал-губернаторства объединяли несколько областей, преимущественно пограничного расположения. Восьмое генерал-губернаторство, получившее название Приамурского, объединило созданные Муравьевым-Амурским Приморскую и Амурскую области, а также Забайкальскую область и остров Сахалин. Забайкальская область оказалась в новом административно-территориальном объединении исключительно по военно-стратегическим соображениям, поскольку она располагала военными и продовольственными ресурсами.

В императорской России генерал-губернаторская служба была престижной. Назначаемый государем генерал-губернатор принадлежал к числу высших должностных лиц в империи и обладал большими полномочиями. На Дальнем Востоке он выступал в трех ипостасях: как главный гражданский администратор, как командующий войсками военно-

го округа и как наказной атаман казачьих войск. Престижная должность достойно оплачивалась, оклад достигал оклада министра. К тому же служба на Дальнем Востоке имела немалые преференции, включавшие ускоренный срок получения наград, продвижения по ранговой лестнице, получения придворных званий, а также высокую пенсию. Как правило, после окончания службы император назначал бывших генерал-губернаторов членами Государственного совета — высшего совещательно-законодательного органа империи. В состав Госсовета входили дальневосточные генерал-губернаторы Н. И. Гродеков и П. Ф. Унтербергер.

За годы существования Приамурского генерал-губернаторства (1884–1917) во главе его находилось 8 главных начальников, отличавшихся друг от друга поведением, отношением к подчиненным и к населению, степенью заинтересованности в делах края, понимания его перспектив, мерой ответственности и настойчивости в выполнении своих обязанностей и т.д. В отличие от многих генерал-губернаторов других территорий, у них не было высокого сословного происхождения, крупных земельных владений, элитарных семейных и дружеских связей, но они имели генеральские чины и многочисленные награды за боевые заслуги и за верную службу трону и Отечеству. А еще приамурские генерал-губернаторы имели основательное образование, о чем свидетельствуют следующие данные.

Таблица 1

Уровень образования генерал-губернаторов Приамурского края

№	ФИО генерал-губернаторов	Оконченные ими учебные заведения
1	Корф Андрей Николаевич	Пажеский корпус (привилегированное среднее военное учебное заведение)
2	Духовской Сергей Михайлович	1-й кадетский корпус, Николаевская инженерная академия, Николаевская академия Генерального штаба
3	Гродеков Николай Иванович	2-е Константиновское военное училище, Николаевская академия Генерального штаба
4	Суботич Деан Иванович	2-е Константиновское военное училище, Николаевская академия Генерального штаба
5	Линевич Николай Петрович	Начал военную карьеру рядовым, не имел классического военного образования
6	Хрещатицкий Ростислав Александрович	Пажеский корпус
7	Унтербергер Павел Федорович	Николаевское инженерное училище, Николаевская инженерная академия
8	Гондатти Николай Львович	Естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета

К моменту назначения генерал-губернаторы края обладали значительным опытом военной службы и административно-гражданской деятельности.

Таблица 2

Возраст вступления в должность генерал-губернаторов края и сроки службы в этой должности

№	ФИО генерал-губернаторов	Возраст	Срок пребывания в должности
1	Корф Андрей Николаевич	53 года	9 лет
2	Духовской Сергей Михайлович	55 лет	5 лет
3	Гродеков Николай Иванович	55 лет	5 лет*
4	Суботич Деан Иванович	50 лет	1 год
5	Линевич Николай Петрович	65 лет	1 год
6	Хрещатицкий Ростислав Александрович	63 года	1 год
7	Унтербергер Павел Федорович	64 года	5 лет**
8	Гондатти Николай Львович	49 лет	7 лет

*- До вступления в должность главного начальника края Н. И. Гродеков 5 лет служил помощником Приамурского генерал-губернатора, командующего войсками Приамурского военного округа и наказного атамана казачьих войск.

** - П. Ф. Унтербергер почти 10 лет (1888–1897) служил военным губернатором Приморской области.

Первые генерал-губернаторы — заслуженные генералы, участники войны на Кавказе, последователи Муравьева-Амурского — А.Н. Корф, С.М. Духовской и Н.И. Гродеков — заложили основы и традиции управления российским Дальним Востоком, внесли значительный вклад в социально-экономическое и культурное его развитие. За два года существования наместничества в Приамурском крае, совпавшего с Русско-японской войной, сменилось три генерал-губернатора — Д.И. Суботич, Н.П. Линевич (исполнял обязанности), Р.А. Хрещатицкий (исполнял обязанности). За это время частично были утрачены позиции в административной и социально-экономических сферах жизни Приамурья.

Укрепление местной власти, пополнение ее образованными умелыми чиновниками, достижение высоких темпов прироста населения, экономического и культурного развития российского Дальнего Востока произошло при двух последних генерал-губернаторах — П.Ф. Унтербергеру и Н.Л. Гондатти.

Приамурские генерал-губернаторы не растрачивали казенных денег, не брали взятки и не смешивали государственные интересы с личными. Это подтвердила сенаторская ревизия, которая проводилась в 1910 г. Цель ее состояла в «очищении административной среды от порочных лиц и выяснении условий, могущих предупредить на будущее время нарушения материальных интересов казны» [13, с. 381]. В действительности, каких-либо организованных крупных хищений сенаторская ревизия не обнаружила. Большею частью к ответственности были привлечены отдельные лица, по словам П.Ф. Унтербергера, «совершившие свои преступные деяния как бы за свой личный риск и страх» [13, с. 381], без всяких корыстных целей, а лишь в интересах государственного дела. Когда Комитет общественной безопасности (КОБ) в марте 1917 г. свергнул генерал-

губернатора Н.Л. Гондатти и заключил его в тюрьму, он старательно искал факты злоупотреблений властью для предъявления обвинений представителю старой царской власти. Но ничего компрометирующего найдено не было.

Деятельность дальневосточных генерал-губернаторов наряду с классическими обязанностями содержала немало специфического и своеобразного, поскольку своеобразным и особенным являлся сам Приамурский край.

Одной из особенностей дальневосточной окраины являлись нестабильность, подвижность конфигурации административной карты, создание новых управленческих структур. Поэтому эти вопросы занимали важное место в деятельности главных начальников.

Следует сказать, что с самого начала при определении административного построения Приамурского края во многом были учтены исторически сложившиеся районы, их природные, социально-экономические, этнические и другие особенности. При этом приоритетной была военно-стратегическая целесообразность. Входившая в край Приморская область, в отличие от Амурской, являлась исключительно протяженной и сложной. Северная ее граница прилегала к Ледовитому океану, лежала в северном поясе, южная же находилась в умеренном поясе, на одной широте с Северным Кавказом. Длина области с севера на юг составляла около 4 тыс. верст. Береговая ее часть, омываемая морями Тихого океана, насчитывала почти 15 тыс. верст. По своей величине область в ряду сибирских губерний занимала третье место, уступая лишь Якутской области и Енисейской губернии. На занимаемой ею территории могли бы разместиться Дания, Ирландия, Австрия и Франция. Управление такой территорией из Владивостока — административного центра области — при эпизодической связи с северными районами во многом носи-

ло номинальный, формальный характер. Уже первый генерал-губернатор А. Н. Корф в 1886 г. возбудил ходатайство перед МВД об образовании Камчатской области. Но последовал отрицательный ответ, закрывший проблему более чем на два десятилетия.

В совершенствование административно-территориального управления российским Дальним Востоком пыталась внести свою лепту и центральная власть. В июле 1903 г. Николай II учредил наместничество его величества, в которое вошли разнородные административные структуры — Приамурское генерал-губернаторство, Квантунская область, созданная на арендованном Ляодунском полуострове, а также полоса отчуждения КВЖД. Тогда же был учрежден Особый комитет Дальнего Востока, работавший под председательством императора. Наместнику (им стал адмирал Е.И. Алексеев), резиденция которого находилась в Порт-Артуре, была предоставлена вся гражданская власть на вверенной ему территории и дано право самостоятельно вести дипломатические отношения с соседними государствами — Китаем, Кореей и Японией.

Идея введения наместничества заключалась в том, чтобы, объединив дальневосточные территории под началом одного администратора, облегчить, упростить воздействие императора и правительства на реализацию дальневосточной политики. Но решение оказалось неудачным. В 1905 г. наместничество было ликвидировано, а в следующем году из Приамурского края была исключена Забайкальская область, что сделало край более компактным.

После заключения Портсмутского договора стало очевидным, что прежняя правительственная политика забвения может привести к экономической и даже политической утрате Камчатки, Чукотки и Командорских островов, куда свободно проникали американцы и японцы.

Создание японцами на южном Сахалине губернаторства Карафутто требовало от России адекватных административных мер на российской половине острова.

В отправленной секретной записке «Неотложные нужды Приамурья» на имя председателя Совета министров П.А. Столыпина (февраль 1909 г.). П.Ф. Унтербергер особо подчеркнул задачу скорейшего выделения северных районов в отдельную область, связав ее телеграфом с центром Приамурского края. Генерал-губернатор решительно выступил против планов МВД ради экономии средств ликвидировать на Северном Сахалине губернскую власть и образовать там уезд.

После обсуждения в Государственной думе и Государственном совете в июне 1909 г. последовало преобразование управления на Дальнем Востоке. Была создана Камчатская область, а на Северном Сахалине сохранена самостоятельная губернская власть.

Посетив Камчатку, Охотск, Аян и другие северные территории края, П.Ф. Унтербергер обратился в МВД с предложением как можно быстрее образовать отдельный Чукотский уезд. Это предложение было принято. Затем МВД согласилось на разделение Амурской области на три уезда. Н.Л. Гондатти вынашивал план о создании новой области — Романовской с центром в г. Николаевске. Многие из этих проектов не были реализованы по причине начавшейся Первой мировой войны.

Такие особенности геополитического положения российской дальневосточной окраины, как протяженная слабозащищенная граница, близкое соседство с Китаем, Японией и Кореей, побуждали главных администраторов Приамурского края к участию во внешнеполитической деятельности. В немалой степени этому способствовали такие крупные военно-политические события в Азиатско-

Тихоокеанском регионе, как подавление группой стран, в том числе и Россией, движения ихэтуаней в Китае в 1900 г., военные действия в Маньчжурии, Русско-японская война 1904–1905 гг., революция в Китае в 1911 г. и др. Приамурское генерал-губернаторство оказалось в центре этих событий. Естественно, что генерал-губернаторы глубоко и ответственно вникали в дальневосточные внешнеполитические проблемы, что не было свойственно главным администраторам центральных регионов. Так, П.Ф. Унтербергер инициировал обсуждение ряда важных внешнеполитических вопросов в правительстве и Государственной думе. Его многочисленные записки и письма нередко являлись импульсом для принятия своевременных решений, направленных на обеспечение национальной безопасности России на Тихоокеанском побережье. Зачастую военно-политические факторы оказывали преобладающее воздействие при решении социально-экономических задач в дальневосточной окраине.

Своеобразие краю придавала слабая укорененность славянского населения в огромном малозаселенном крае, по существу, отсутствие для самодержавной власти социальной опоры в лице дворянства и помещиков. Опорой центральной и местной власти являлись войска Приамурского военного округа, численность которых устойчиво росла, и, в меньшей степени, — молодое дальневосточное казачество. Прибегая к введению военного положения в крае, главные начальники тормозили процесс общественной консолидации населения, его гражданское созревание.

Большое место в деятельности всех главных администраторов занимали переселенческие дела, вопросы обустройства в крае новоселов, численность которых существенно выросла в связи с аграрной реформой П.А. Столыпина.

Правительство не посчитало целесообразным распространить на новый

край закон об учреждении земств, ограничившись учреждением городского самоуправления. Отсутствие земств отрицательно сказывалось на гражданском управлении и жизнедеятельности населения. Вопрос об учреждении земского самоуправления не раз обсуждался. Но при обсуждении выяснилось, что вряд ли окажется возможным ввести в Приамурье земские учреждения, функционировавшие в Европейской России. Незначительность населения и его разбросанность на огромном пространстве делали невозможным организацию земского хозяйства. Другим препятствием являлось отсутствие права собственности на землю у крестьян казаков. Вместе с тем, П.Ф. Унтербергер считал вполне назревшим вопросом выработку особых мер и типов организаций, которые, являясь переходными к будущим органам земского самоуправления, могли бы установить в земских делах края более рациональный порядок. Но центральная власть не спешила с преобразованиями.

Специфически дальневосточной проблемой управления явилась политика в отношении мигрантов-азиатов — китайцев и корейцев. С одной стороны, край нуждался в «желтой» рабочей силе. Например, доля ее среди рабочих золотых приисков в Амурской области иногда доходила до 80%. С другой стороны, с ней был связан целый букет негативных явлений — контрабанда золота, хищническое истребление флоры и фауны Уссурийской тайги, контрабандный ввоз из Маньчжурии дешевого спирта и водки и т.д. При прозрачности границы, слабости полицейской службы местная власть не могла минимизировать эти негативные явления. Главным начальникам оставалось писать записки, ходатайства, вносить предложения правительству о принятии законов, ограничивающих присутствие мигрантов. Как правило, центральная власть на них не реагировала. Только последний генерал-губернатор

Н.Л. Гондатти получил, наконец, право запретить использование «желтого труда» на казенных предприятиях.

Прав был Унтербергер, когда утверждал, что при выдвижении на пост генерал-губернатора Приамурского края преимуществом должно пользоваться лицо, раньше служившее на ответственных должностях в крае. Тогда ему не придется первоначально знакомиться с его своеобразными условиями, на что может уйти не менее года времени. Наиболее успешные главные начальники дальневосточной окраины – Н.И. Гродеков, П.Ф. Унтербергер, Н.Л. Гондатти в полной мере отвечали этому требованию.

Интерес представляет мнение Унтербергера о личностных качествах генерал-губернатора, которые напрямую корреспондируются с современными тре-

бованиями, предъявляемыми к главам администраций. Генерал-губернатор, — считал Унтербергер, — должен иметь установившийся твердый и независимый характер, обладать волей и убеждениями, быть согласным с поставленными правительством задачами и целями управления краем. Такой же администратор будет «во всех случаях открыто и определенно высказывать правительству свой взгляд по всем вопросам, касающимся края, не стесняясь тем, что взгляд этот может по временам расходиться со взглядом, высказанным тем или другим Министерством» [13, с. 409]. Если же воззрения генерал-губернатора по коренным вопросам войдут в неразрешимое противоречие с правительством, то в интересах края он должен просить о замене себя другим лицом.

2. Взаимоотношения центральной и дальневосточной региональной власти

Как и в начале XXI века, одной из важнейших управленческих проблем России в конце XIX—начале XX в. являлось взаимоотношение местной и центральной власти. Существовала жесткая властная вертикаль, в основании которой находились генерал-губернаторы и губернаторы, призванные точно выполнять на месте законы и распоряжения верховных, центральных властных структур, согласовывать с ними, в первую очередь, с МВД, военным министерством и министерством иностранных дел, все свои значительные решения и практические шаги по управлению краем. В свою очередь, военные губернаторы областей, входивших в край, в своих действиях были в большой степени зависимы от генерал-губернатора, в решении даже второстепенных вопросов обустройства жизни населения области.

На Приамурского генерал-губернатора распространялся Наказ управлению Иркутского генерал-губернаторства (1888 г.). О характере этого бюрократического документа можно судить по следующим его статьям: «Каждое управление исполняет предписание высшего начальства с точностью и беспрекословно. Один генерал-губернатор может устанавливать новые правила, и то не иначе, как с высшего разрешения или в случаях определенных» [5, с. 52].

Было бы неверным утверждать, что российское правительство равнодушно, невнимательно относилось к дальневосточному генерал-губернаторству. Наряду с Положением 1884 г. по вопросу об учреждении Приамурского генерал-губернаторства [12]. было принято еще два положения — в 1892 и в 1912 гг. Навряд ли остальные генерал-губернаторства

России удостоивались подобного внимания. Закон 1892 г. вышел в результате настойчивых ходатайств первого Приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа. Этим положением учреждалась должность помощника Приамурского генерал-губернатора, командующего войсками Приамурского военного округа и Войскового Наказного Атамана Приамурских казачьих войск. Конечно, это решение было важным для обеспечения бесперебойного функционирования генерал-губернаторской власти. В период длительных отсутствий главного начальника на месте (многомесячные поездки по краю и в столицу, в отпуск) теперь управление краем осуществлял его помощник.

Принципиально новым моментом в управлении, расширявшим полномочия, следует считать предоставление Приамурскому генерал-губернатору новых прав в отношении иностранцев вообще, китайцев и корейцев в особенности. Так он получил право вводить размер оброчной подати «с состоящего в русском подданстве китайского и корейского населения края за пользование казенною землею и предоставлять льготы в платеж сей подати по особым хозяйственным условиям отдельных селений, но чтобы эта повинность была не ниже подушной подати русских». По своему усмотрению генерал-губернатор теперь мог облагать проживавших в крае корейцев и китайцев, которые не владели недвижимостью и не занимались торговлей. Более того, он получил право принимать китайцев и корейцев в русское подданство [15, с. 66].

Но особенно значимыми были права в отношении судоходства. В компетенции генерал-губернатора теперь находились права на разрешение иностранного каботажного и обложение его особыми сборами со всякого рода судов, плавающих по рекам края и Амурскому лиману. Вместе с тем, все эти новые права, которые предо-

ставлялись «в виду опыта, на десятилетний срок», были обставлены серьезными ограничениями. Генерал-губернатор обязан был доводить до сведения министра об установленных сборах, которые должны были вноситься в финансовые сметы соответствующих ведомств. Другими словами, эти сборы не оставались в крае, а аккумулировались соответствующими министерствами и ведомствами. О числе китайцев и корейцев, принятых в русское подданство, главный начальник края обязан был своевременно информировать министра внутренних дел [15, с. 66].

От полученных прав генерал-губернатор получал только головную боль, т.к. в его распоряжении не было достаточного числа чиновников, которые бы занимались этими сборами. Тем не менее управленческие полномочия генерал-губернатора, хоть и временно, но были расширены.

В новом положении об управлении Приамурского генерал-губернаторства, принятом в 1912 г. [15, с. 69-73], было подчеркнуто, что права генерал-губернатора по заведыванию государственными имуществами и лесами и по горной части определены в Уставах Горном, Лесном и Оброчном, а по строительной — в Уставе строительном. Права его были действительно особыми, т.к. главные права принадлежали соответствующим министерствам и ведомствам.

Подтвердив продление прав генерал-губернатора в отношении сборов с иностранцев, это положение предоставило право генерал-губернатору в области хозяйственного управления «передавать на разрешение подведомственных ему военных губернаторов и начальника острова Сахалина те дела, относительно которых он признает эту меру полезною» [15, с.70].

Краткое рассмотрение трех положений о Приамурском генерал-губернаторстве (1884, 1892, 1912) убеж-

дает в том, что центральная власть свои отношения с дальневосточным регионом вела на импульсной основе, во многом детерминированной военно-стратегическими мотивами и интересами. Вместе с тем прослеживается тенденция некоторого расширения полномочий дальневосточного генерал-губернатора, происходившего под прессингом реальных жизненных обстоятельств.

В самодержавной государственной системе России взаимоотношения центральной (император, правительство) и местной (губернаторы и генерал-губернаторы) властей носили крайне противоречивый характер. С одной стороны, было некоторое понимание необходимости предоставления «блестителям неприкосновенности верховных прав самодержавия» на местах — генерал-губернаторам и губернаторам — некоторой самостоятельности в силу усложнившихся социально-экономических и политических отношений в различных районах России, их непохожести и своеобразия. С другой стороны, центральная власть не желала расставаться со своими прерогативами, так как она боялась, что это могло ослабить ее и подточить незыблемость самодержавной власти в России. Вот как об этом писал Иван Блинов в своем исследовании «Губернаторы. Историко-юридический очерк», вышедшем в 1905 г.: «...Некоторая самостоятельность необходима, но, с другой стороны, как бы эта самостоятельность не была ограничена, как бы деятельность не была сужена, все же, безусловно, необходим постоянный ее надзор — организация ответственности, при отсутствии которой носитель даже самой ничтожной и самой ограниченной власти окажется достаточно сильным, чтобы совершать величайшие злоупотребления» [2, с. 4]. Конечно, дело было не столько в опасности злоупотреблений местной власти, хотя и этого нельзя было исключить, сколько в нежелании самодержавия

идти хотя бы на малейшие ограничения своей власти. В таких условиях генерал-губернатор мог или точно исполнять предписания центра, зачастую вопреки интересам подопечной территории, или, отстаивая назревшие потребности своего генерал-губернаторства, вступать с центральной властью в изнуряющие бумажные баталии.

В затруднительной ситуации оказались правительственные чиновники, когда в 1899 г. военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов с согласия генерал-губернатора Н.И. Гродекова издал приказ «О поселении китайцев и корейцев в особых кварталах г. Хабаровска». Основанием для него послужило постановление Хабаровской городской думы, которым «для поселения инородцев» выделялись особые кварталы города с целью «приведения г. Хабаровска в надлежащее санитарное состояние» [9, л. 12]. Гродеков, конечно, знал, что вопросы, связанные с поселением иностранных граждан, находились в компетенции центральных властей. Была надежда, что эхо приказа не докатится до столицы. Но произошло иначе. Около 40 китайцев, проживавших в Хабаровске и занимавшихся торговлей, обратились с письмами к Приамурскому генерал-губернатору и в Сенат с просьбой отменить постановление Приморского губернатора и приостановить выселение хотя бы тех китайцев, которые арендовали недвижимость у горожан [9, л. 19].

МВД потребовало от главного начальника края объяснений. Военный министр разъяснил Гродекову, что принятое в крае постановление, ограничивающее личные права китайцев и корейцев, противоречит российским законам, согласно которым инородцы, находясь в России, подлежат действию российских законов и пользуются общей защитой и покровительством. Поэтому принятые меры «могли бы последовать не иначе как с Высочайшего соизволения» [9, л. 29]. А в это вре-

мя губернатор Амурской области также принимает постановление о выселении в особые кварталы проживавших в Благовещенске китайских подданных, ссылаясь не только на необходимость поддержания в городе санитарного порядка, но и на установление «надлежащего полицейского надзора» за китайцами при весьма ограниченном штате городских». Одновременно городские думы Владивостока, Николаевска, Никольска-Уссурийского приняли постановления об устройстве особых кварталов для поселения китайцев и корейцев [6, с. 144].

Столица требовала от генерал-губернатора ответа, и Гродеков отправляет на имя министра внутренних дел телеграмму: «Ввиду надвигающейся холерной эпидемии ходатайствую о скорейшем разрешении вопроса о поселении китайцев и корейцев в особые кварталы городов...». Переписка Гродекова с МВД затянулась более чем на два года. Только в октябре 1902 г. на имя Приамурского генерал-губернатора была получена телеграмма Николая II, в которой говорилось: «По всеподданнейшему докладу министра внутренних дел высочайше соизволил на предоставление думам городов Приамурского генерал-губернаторства временно права составлять обязательные постановления об ограничении особыми кварталами в пределах означенных городов жительство тех азиатцев, антисанитарные условия жизни которых вызывают необходимость особого за ними надзора» [6, с. 145]. Таким образом, благодаря твердости Н.И. Гродекова городские думы получили временные права, позволившие им регулировать расселение китайцев и корейцев на территории своих городов.

Как же ощущали себя генерал-губернаторы во властной вертикали, действительно ли они обладали неограниченной властью в своем генерал-губернаторстве? Мог ли главный начальник ощущать себя полновластным

хозяином края, где земля, ее недра, все ее богатства принадлежали казне, интересы которой строго блюли представители министерств и ведомств, численность которых в позднеимперской России увеличилась? В начале в Хабаровске и Чите находились Амурская и Забайкальская казенные палаты, которые во всех действиях подчинялись министру финансов. Акцизными сборами в крае заведовало Приамурское акцизное управление. Для ревизии отчетности по оборотам средств существовала Амурская контрольная палата. В 1906 г. для заведывания государственным имуществом в крае, — а это земля, ее недра, лес, военное имущество, — вместо одного чиновника было учреждено Управление государственными имуществами. Помимо органов МВД и военного министерства в Приамурском крае действовали учреждения Синода и министерств: морского, финансов, юстиции, торговли и промышленности, главного управления землеустройства и земледелия и государственного контроля. Министерства создали довольно густую сеть своих учреждений, чиновники которых находились в прямой зависимости от центральных управлений. С генерал-губернатором они поддерживали косвенные отношения. Такой надзор центральной власти, безусловно, ограничивая полномочия генерал-губернатора, вел к несогласованности действий, что делало их малоэффективными. В связи с этим становится понятным предложение П.Ф. Унтербергера об изменении существующей практики. Он считал, что представители министерств и ведомств «должны быть поставлены в более близкую зависимость и подчинение генерал-губернаторам»... «Голосу генерал-губернатора по всем вопросам края должно быть дано веское значение..., а представления его без особо основательных причин не должны быть отклоняемыми или изменяемыми в существенной своей части» [13, с. 408].

Эти соображения остались лишь фактом в биографии П.Ф. Унтербергера.

Главным же аргументом в опровержении существующего мифа о неограниченности власти генерал-губернатора является факт отсутствия у него даже скромного бюджета, которым бы он мог распоряжаться по собственному усмотрению. Огромный, находившийся в экстремальных природных и геополитических условиях, край преподносил администрации немало сюрпризов, требовавших незамедлительных инвестиций. Возможности же были весьма ограничены. Генерал-губернатору был положен ежегодный кредит в сумме 24575 рублей. Из них собственно на экстраординарные расходы предназначалась сумма около 15 тыс., руб., за расходование которой в центр представлялась отчетность. Эта небольшая сумма, конечно, не могла удовлетворить потребности. П.Ф. Унтербергер считал, что Приамурский генерал-губернатор «должен иметь в своем распоряжении крупную сумму...» [13, с. 409]. Но положение не изменилось и при Н.Л. Гондатти. Любая его инициатива, связанная даже с небольшими ассигнованиями, требовала обращения в министерство финансов, Совет министров, а по сравнительно крупным ассигнованиям необходима была санкция и Государственной думы. О степени несвободы начальника края можно судить хотя бы по тому, что он вынужден был испрашивать в МВД 2 тыс., рублей на проведение краевого съезда ветеринарных врачей и издание его материалов. Если начальник края был вынужден ходить с протянутой рукой и просить центральную власть даже о самых незначительных денежных суммах, то это как-то не соотносится с представлением о неограниченности его власти. В действительности генерал-губернатор был несвободен, в первую очередь, в финансовой сфере.

Трудно решаемой административной проблемой была проблема увели-

чения кадров чиновников. МВД крайне неохотно шло на увеличение штатов. Заслуженный генерал, Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков потратил немало сил, доказывая целесообразность увеличения штата канцелярии генерал-губернатора, так как штаты, определенные в 1884 г., через 13 лет уже не соответствовали значительно возросшим объемам работы. За эти годы делопроизводство канцелярии увеличилось почти втрое, а число сотрудников осталось прежним. Но доводы его были оставлены без внимания в столице. Особо Гродеков настаивал на введение должности помощника правителя канцелярии. Поскольку правитель канцелярии находился в длительных поездках по краю вместе с начальником края, канцелярия в Хабаровске оставалась без руководства. Однако министр финансов С.Ю. Витте, сославшись на отсутствие такой должности в других генерал-губернаторствах, отказал в этой просьбе. В конце концов, Витте, чтобы «сохранить лицо», предложил одну из чиновничьих должностей перевести в более высокий класс с возложением на нее обязанностей помощника правителя канцелярии.

Еще хуже обстояло дело с судебными учреждениями и полицейской службой. Росли города и число жителей в них выросло в 2–3 раза, а состав полиции оставался прежним и не мог защитить население от преступных элементов. К тому же «оклады содержания во всех правительственных учреждениях и, в особенности в полиции были недостаточными для покрытия даже самых скромных жизненных потребностей» [13, с. 392]. Что же касалось населения сел и деревень, испытывавшего насилие со стороны вооруженных банд китайцев — хунхузов, то оно во многом оставалось без какой-либо помощи со стороны властей. Местная власть была некомпетентна решать эти острые административные задачи, центральная же власть их игнорировала.

В отличие от генерал-губернаторов старых развитых российских районов, с устоявшимися традициями, стабильными связями приамурские генерал-губернаторы, на которых выпала доля строителей жизни в молодом крае, остро ощущали серьезные изъяны в системе управления. Они убеждались в том, что существовавшие принципы, нормы, формы управления устарели и делают их работу зачастую малоэффективной и малополезной. Стремясь ускорить вращение бюрократической машины, повысить оперативность регионального управления, они вносили в МВД, в правительство многочисленные предложения и ходатайства, адресовали их и императору. Любопытно, что ими была выдвинута и обоснована идея о внедрении в управление генерал-губернаторством программного начала.

Инициатором разработки программы освоения Приамурского края был первый главный начальник А.Н. Корф, который в 1887 г. представил ее правительству. В ней были намечены основные направления деятельности на ближайшие 8–10 лет. В главных чертах она предусматривала усиление наших морских и сухопутных сил на Дальнем Востоке и усиление военной обороны края; увеличение русского населения, переселение крестьян и казаков, поддержание и развитие православия, сокращение притока населения из соседних азиатских стран; увеличение средств на народное образование в крае; преобразование администрации и реформирование судебного дела; удешевление жизни и поднятие производства в связи с улучшением путей и средств сообщения; охранение дружеских отношений с соседними государствами [14, с. 309]. Программа осталась личным делом А.Н. Корфа.

Через 20 лет начальник Амурской экспедиции Н.Л. Гондатти в общем отчете на основе материалов экспедиции

выдвинул новаторскую идею о разработке колонизационного плана, который бы придал освоению дальневосточного края планомерный устойчивый, комплексный характер, не зависящий от личного состава центральной и местной власти. Подобный план мог бы в значительной мере обогатить правительственную политику на Дальнем Востоке и открыть широкие перспективы для его промышленного развития. В основу плана Гондатти предложил положить, во-первых, идею обеспечения прочного внешнеполитического состояния Дальнего Востока, достижимого при ясном разграничении взаимных интересов России, Китая и Японии. Во-вторых, он считал, что при использовании богатых естественных ресурсов края должна быть установлена такая связь с центральными районами империи, которая способствовала бы уплотнению населения Приамурья, освобождению его от чужеродного труда и ежегодной уплаты за границей десятков миллионов русских денег за хлеб, мясо, соль и т.д. [5, с. 48].

К идее разработки «колонизационного плана» Гондатти тщетно пытался привлечь внимание центральной власти, найти поддержку ей в министерствах и ведомствах.

Сторонником внедрения в управление краем программного начала был и Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер, обладавший стратегическим даром. «Назрел вопрос, — считал он, — об установлении на известный срок вперед общей программы, которой должны были следовать все министерства... и которая служила бы руководящей нитью при управлении краем каждого последующего генерал-губернатора» [13, с. 404]. Унтербергер предложил и технологию составления подобной программы. Однако центральная власть по поводу всех этих предложений сохраняла молчание.

Когда Н.Л. Гондатти в 1911 году стал

генерал-губернатором края, он в своем отчете о работе на имя императора рискнул напомнить о «колониционном плане» и, более того, предложил будущий план дополнить системой мер по военной защите края. Он писал: «Материалы Амурской экспедиции, как я имел счастье доложить Вашему Величеству, содержат необходимые данные для выработки колониционного плана; остается, следовательно, чтобы и военное ведомство со своей стороны наметило окончательно, в связи с насущными гражданскими задачами, систему военной защиты края

и внесло бы свои предложения в Совет министров» [5, с. 66—67]. Смерть П.А. Столыпина, который во многом с вниманием и симпатией относился к инициативам приамурских генерал-губернаторов, начавшаяся Первая мировая война прервала даже частичное взаимодействие генерал-губернаторов с правительством в деле совершенствования местной власти. Конструктивная же идея о внедрении программного начала в управление молодым краем так и осталась не реализованной.

3. Эволюция генерал-губернаторской власти на Дальнем Востоке

В течение более чем 30-летнего своего существования генерал-губернаторская власть в Приамурском крае претерпела значительные изменения, которые усложнили ее и потребовали новых управленческих решений. Можно выделить два уровня факторов, вызвавших эти изменения. Первый — главный — был обусловлен эволюцией государственной власти России, происшедшей в результате революции 1905—1907 годов, и издания царского Манифеста 17 октября 1905 г. Поя-

вившийся в вертикали власти новый представительный-законодательный орган — Государственная дума — вынес на общероссийское обсуждение актуальные проблемы российского Дальнего Востока. Этому содействовали и депутаты-дальневосточники, участвовавшие в работе III и IV Государственных дум. Представление о депутатах Дальнего Востока и обсуждавшихся на пленарных заседаниях Государственных дум проблем края дают следующие данные.

Таблица 3
Депутаты Дальнего Востока России в III Государственной думе (1907—1912 гг.)

Ф И О	Избран от	Возраст	Соц. происх.	Образование	Партийность
Чиликин Ф. Н.	Амурской обл.	30 лет	мещанин	высшее	социал-демократ
Шилю А. И.	Приморской обл.	35 лет	крестьянин	начальное	беспартийный
Маньков Н. А.	Казачества ДВ	43 года	казак	начальное	беспартийный

Перечень законопроектов в III Государственной думе, касавшихся Дальнего Востока:

— О приступе к сооружению Амурской железной дороги (03.04.1908);

— О закрытии порто-франко... в Приамурском генерал-губернаторстве (16.01.1909);

— О мерах против наплыва в Приамурский край китайцев и корейцев (окт. 1908);

— О привлечении населения Приморской и Амурской областей к воинской повинности (1908);

— О введении полицейской стражи в Приамурском края (1908);

— Об организации таможенного надзора в Приамурском генерал-губернаторстве;

— Об охране водных промысловых богатств на Дальнем Востоке;

— О срочных пароходных рейсах между Владивостоком и другими портами Дальнего Востока (1908);

— О содержании срочных пароходных сообщений по рекам Амурского бассейна (1908) и другие.

Государственная дума принимала и такие решения, как:

— О назначении фармацевту Врачебного управления при военном губернаторе Амурской области вознаграждения из средств государственного казначейства в размере 600 руб. в год (1908);

— О присвоении служащим в женских прогимназиях Приамурского края... полуторного содержания (1909) и т.д.

Таблица 4

Депутаты Дальнего Востока России в IV Государственной думе (1912—1917 гг.)

Ф И О	Избран от	Возраст	Соц. происх.	Образование	Партийность
Русанов А. Н.	Приморской обл.	32 года	мещанин	высшее	беспартийный
Рыслев А. И.	Амурской обл.	30 лет	крестьянин	начальное	социал-демократ
Гамов И. М.	Казачества ДВ	26 лет	казак	начальное	кадет

Перечень законопроектов в IV Государственной думе, касавшихся Дальнего Востока:

— Об усилении надзора за рыбными промыслами на Дальнем Востоке и продлении срока действия закона об охране водных промысловых богатств на Дальнем Востоке (1914);

— О выдаче служащим на Амурской железной дороге ссуд на постройку жилых домов (окт.1912);

— О разрешении кредита на постройку зданий управления Амурской железной дороги в гг. Алексеевске и Уссурийске (1914) и т.д.

Подчеркивая значимость обсуждения дальневосточных проблем Государственной думой и тем самым придавая им публичность и общероссийский характер, следует сказать, что решение финансовых вопросов, выделение средств на социально-экономические нужды региона далеко не всегда получали поддержку думских депутатов. Так случилось с проектом строительства Амурской железной дороги, против которого выступило большинство думцев. П.А. Столыпин и депутаты-дальневосточники в Государственной думе, Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер в Государственном Совете смогли доказать настоятельную необходимость строительства Амурской дороги. В итоге проект был принят. Вместе с тем трибуна Государственной думы в Таврическом дворце столицы стала трибуной публичной критики тех или иных действий власти. Первым главным начальником Приамурского края, ставшим объектом такой критики, был П.Ф. Унтербергер. Дальневосточные депутаты III Государственной думы Н.А. Маньков и Ф.Н. Чиликин, которых держали еще 28 депутатов, в июне 1910 г. внесли в Думу заявление и одновременно направили обращение к министру внутренних дел «по поводу непринятия со стороны местных властей Приамурского края надлежащих мер к защите населения от нападения хунзузов» [10]. Впервые в истории существования генерал-губернаторской власти на Дальнем Востоке главный начальник края был подвергнут критике, исходившей не от какого-либо частного лица, а от представителей государственного органа, облеченных властными полномочиями.

Во многом благодаря председателю Совета Министров П.А. Столыпину в вертикали власти «столица — Приамурский край» в 1909 г. появилось такое звено, как Комитет по переселению и заселению Дальнего Востока, который имел право входить с предложениями непо-

средственно в Совет Министров и Государственную думу. Тот факт, что Комитет возглавил сам председатель Совета Министров П.А. Столыпин, показал высокую степень важности дальневосточной политики. Для ускорения принятия решений П.Ф. Унтербергер предложил придать Комитету функцию контроля за реализацией принятых решений министерствами и ведомствами. «В настоящее время, — сетовал он, — заботиться об этом приходится генерал-губернатору и как лицу, подчиненному министрам, ему трудно избежать трений» [13, с. 407].

Второй уровень факторов эволюции генерал-губернаторской власти в крае был обусловлен местными реалиями, теми социально-экономическими, демографическими, военно-стратегическими изменениями, которые происходили в Приамурье после Русско-японской войны. Значительно возросший объем гражданских дел и задач, увеличивавшаяся численность войск в крае подвигли центральную власть пойти на разделение генерал-губернаторской власти на гражданскую и военную, что привело к серьезным изменениям в полномочиях главного начальника. Безусловно, эти изменения были целесообразны и полезны краю, его населению. Первым гражданским генерал-губернатором в 1911 г. стал Н.Л. Гондатти — выпускник Московского университета, ученый, опытный администратор, хорошо знавший дальневосточную окраину. Командующим войсками военного округа был назначен генерал от инфантерии Аркадий Никанорович Нищенков.

Энергичных инициативных Приамурских генерал-губернаторов не удовлетворял существовавший сугубо чиновничий бюрократический неспешный порядок принятия решений центром. Зачастую решение важных и неотложных вопросов жизни края растягивалось на годы: предложение генерал-губернатора направлялось в соответствующее министерство

или ведомство, которое, в свою очередь, запрашивало мнение своего представителя в крае. При тогдашних коммуникациях на это уходили месяцы. В случае положительного решения министерство обращалось в Совет Министров и т.д. С 1906 г. предложение об изменении законодательных положений или финансовые вопросы выносились на обсуждение Государственной думы. Вняв просьбам генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера, П.А. Столыпин установил особый порядок рассмотрения всех возбуждаемых главным начальником края вопросов по управлению, требующих законодательного решения или согласованных действий двух или большего числа министерств. При генерал-губернаторе создавалось особое междуведомственное совещание, в состав которого входили представители министерств и ведомств, которым они давали указания, какого мнения держаться при обсуждении. Результаты совещания направлялись затем непосредственно в Совет Министров и обычно им утверждались. А затем решение представлялось на санкцию высшей, т.е. императорской власти. Таким образом, с помощью междуведомственного совещания сокращалось время окончательного решения краевых проблем, а главное обеспечивалось квалифицированное, взвешенное их обсуждение и велась подготовка предварительных вариантов решений. Междуведомственные совещания стали практиковаться как в центре, так и в крае. Например, в 1913 г. при генерал-губернаторе Н.Л. Гондатти состоялось три заседания междуведомственного совещания. На них рассматривались вопросы дорожного строительства: о постройке железнодорожной ветки от г. Хабаровска до Осиповского затона (базы Амурской речной флотилии); о постройке и содержании грунтовой дороги между городами Благовещенском и Хабаровском и др. Невозможность решения многих частных вопросов местной

жизни без обращения в правительственные инстанции как нельзя наглядно доказывали ограниченность компетенции начальника края.

Следует подчеркнуть, что большинство позитивных перемен в генерал-губернаторской власти на Дальнем Востоке выпало на послереволюционный период — 1905–1911 гг., т.е. время, когда премьер-министром был П.А. Столыпин. Поставив своей целью сделать Россию сильной державой, он вполне отдавал отчет в том, что для достижения этого «нужна сильная и авторитетная власть на месте», Такое отношение к местной власти нашло горячую поддержку на Дальнем Востоке. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер во всеподданнейшем отчете за 1906–1907 гг. буквально повторил слова премьер-министра: «...нам нужна сильная и авторитетная власть на месте...» [3, с. 31].

Резюмируя изложенное, можно сказать, что за 32 года существования Приамурского генерал-губернаторства удалось стабилизировать отношения с сопредельными азиатскими странами — Китаем и Японией — и тем самым защитить государственные интересы России на азиатско-тихоокеанском направлении.

Опираясь на региональную власть, самодержавие не только удержало за собой дальневосточные территории, но и «вопреки резким и пессимистическим прогнозам современников превратило их в русский край» [11, с. 528]. Это было достигнуто, несмотря на ошибки, просчеты, игнорирование нужд молодого дальневосточного края.

К началу 1917 г. Приамурский край включал в себя Амурскую, Приморскую, Сахалинскую и Камчатскую области, объединявшие 12 уездов, несколько округов Амурского казачьего войска и горно-полицейских округов. Сформировался в целом оптимальный вариант

административно-территориального управления, довольно полно учитывавшего геополитические, природно-климатические, демографические, коммуникационные и другие особенности территорий, способствовавшего социально-экономическому развитию Дальнего Востока России и охране ее государственных интересов.

К этому времени был создан социально-экономический фундамент развития перспективного дальневосточного региона, обладавшего огромными природными богатствами и ответственным геополитическим положением. Этот

фундамент включал почти миллионное население, имевшее ярко выраженную тенденцию к росту, надёжную транспортную инфраструктуру, состоявшую из протяженной линии железной дороги, речного и морского судоходства и, наконец, сложившуюся систему образования, объединявшую все типы учебных заведений. Однако история не отпустила времени для возведения на этом фундаменте здания преуспевания Дальнего Востока, как и России в целом. Но эта ситуация не только и не столько местного, сколько общероссийского масштаба.

Список использованных источников

1. Амурские губернаторы. 1856–1917 годы : сб. документов и материалов. – Благовещенск : Амур. ярмарка, 2006. – (Благовещенск. Из века в век).
2. Блинов, И. Губернаторы : историко-юридический очерк / И. Блинов. – СПб, 1905.
3. Верноподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора, сенатора, инженер-генерала Унтербергерга за 1906 -1907 гг. – Хабаровск, 1908.
4. Губернаторы Сахалина. – Южно-Сахалинск : [б. и.], 2000.
5. Дубинина, Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти / Н.И. Дубинина. – Хабаровск : [б. и.], 1997.
6. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков / Н. И. Дубинина. – Хабаровск : Приамур. ведомости, 2001.
7. Любичанковский, С. Миф о власти и власть мифа. Был ли российский губернатор полноценным хозяином губернии? // Родина. – 2007. – №1. – С. 15.
8. Матханова, Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири / Н. П. Матханова. – Новосибирск : изд-во СО РАН, 1998.
9. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д. 334.
10. Там же, Д. 579 а.Л. 375.
11. Ремнев, А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / А. В.Ремнев. – Омск : ОмГУ, 2004.
12. Об учреждении Приамурского генерал-губернаторства от 16 июня 1884 г. // Дальний Восток России. Из истории системы управления. Документы и материалы. – Владивосток, 1999. – С. 60-64.
13. Унтербергер, П. Ф. Приамурский край / П. Ф. Унтербергер. – СПб., 1912.
14. Унтербергер, П. Ф. Приморская область / П. Ф. Унтербергер. – СПб., 1900.
15. Учреждение управления Приамурского генерал-губернаторства. – 1892.
16. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, А. Ефрон. — СПб., 1892. – Т. 13.

Пикалов Юрий Васильевич,
профессор кафедры отечественной
истории Дальневосточного
государственного гуманитарного
университета, доктор исторических
наук

Становление школьного образования на Дальнем Востоке РСФСР в 1922—1941 годы

В статье рассматривается история становления школьного образования на Дальнем Востоке РСФСР в период с 1922 по 1941 гг. Автор освещает основные вопросы развития системы начального, среднего и полного школьного образования, подготовки учительских кадров, строительства школ, привлечения общественности к участию в этом деле.

Отдельно раскрываются проблемы образования национальных меньшинств, коренных малочисленных народов Дальнего Востока России.

Основной специфической чертой школьной сети в годы НЭПа являлось то, что, в отличие от экономики, здесь полностью господствовало государство. Все дело народного образования было подчинено плановым социалистическим началам. Частный сектор сюда не допускался. Правительство страны рассматривало просветительные учреждения как организацию, прямо предназначенную для производства квалифицированной рабочей силы [1]. Восстановление и развитие народного хозяйства привело к бурному росту школьной сети. Порой этот процесс приобретал стихийный характер. Тяга населения к знаниям была столь значительной, что зачастую приво-

дила к открытию школ без достаточного ресурсного обеспечения.

На Дальнем Востоке народное образование складывалось как советская система — под неукоснительным руководством Народного комиссариата просвещения. Оно подразделялось на три звена, каждое из которых имело свои определенные воспитательные и дидактические задачи. Первое — социальное и политическое воспитание (знакомящее на практике со всеми главными отраслями производства). Оно осуществлялось по ступеням: от 3 лет до 8 — детский сад; от 8 до 12 лет — школа 1 ступени; от 12 до 17 лет — школа 2 ступени с двумя программами (12–15 лет и 15–17 лет). Сюда же относились школы крестьянской молодежи, равные в общеобразовательной части программе 12–15 лет школ 2 ступени. Второе звено — профессионально-техническое образование для подготовки подростков и взрослых к определенной профессии. Третье звено — политическое просвещение и внешкольное образование взрослого населения.

Социальное воспитание детей дошкольного возраста в восстановительный период не получило широкого распространения. Детскими садами и площадками, а также яслями было охвачено всего: в 1922–1923 годах — 663 ребёнка, в 1923–1924 годах — 2811 детей, в 1924–1925 годах — 5295 детей, в 1925–1926 годах — 6328 детей [2]. Основными причинами такой замедленной динамики были две: отсутствие подготовленных кадров и общая социально-экономическая ситуация в регионе. Несомненно, потребность в дошкольном воспитании была гораздо большей, чем число охваченных детей. В целях подготовки кадров педагогов-дошкольников в Хабаровском

педагогическом техникуме было открыто соответствующее отделение. Первый выпуск в количестве 23 человек состоялся весной 1926 года [2]. С этого времени положение с кадрами дошкольных педагогов стало постепенно выправляться.

В 1922–1926 годах не удалось осуществить всеобщее начальное обучение детей. На 1 января 1926 года в Дальневосточном крае числилось 159 807 детей в возрасте от 8 до 11 лет. В это же время в школах 1 ступени (1–4 классы) обучалось 111 609 человек. Но в их числе было 30% детей-подростков старше 11 лет. Фактически, детей 8–11 лет обучалось в начальной школе 78 126 человек, или 48,9% [2]. Остальные дети не посещали школу. При этом существовала разница между городом и деревней в количестве детей. В городе из общего числа детей 8–11 лет в 34 585 человек обучалось в начальной школе, 55% и 45% не посещали школу. В деревне из 125 200 потенциальных учеников начальных классов в школу ходило 45,5%, а не обучались вовсе 54,5%. К тому же деревенские школы имели тот недостаток, что крестьянские дети бросали их намного раньше четырехлетнего пребывания. В среднем, по сельским школам 1 ступени ДВК продолжительность обучения составляла 2,6 года. Сам учебный год длился не более 150 дней [2]. Эти данные легко объясняются социально-экономической ситуацией в деревне. Во-первых, крестьянские дети не нуждались в более длительном обучении, так как оно не требовалось для включения в сельскохозяйственное производство. Во-вторых, продолжительность учебного года определялась периодом поздней осени и зимы, когда полевые работы не велись (примерно 5 месяцев). С началом работ дети покидали школу и

помогали взрослым в хозяйстве (примерно 200 дней в году).

Несмотря на все недостатки начального обучения на Дальнем Востоке, его состояние мало отличалось от других регионов страны. К концу восстановительного периода 48,9% детей-дальневосточников 8–11 лет обучалось в школах 1 ступени. В среднем по РСФСР этот показатель равнялся 46%, то есть был даже меньшим, чем в ДВК. По отдельным регионам он колебался в следующих пределах: Московский регион — 76,1%, Центральный — 61%, Волжский — 43%, Сибирь — 42%, Ленинградская губерния — 68,2% [3].

Одной из причин, ограничивавших рост школьного образования, являлось недостаточное финансирование. Это сказывалось на состоянии материальной базы просвещения. Совершенно недостаточное строительство и ремонт школ приводили к перегруженности помещений. Занятия велись в 2–3 смены. Сами здания в своем большинстве находились в аварийном состоянии. Отсутствие достаточных средств позволяло производить только текущий ремонт школьных помещений. В городах он осуществлялся за счет бюджетных ассигнований, а в деревнях — средствами населения. Отопление и освещение сельских школ также осуществлялось за счет местных жителей. В деревне имелся острый недостаток учебников и письменных принадлежностей. До 1926 года они совсем ими не снабжались. Исключение составила Приморская губерния, где в 1925 году было отпущено 27 000 рублей на эти цели, что позволило удовлетворить потребность сельских школ в учебниках на 50% [3]. В остальных губерниях учебники закупались в единичных экземплярах за счет сельских обществ, средств от обще-

ственных запашек. Это вынуждало учителей вести занятия по дореволюционным учебникам со старой орфографией.

В 1924—1925 учебном году в школах страны начали вводиться программы Государственного Ученого Совета (ГУСа), рассчитанные на Внедрение комплексной системы преподавания. В них проявились ленинские идеи о политехническом обучении детей. Изучение школьных предметов увязывалось с ознакомлением на практике с деятельностью различных предприятий, электростанций, заводов и т.д. Ставилась задача создания так называемой трудовой школы. Программы указывали примерные темы занятий, объем и характер работы для каждого года обучения. Важным их элементом являлась связь обучения с воспитанием.

Программы ГУСа были введены в 1924—1925 учебном году только в 1—2 классах начальной школы. Остальные классы работали по программе бывшего Министерства народного просвещения Дальневосточной республики. Следует подчеркнуть, что даже столь ограниченное применение новых программ столкнулось с серьезными трудностями. Не было учительских кадров, способных работать по ним. Однако даже если бы они имелись, то вряд ли смогли реализовать установки на политехническое обучение. В сельской местности просто отсутствовали какие-либо предприятия, достойные быть образцами для обучения. В 1925—1926 учебном году программы ГУСа были введены дополнительно еще и в 3 классах. Городские школы работали по ним все, а сельские — только до 40% [4].

На конец 1925 года в начальных школах Дальнего Востока работало около 3 тыс. учителей. Около 50% их состава

имело небольшой — до 5 лет — стаж педагогической работы. По уровню образования они распределялись следующим образом: с высшим — 3%, со средним — 72%, с низшим — 25% [4]. Численность педагогов со средним образованием была неплохим показателем для того времени. Но в действительности только 20% педагогов имели специальное образование. Этот недостаток в 1920-е гг. постепенно изживался за счет выпускников местных педагогических техникумов.

Еще один недостаток в работе начальных школ — перегруженность классов. На одного учителя в городе приходилось 35 учеников, а в деревне — 90 [4]. Естественно, что в таких условиях учителям трудно было добиваться сколь-нибудь качественного обучения. К тому же, каждый учитель был загружен еще и внеучебной работой, в среднем, 6 часов в неделю. Большая загруженность учителей не только снижала качество обучения, но и не позволяла им повышать свой образовательный и педагогический уровень.

Недостатки в работе школ не останавливали стремление как городского, так и сельского населения давать образование своим детям. Сельское население старалось помочь школам всем, чем могло. Особый вид такой помощи — общественные запашки в пользу школ — получил широкое распространение в Забайкальской и Амурской губерниях. Средства, полученные от реализации урожая с пришкольных участков, пополняли бюджет школ и шли на закупку учебников, письменных принадлежностей, ремонт и прочие хозяйственные нужды. В ряде уездов — Владивостокском, Завитинском, Благовещенском и др. — отмечались случаи строительства

новых школ за счет средств населения [5]. Волостные и сельские советы принимали многочисленные постановления с требованиями об открытии новых школ. Имелось немало случаев, когда сельские жители направляли ходяков в органы управления образованием, прося прислать учителей, принимая все обязательства по содержанию школ на себя.

В РСФСР и на Дальнем Востоке процесс развития народного образования шел одновременно по двум направлениям. Одно предусматривало его реконструкцию на новых, советских основаниях, а другое — восстановление сети учебных заведений до довоенного уровня. По официальным данным, восстановительный период в народном образовании закончился в 1926–1927 учебном году [6]. Однако в Дальневосточном крае еще вплоть до 1930 года система образования развивалась медленными темпами. За три года, с 1928 по 1930 годы, количество учебных заведений выросло всего на 200 единиц, а численность учащихся в них — на 22 тысячи человек [7].

Включение края в активную форму социалистической реконструкции народного хозяйства страны привело и к кардинальным изменениям в народном образовании. Начался быстрый рост как по количественным, так и по качественным показателям.

За период с 1930 по 1936 годы число неполных средних школ увеличилось на 256%, а количество обучающихся в них — на 260%. Полные средние школы дали еще большую количественную динамику: число этих школ увеличивалось в 10 раз, а число обучавшихся — в 11 раз. На этом фоне начальные школы показали более скромные результаты: число учреждений увеличилось

на 113,5%, а количество обучавшихся на 134%. Приведенные количественные показатели отразили важные качественные изменения в системе образования Дальнего Востока.

С 1929 по 1932 годы Дальневосточный край с большим напряжением всех своих ресурсов осуществил всеобщее начальное обучение в городах и подошел к такому же положению в сельских местностях.

В городах переход на всеобщее начальное обучение был осуществлен уже в 1930–1931 учебном году. Здесь численность школьников 8–12 лет была в 3 раза меньше, чем в сельской местности, а социально-экономические условия более благоприятными [8]. В сельской местности достигнуть этого было сложнее. Но и здесь в 1931–1932 учебном году эта задача была почти решена.

Успешное осуществление всеобщего начального обучения стабилизировало количественные параметры этой ступени школьного образования, вследствие чего она уже не давала большой динамики в своем развитии. Этот этап народное образование Дальнего Востока прошло и вступило в следующий — активное развитие неполных и полных средних школ, что и дало столь бурную динамику их количественного роста.

Развитие среднего образования в крае преследовало сразу несколько целей. Во-первых, подготовку кадров массовых рабочих и сельскохозяйственных профессий. Во-вторых, подготовку контингента учащихся с неполным средним образованием для поступления в техникумы. В третьих, обеспечение вновь создаваемых местных вузов абитуриентами с полным средним образованием. Достижение этих целей являлось необ-

ходимым условием успешного социально-экономического и культурного развития советского Дальнего Востока в годы первых пятилеток.

Наряду с количественным ростом сети школ с неполным и полным средним образованием шло их количественное развитие. Школы семилетки и девятилетки реорганизовывались в фабрично-заводские семилетки, техникумы и школы крестьянской молодежи на базе политехнизации всей системы повышенного образования. При этом отмечался определенный рост повышенного образования в сельской местности. За годы первой пятилетки — 1929–1933 годы общее число учащихся школ повышенного образования края выросло на 55,2%. В городах этот показатель составил 34,3%, а в селах — 102,5%. Однако даже столь быстрый рост сети неполных средних и средних школ на селе, не давал повода для успокоения [9].

Абсолютное число сельских учеников отставало от городских. Если учесть соотношение численности городского и сельского населения ДВК в пользу последних, то разрыв получался еще большим. В связи с этим, перед органами образования Дальнего Востока ставилось задача значительного увеличения сети и контингента учащихся школ повышенного образования именно в сельской местности.

Прежде всего, отмечался опережающий рост числа учащихся неполных средних школ на селе по сравнению с городом. В то же время, количество учеников средних городских школ в два раза превышало соответствующий показатель в сельской местности. Здесь проявилась общая тенденция приоритетов государства в социально-экономическом

развитии города и деревни. Они явно были на стороне города.

В сельской местности неполное среднее образование считалось вполне достаточным для получения сельскохозяйственных рабочих профессий и давало возможность для поступления в техникумы.

В годы социалистической реконструкции (1929–1939 годы) произошли глубокие качественные изменения в системе школьного образования Дальнего Востока РСФСР. В конце восстановительного периода здесь был осуществлен переход ко всеобщему начальному обучению. В 1927 году соотношение численности учеников начальных школ (47474 чел.) и школ повышенного образования (4559 чел.) составляло 10 : 1. В первом квартале 1941 года оно составило 74557 чел., или 1 : 2,5 [10].

Успехи в области школьного образования позволили значительно повысить образовательный уровень населения дальневосточной окраины России. К концу реконструктивного периода в регионе был осуществлен переход на всеобщее 7-летнее образование. Качественно иным стал и культурный облик жителей края и, прежде всего, дальневосточной молодежи.

Понятно, что столь впечатляющие достижения давались с большими трудностями. Наряду с проблемами общероссийского характера, образование Дальнего Востока переживало и свои, специфические, характерные именно для этого региона страны. Прежде всего, в их ряду следует отметить проблему обучения национальных меньшинств и аборигенов — коренных жителей здешних мест. Причем, трудности в обучении национальных меньшинств и аборигенов

так же различались между собой.

По данным на 1923 год, на территории российского Дальнего Востока проживало около 48 тыс. аборигенов. В состав аборигенных народов входили: чукчи, коряки, эвены, эвенки, нивхи, ульчи, нанайцы, орочи и др. [11].

Дальневосточный отдел народного образования 11 декабря 1923 года разослал губернским отделам народного образования циркуляр «О поднятии дела народного образования среди народов туземных племен Дальнего Востока» [12]. В нем отмечалось: «Дело народного образования среди народов нерусского языка, в частности народов туземных племен, населяющих территорию Дальнего Востока, находится до сего времени в плачевном состоянии, несмотря на неоднократные циркуляры центра и на целый ряд постановлений. Дети их оставались вне школ как 1-й, так и 2-й ступени» [12]. В числе причин сложившегося положения в циркуляре отмечалось недостаточное внимание со стороны органов государственной власти к этой проблеме. Отмечался недостаток учебников, школьных зданий, учителей. Для исправления недостатков ДальОНО предлагало освободить туземцев от оплаты за обучение детей, включив их в квоту 25% бесплатных школьных мест. Дополнительно предлагалось оказывать всяческое содействие в снабжении туземных школ учебниками, ремонте школьных зданий и т.д.

Циркуляр ДальОНО, не подкрепленный соответствующими финансовыми и другими материальными средствами, не мог изменить «плачевной» ситуации в просвещении детей аборигенов. Представляется, что ДальОНО неверно оценивало причины сложившейся здесь

критической ситуации. На самом деле, основными проблемами были две: объективная и субъективная. Объективной причиной являлась общая недостаточность местных бюджетов всех уровней. К субъективной следует отнести национальные и географические особенности быта аборигенных народов Дальнего Востока РСФСР. Во-первых, абсолютное большинство перечисленных коренных народов вело кочевой и полукочевой образ жизни. В таких условиях трудно было организовывать обучение их детей, даже если бы на то имелось достаточно финансов. Такой образ их жизни был характерен вплоть до середины 30-х годов XX века, когда под напором коллективизации они принудительно стали подвергаться оседанию. Во-вторых, географическое расселение тех народов, которые вели более или менее оседлый образ жизни (ульчи, нанайцы, нивхи и т.д.), в силу особенностей своего хозяйственного быта представляло собой почти непреодолимые трудности для развития школьной сети в экономических условиях восстановительного периода.

В силу этих причин в 1925 году из 175 школ национальных меньшинств только 11 обучали детей аборигенов [13]. Местные органы народного просвещения предлагали в качестве действенной меры создавать школы-интернаты для обучения таких детей. Они должны были представлять собой своеобразный социально-экономический комплекс, включавший школу, общежитие для детей, фельдшерский пункт, заезжий дом для родителей, склады, магазины, производственные мастерские и так далее. Трудно не согласиться с правильностью именно такого подхода. Однако в то время его реализации препятствовало от-

сутствие финансовых средств. Попытки ДальОНО включить в свою смету расходов на 1925–1926 учебный год финансирование двух школ-интернатов потерпели неудачу. При утверждении бюджета, одна школа была исключена Дальревкомом, а вторая — Народным комиссариатом финансов в Москве.

Тем не менее, в начале 1925–1926 учебного года Совет национальных меньшинств Наркомпроса выделил ДальОНО 46 тыс. рублей на организацию школ-интернатов [13]. Первоначально планировалось открыть 3 таких школы: в с. Кыкере Забайкальской губернии, в с. Ухте Николаевского уезда и в стойбище Хондауз на о. Сахалине. Позже, по получении средств, о. Сахалин был заменен на Камчатку, где в с. Палана и был открыт третий интернат для коряков [14].

Предпринимаемые меры давали определенный результат. В 1929–1930 учебном году в школах обучалось 13% детей аборигенов школьного возраста. В 1930–1931 учебном году — уже 22% [8]. Такую динамику можно признать вполне удовлетворительной. Вместе с тем, все вышеперечисленные трудности в организации просвещения аборигенов продолжали существовать. По-прежнему грамотность населения коренных народов оставалась самой низкой.

Оленеводы-эвенки из поселка Могды Кур-Урмийского района Хабаровской области направили в 1931 году письмо председателю Далькрайисполкома, где сообщали о бедственном положении местной школы. В нем говорилось: «Дети обучаются в начальной школе, где один учитель посменно ведет все три группы. Парт нет, и дети занимают за одним общим столом. Учебники старые, требуют замены. Интерната нет, дети членов това-

рищества, которые находятся на работе в тайге, живут у родственников или у знакомых, что еще больше увеличивает скученность, вследствие чего распространяется заболевание туберкулезом» [15].

В подобном же положении находилось школьное дело и в других областях Дальневосточного края. Информация Сахалинского облисполкома за 1932 год свидетельствует: «В культурном отношении самые отсталые это туземцы. Из числа 2139 чел. малограмотных лиц, умеющих расписаться всего только лишь 206 человек, или 9,62% к числу населения. При существующем состоянии дела народного образования не приходится говорить о проведении всеобщего. Основные причины: в туземных стойбищах нет совершенно школьных помещений, хотя по округу открыты две туземные школы, но эти школы ни в коей мере не отвечают действительным школам, кроме компрометирования советских школ. А именно: старые полуразвалившиеся парты, в этой же юрте живет хозяин, тут же класс и квартира учителя. В помещении света мало, дым, смрад. Такие условия в деле народного образования отталкивают детей от школы» [16].

Анализ состояния народного просвещения коренных народов российского Дальнего Востока в 20–начале 30–х годов XX века позволяет сделать вывод о его гораздо худшем положении, чем у оседлого русскоязычного населения. Выше отмечалось, что недостаток бюджетного финансирования школьного дела в 20–х годах компенсировался финансовыми средствами и натуральной платой местного русскоязычного сельского населения. У коренных народов этого не происходило по причине их бедности и экономической отсталости.

В том же товариществе эвенков с. Могды на одного человека приходилось в среднем 2,2 головы оленей, что не обеспечивало даже нормального пропитания. Весь доход одной семьи составлял всего 600 рублей в год [17]. При таком уровне доходов аборигены были не в состоянии содержать школу своими силами.

С другой стороны, государство определило приоритеты в области образования: рабочая и крестьянская молодежь с преимуществами для первой категории. Аборигены не играли сколько-нибудь значительной роли в экономике региона, отсюда — соответствующее отношение к их образованию. С большой долей уверенности можно утверждать, что развитие школьного образования среди коренных народов Дальнего Востока РСФСР базировалось скорее на идеологических мотивах, чем на социально-экономических. Однако и такая мотивация играла свою положительную роль, поскольку способствовала распространению образования среди аборигенных народов края.

Динамика развития школьного образования у коренных народов Дальнего Востока РСФСР в реконструктивный период имела свои особенности. Резкое, почти двукратное увеличение числа школ и количества учеников пришлось на конец первой пятилетки. За годы второй пятилетки произошло даже небольшое снижение общих показателей. Причины снижения объяснялись тем, что в национальных районах региона начальные школы составляли 96% общего числа этих заведений по данным 1937 года [18]. Остальные 4% приходились на неполные средние и средние. При этом они располагались, как правило, в районных центрах со смешанным населением. Из этого вытекает вывод: дети аборигенов могли обучаться

почти исключительно в школах с начальным образованием. Комбинация численности детей соответствующего школьного возраста по годам и составили основу понижающейся динамики.

Другой особенностью образования коренных народов стал сравнительно невысокий уровень охвата обучением детей школьного возраста. Если в целом по Дальневосточному краю уже в 1930–1931 учебном году начальным образованием было охвачено почти 100% детей в возрасте 8–12 лет, то у аборигенов и к концу реконструктивного периода этот показатель не превысил 50%. Все же и такое достижение в области распространения образования среди коренных народов Дальнего Востока РСФСР можно считать большой заслугой советской власти. Оно далось напряженной организаторской работой и значительными финансовыми затратами. Обеспечение работой школ в отдаленных труднодоступных уголках региона требовало гораздо больших усилий и затрат. При этом их социально-экономический эффект был небольшим, так как северные народы были слабо интегрированы в экономику Дальнего Востока.

Большую роль играло образование корейского населения. Корейская диаспора представляла собой самую многочисленную национальную группу жителей региона. Она активно участвовала в экономической жизни края, прежде всего, в сельском хозяйстве. Этим определялось то внимание, которое органы власти уделяли образованию корейцев. С восстановлением советской власти на территории Дальнего Востока начался бурный рост числа корейских школ и количества детей в них. В 1922–1923 учебном году насчитывалось 44 таких

школы с 3139 учениками. В 1924–1925 учебном году было уже 154 школы (рост 385%) и 9340 учеников (рост 300%) [11]. Помимо указанных начальных школ, в Приморской губернии работало еще две школы–семилетки [11]. Относительно других национальных школ корейские составили 87% [11].

В восстановительный период корейские школы так же не имели собственного и объемного государственного финансирования. Как и в случаях с русскими школами, расположенными в сельской местности, содержание корейских школ ложилось на плечи самого населения. Поскольку оно в массе своей было небогатым, то и материальная база школ находилась в неразвитом состоянии. По информации ДальОНО в 1925 году из 154 начальных корейских школ только 48 помещались в собственных зданиях. Остальные ютились в наскоро построенных глинобитных фанзах. В большинстве случаев при школах не было квартир для учителей. Недоставало школьной мебели [11].

Проблема обеспечения корейских школ учебниками, как и везде, стояла так же остро. Вообще вопрос об учебниках являлся тогда самым главным среди других проблем образования. Вспомним, что основной задачей школьного образования было внедрение новой идеологии в сознании учеников. Отсюда вытекала настоятельная потребность в новых советских учебниках. Их не хватало во всех школах, а в отношении корейских проблема осложнялась необходимостью перевода на родной язык. Тем не менее, уже в эти годы отделы образования смогли снабдить почти все корейские школы первыми советскими учебниками: букварями и книгой для чтения «Красное дитя»

в двух частях. Дополнительно школы снабжались учебниками политграмоты. Для учителей корейских школ ДальОНО издало также сборник статей по народному образованию на родном языке под названием «Новым путем», куда вошли программы ГУСа и ряд статей по методике и педагогике. В 1924–1925 годах Приморским губернским отделом образования был издан букварь «Долой неграмотность» на корейском языке тиражом 4 тыс. экземпляров [11].

С 1922 по 1937 год система школьного образования корейского населения являла собой наиболее динамично развивающуюся структуру в сравнении с другими национальными меньшинствами Дальнего Востока.

Относительно других национальных меньшинств Дальнего Востока РСФСР, состояние школьного образования корейского населения выгодно отличалось и по количеству школ, и по числу обучавшихся. Вместе с тем, оно не имело сколько–нибудь надёжных перспектив. Суть проблемы заключалась в том, что на родном языке корейцы могли получить только начальное образование. Чтобы учиться дальше на повышенных уровнях с последующим поступлением в техникумы и вузы, нужно было идти в русские школы. В дополнение к этому начальные корейские школы давали меньший объем знаний, чем русские. Это создавало дополнительные барьеры для корейских школьников на пути их перехода в 5–е классы русских школ. Требовались классы выравнивания, а их не было.

Перед корейским населением стоял выбор: либо открывать национальные школы повышенного образования, либо отказаться от обучения на родном языке и перейти на русский. Проблема школь-

ного образования превратилась, таким образом, в проблему межнациональных отношений. Подобные вопросы входили в компетенцию внешних органов государственной власти.

Однако они не спешили с их решением. Осложнение международной обстановки на Дальнем Востоке в начале 30-х годов, выразившееся в агрессивных устремлениях Японии в Китае, и тот факт, что Корея находилась под японской оккупацией, изменило отношение официальных органов советской власти к корейцам. Подозрительность к корейскому населению, вызванная усилением политической бдительности, имело под собой логическое обоснование. Абсолютное большинство корейцев советского Дальнего Востока проживало в южных районах Приморской области на границе с Кореей, оккупированной Японией [11]. Внутриполитическая обстановка в Дальневосточном крае сложилась не в пользу корейского населения. Проблемы его образования так и не были решены до 1937 года, когда была проведена депортация корейцев с Дальнего Востока РСФСР.

Неоднородность национального состава населения Дальнего Востока требовала организации обучения на родном языке и других этнических групп. Как и в случае с корейцами, оно организовывалось в рамках начальных школ.

Данные говорят о том, что в целом сеть национальных начальных школ региона не получила широкого развития. Все указывало на весьма ограниченную социокультурную роль образования на родном языке. Оно не выходило за круг задач приобщения детей к родной культуре, в основе которой лежал язык.

Примечательно, что вплоть до 1930 года чиновники ДальОНО не включали украинцев и белорусов в статистические сборники по составу национальных меньшинств. Они искренне недоумевали по этому поводу, так как считали и тех, и других вполне русскими [8]. Тем не менее, за 1930–1932 годы в крае было образовано 335 украинских школ.

В 1938 году Дальневосточный крайком ВКП(б) принял постановление «Об обязательном изучении русского языка в национальных школах ДВК». Неопределенность в вопросе о соотношении преподавания в школах на родном и русском языках была устранена. В то же время, перспективы существования национальных школ были поставлены под сомнение. Они потеряли главный смысл своей деятельности и стали постепенно трансформироваться в русские школы.

Задачи, поставленные в деле народного образования на Дальнем Востоке в части касающейся ликвидации неграмотности и школьного обучения, в 1922–1941 годах были решены. За это время абсолютное большинство населения стало грамотным. На территории края была создана широкая сеть школ: начальных, неполных средних и средних.

В 20–е годы прошлого столетия основным типом учебных заведений стали начальные школы. На рубеже 20–30-х годов было осуществлено всеобщее начальное обучение. Дальнейшее углубление образования населения привело к переходу на всеобщее 7–летнее образование. Общеобразовательная школа стала выполнять функцию подготовки выпускников к получению профессионального образования на всех уровнях: начальном, среднем специальном, высшем.

Примечания

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5515. Оп.15. Д.36. Л.4.
2. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 58. Оп.1. Д.85. Л.37
3. Там же. Л. 57. об.
4. Там же. Л. 58.
5. Там же. Л. 58.об.
6. ГАРФ. Ф. 5515. Оп.15. Д.36. Л.8.
7. ГАХК.Ф.353. Оп.1. Д.67. Л.26
8. ГАХК.Ф.353. Оп.1. Д.78. Л.2
9. Там же. Л.13
10. ГАХК.Ф.353.Оп.9. Д.68. Л.175.
11. ГАХК. Ф. 58.Оп.1. Д.85. Л. 64
12. ГАХК.Ф. 58. Оп.1. Д. 29. Л. 35а – 36а
13. ГАХК. Ф.58. Оп.1. Л.64.
14. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 372.Оп.1. Д.280. Л.161.
15. ГАХК. Ф. 299.Оп.1. Д.62. Л.5.
16. ГАХК. Ф. 353. Оп.1. Д.104. Л.6. об.
17. ГАХК. Ф. 299. Оп.1. Д.62. Л.4.
18. Подсчитано на основании: ГАХК. Ф. 353. Оп.9. Д.68. Л.177.

Асеев Александр Александрович,
заведующий сектором отдела по
организационно-методической
работе главного управления
территориальной политики, кадров и
общественных связей Губернатора и
Правительства Хабаровского края

**Об особенностях
национального райо-
нирования в Дальне-
восточном крае, про-
тиворечивой политике
государственностро-
ительства в отношении
коренных малочислен-
ных народов в первой
половине 1930-х годов
XX века.**

Особенности административно- территориального деления на Дальнем Востоке России

Со времени присоединения к Рос-
сии до середины 80-х гг. XIX века даль-
невосточные территории входили в
состав Восточно-Сибирского генерал-
губернаторства. Идея их администра-
тивного обособления была выдвинута
еще в 1860 г. графом Н.Н. Муравьевым-
Амурским. Но только через четверть века,
в 1884 г. на административной карте
России появилось Приамурское генерал-
губернаторство. Оно было образовано
16 июня 1884 г. В его состав были вклю-
чены Забайкальская, Амурская и При-
морская области, Владивостокское во-
енное губернаторство (существовало в
1880–1888 гг.), а также остров Сахалин.
Административным центром генерал-
губернаторства стала Хабаровка, переи-

менованная в 1893 г. в город Хабаровск [1]. Следует отметить, что дальневосточные области отличались упрощённой структурой органов территориального управления. В отличие от сибирских губерний здесь не было создано областных советов. В Амурской области, например, вообще не существовало областных учреждений, а все вопросы управления ведались самим губернатором и его канцелярией. Для всех дальневосточных областей были общими приамурское акцизное управление и амурская контрольная палата, для Амурской и Приморской областей была учреждена одна общая амурская казённая палата, существовала лишь окружная система судебных учреждений [2].

Территориальный состав дальневосточных областей был достаточно сложным. Так, в состав Амурской области входили: Амурский округ и округа Амурского казачьего войска [3]. С 1896 года в Амурский округ входили: Зейский и Буреинский горно-полицейские округа, Нижне-Селемджинская, Джалиндинская и Хинганская системы приисков, Западная и Средняя части по постройке Амурской железной дороги. Округа Амурского казачьего войска состояла из трёх участков: в первом — Албазинский, Игнашинский и Черняевский, во втором — Поярковский, Николаевский, Екатерининский, Иннокентьевский, Кумарский округа, в третьем — Екатерино-Никольский, Раддевский, и Михайло-Семеновский округа.

Приморская область в себя включала Охотский, Петропавловский, Удский, Гижигинский, Софийский, Хабаровский округа, округ Уссурийского казачьего войска (с 1889 г.), Южно-Уссурийский округ (с 1888 г.). С 1888 года в Приморской области как самостоятельные единицы выделены Командорские острова, Анадырский округ, а Владивостокское военное

губернаторство вошло в состав Южно-Уссурийского округа. В мае 1896 года Софийский округ вошёл в состав Хабаровского округа. В 1902 году все округа и Командорские острова были преобразованы в уезды.

В результате поражения в русско-японской войне 1904–1905 годов южная часть острова Сахалин до широты 50° была отторгнута Японией. В 1909 году Южно-Уссурийский уезд был разделён на Ольгинский, Никольск-Уссурийский и Иманский уезды. В 1909 году была образована Камчатская область из уездов Приморской области Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского и Командорских островов, при этом из Анадырского уезда был выделен Чукотский уезд. В 1909 году также была образована Сахалинская область в составе Тымовского и Александровского участков. В 1914 году в состав Сахалинской области передан Удский уезд с городом Николаевском. В марте 1917 года Николаевск стал центром Сахалинской области. Ранее образованное 30 июня 1903 года было Дальневосточное наместничество, включавшее в себя Приамурское генерал-губернаторство, полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги и Квантунскую область (полуостров Ляодун) после поражения в русско-японской войне было упразднено 18 июня 1905 года. В 1906 году Забайкальская область была выделена из состава Приамурского генерал-губернаторства [4].

Как административно-территориальное деление дальневосточных территорий отражалось в традиционном укладе жизни коренных народов Дальнего Востока? Существовала ли территориальная государственная политика в отношении коренного населения в дореволюционное время? Ответ на эти вопросы находим в Уставе об управлении инородцев от 22 июля 1822 года [5].

Этот важнейший документ своего времени был подготовлен генерал-губернатором Сибири графом М.М. Сперанским и его ближайшим помощником инженером Г.С. Батеньковым. Его введению предшествовала серьёзная четырёхлетняя работа по изучению традиционного уклада жизни коренных народов. В «Уставе», впервые в России, была предпринята попытка законодательного применения принципа дифференцированного подхода к экономическому и социальному устройству народов с различным уровнем развития, при сохранении сложившегося образа жизни и нравов коренного населения [6]. Исходя из этого, «Уставом» предусматривались разделы и параграфы, ограждающие общины коренного населения от вмешательства представителей государственной власти. Согласно §1 «Устава» «Все обитающие в Сибири инородные племена делились на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих» [7]. «Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли», — говорится в «Уставе». Распределение этих земель по участкам «зависит от самих кочующих по жеребью или другим их обыкновениям». Русским запрещалось самовольно селиться на землях, отведённых «кочевым инородцам», но разрешалось брать эти земли «в оброчное содержание».

«Устав» указывал, что «права бродячих инородцев или ловцов, живущих в отдалении и рассеянными, вообще состоят в применении правил, для кочующих постановленных». Отличие заключалось лишь в том, что «назначение земель по племенам» и распределение их по участкам на «бродячих инородцев» не распространялось. Им назначались «по удобствам целые полосы земли», в пределах которых им разрешалось свободно переходить для промыслов.

«Устав» не содержал гарантий по охране промысловых угодий коренного населения, не предполагал проведение землеустройства, которое гарантировало бы сохранение за «инородцами» их земель. Владение и пользование ими документально не оформлялось. В результате чего был возможен захват земли коренного населения. Он осуществлялся через «оброчное содержание» и аренду, через куплю-продажу («Уставом» она не предусматривалась), а также путем самовольного захвата. Несмотря на это, «Устав об управлении инородцев» 1822 года регламентировал национально-территориальное устройство народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Происходившие изменения в административно-территориальном делении дальневосточных территорий их не затрагивали и не изменяли сложившийся уклад жизни. Создание особых национальных образований на территориях постоянного проживания коренного населения властью не предусматривалось и не проводилось. Их жизнь и управление осуществлялись по «степным законам и обычаям, каждому племени свойственным». Основное внимание государства сводилось к получению в полном объеме назначенной подати (ясака) с коренного населения и созданию для этого необходимых условий.

После февральской революции 1917 года в период временного правительства Приамурское генерал-губернаторство было упразднено. Территория стала называться Дальневосточным краем и управлялась комиссаром Временного Правительства по делам Дальнего Востока.

6 апреля 1920 года была образована Дальневосточная Республика. В ее состав вошли: Амурская, Забайкальская, Камчатская, Приморская и Сахалинская области. Столицей Дальневосточной

Республики стал город Чита. Камчатская область, согласно договору между РСФСР и ДВР от 20 декабря 1920 года вошла в состав РСФСР.

Падение царской власти привело к прекращению действия законов Российской империи. «Декларация прав народов России» установила равенство всех народов, отменила национальные, социальные и религиозные привилегии и ограничения, гарантировала свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Декларацией провозглашалось, что все народы, входившие в состав РСФСР, получали право на свободу выбора политического и социального строя, на экономическую независимость, на владение и распоряжение природными богатствами своей территории, управление своим хозяйством и культурой [8].

Однако осуществление своих прав становилось возможным только путём образования своей национальной государственности, исходя из принципов автономизации. Идея создания советской автономии после победы Октябрьской революции принадлежит В.И. Ленину. Ее главными принципами было равноправие народов, их языков, суверенности и право наций на самоопределение. Национальная государственность имела разные формы: союзная республика, автономная республика, автономная область, национальный округ. Этими формами предполагалось охватить многообразное по национальному составу население России, в которой проживало более 100 народов, находившихся на различных ступенях социально-экономического, политического и культурного развития. К народам относились все нации, народности, племена, независимо от уровня социально-экономического и культурного развития, численности и места

проживания. Предусматривалось, что советская автономия будет основываться на территориях, отличающихся своеобразием национального состава компактно проживавшего населения, то есть предоставляться народам по национально-территориальному принципу. Её проявления выражались в коренизации органов государственной власти национальных районов, в организации делопроизводства в них на национальных языках, ускоренном создании национальной интеллигенции. Главной же причиной этого являлось стремление новой власти осуществлять управление этими народами с помощью их единокоренцев, что создавало определённую иллюзию близости и понятности власти. Поэтому государственная политика по созданию национальных районов явилась продолжением национально-территориального устройства Дальнего Востока в отношении коренных малочисленных народов. Провозглашённые принципы со временем стали получать всё более своеобразное воплощение, весьма далекое от изначально продекларированного.

Попыткой влияния на формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов в 20-х годах XX века была дискуссия, разгоревшаяся в кругах научных и практических работников. Одним из способов решения национально-территориального устройства коренных малочисленных народов предлагалось создание «заказных» территорий, по своей сути — резерваций. В «Набросках к проекту организации управления туземными племенами» известный этнограф В.Г. Тан-Богораз писал о том, что традиционная жизнь северных народов должна быть надёжно защищена от пагубного влияния внешней среды и особенно предостерегал от экономи-

ческих экспериментов, которые, по его мнению, могли подвергнуть опасности само существование этих народов [9].

В докладе Наркомату национальностей РСФСР 2 апреля 1923 года В.Г. Тан-Богораз настаивал на выделение особых территорий, поскольку считал, что слияние русского и коренного населения «есть смерть для инородцев». Эти территории, по его мнению, должны быть достаточно обширными, соответствующими традиционному быту и занятиям коренным народностями; на них должен был действовать запрет на вселение соседей, как русских, так и других инородцев.

Общий принцип, сформулированный В.Г. Тан-Богоразом и его сторонниками (среди которых был В.К. Арсеньев), состоял в том, что целью освоения Севера должно стать сохранение уникальных особенностей местного населения и подъём его благосостояния так, как туземное население составляет главное богатство северных территорий. «С большой чуткостью и осторожностью должны мы подходить к устоям туземной жизни, сломать эти устои нетрудно, но это только приведет туземцев к гибели», — писал он [10].

Было и другое мнение, согласно которому коренные малочисленные народы, как и всё население страны должны идти по одному пути преодоления социальных различий, а богатые территории их традиционного обитания должны быть без всякого ограничения вовлечены в процесс интенсивного хозяйственного освоения. При этом туземное население рассматривалось как средство освоения пространств и богатств Севера, Сибири и Дальнего Востока. Только из этих соображений признавалась необходимость участия в решении проблем этих народов [11].

Следовательно, вывод о том, что уже в 20-е годы территории, населённые

коренными малочисленными народами рассматривались с точки зрения их экономической привлекательности, а коренное население этих территорий — как средство для реализации целей их освоения, имеет под собой основания.

Дальний Восток в историко-этнографическом отношении особая территория. 19 коренных народов исконно проживают на дальневосточной земле, локально занимая широкую полосу восточной части азиатского материка от берегов Северного Ледовитого океана до Японского моря, включая крупные острова [12]. Их общим объединяющим признаком является своеобразие хозяйственного и культурно-бытового уклада жизни.

Государственная политика, проводимая советской властью в отношении этих народов, оставила неизгладимый след в их исторических судьбах, коренным образом повлияла на кардинальные изменения их хозяйственного и культурно-бытового укладов. Общеадминистративное и национально-территориальное деление сыграло здесь не последнюю роль. За годы советской власти Дальний Восток неоднократно подвергался административно-территориальным и национальным перекариваниям. 14 ноября 1922 года Дальневосточная республика была упразднена, Президиумом ВЦИК РСФСР принято постановление о включении территории бывшей ДВР в состав РСФСР как единой административной единицы. Все входившие в ее состав области преобразованы в 1922 году в губернии: Амурскую, Забайкальскую, Камчатскую, Приморскую и Прибайкальскую (в 1923 г. упразднена, а территория ее вошла в состав Бурят-Монгольской АССР). 25 июля 1923 года образована Дальневосточная область.

4 января 1926 года взамен упраздненной Дальневосточной области был образован Дальневосточный край. Гу-

бернии были ликвидированы и образовано 9 округов. В Дальневосточный край вошли округа Читинский, Сретенский, которые в 1930 году были введены в состав Восточно-Сибирского края, Амурский, Владивостокский, Зейский, Камчатский, Сахалинский, Николаевский-на-Амуре, Хабаровский. Округа в свою очередь делились на районы. Так, Камчатский округ состоял из 8 районов: Анадырского, Карагинского, Пенжинского, Петропавловского, Тигильского, Усть-Камчатского, Усть-Большерецкого, Чукотского.

Кроме округов, преобразованных из губерний, в состав Дальневосточного края входили 3 национальных округа, созданные в соответствии с Постановлением ВЦИК РСФСР от 10 декабря 1930 года: Корякский, Чукотский и Охотско-Эвенский национальный округ (упраздненный в 1934 году) [13]. Следует отметить, что национальные округа были образованы только в РСФСР. Таким образом, процесс общеадминистративного и следом за ним и национального деления, коснулся коренного населения Дальнего Востока. Создание национальных округов проходило одновременно с ликвидацией округов внутри областей страны. На XVI съезде ВКП(б) в 1930 году И.В. Сталин внёс предложение «...упразднить округа, которые превращаются в ненужное средостение между областью и районами...» [14]. В июле 1930 года постановлением ЦИК СССР все округа, за исключением национальных, были ликвидированы. Главной причиной ликвидации территориальных округов было усиление централизации власти, а в условиях усиления административно-командной системы окружное звено, очевидно, оказывалось лишним. На Дальнем Востоке временно были сохранены Камчатский и Сахалинский округа.

В 20–30-х годах органами советской власти усилилась работа по национальному районированию на Дальнем Востоке. Постановлением Камчатского Окрревкома 12 августа 1926 года был образован Быстринский Ламутский туземный район, 19–21 августа 1927 года — Тигильский корякский кочевой туземный район. Последний был образован по представлению Комитета Севера после постановления Далькрайисполкома 14 июня 1927 года, по которому устанавливалась сеть туземных районов [15]. Алеуты Командорских островов были объединены в Алеутский островной туземный район. Кроме выше перечисленных, в составе Камчатского округа были образованы также Эскимосский, Гижигинский эвенский, Керекский, Южно-Анадырский, Горно-Анадырский районы [16].

На основании Постановления ВЦИК РСФСР от 10 января 1932 года постановлением Камчатского окрисполкома от 16 апреля 1932 года были образованы Быстринский и Алеутский национальные районы: «Ламутский туземный район именовать Быстринским национальным (Эвенским) районом, Алеутский — Туземным, национальным» [17].

К 1 декабря 1933 года в РСФСР насчитывалось 117 национальных районов и более 3000 сельских советов с численно преобладающим населением из национальных меньшинств [18].

Особенностью национального районирования в Дальневосточном крае было то, что проводилось оно по окружной системе из-за удалённости территорий проживания северных народов и их труднодоступности. Это обстоятельство не давало возможности осуществлять руководство из центра края большой сетью районов. В этой связи в состав крупных северных национальных округов входило по несколько национальных районов. В более южных, следовательно, близких к краевому центру, территориально-административное устройство состояло из национальных

районов, руководство которыми осуществлялось из краевого центра без окружного звена [19]. Всего в Дальневосточном крае в то время насчитывалось 75 районов, из них в составе национальных округов — 15 национальных районов с численностью коренного населения 36700 человек.

К 1931 году в состав Чукотского национального округа входило 6 районов: районы Западной тундры (в 1932 году передан Якутии), Восточной тундры, Чаунский, Чукотский, Анадырский, Марковский. В Корякский национальный округ входили Пенжинский, Олюторский, Карагинский и Тигильский районы. В Охотский эвенский национальный округ входили Тугуро-Чумиканский, Аяно-Майский, Охотско-Оймяконский, Ольско-Сеймчанский, Гижигинский национальные районы.

Кроме того, постановлением ВЦИК образовано 2 национальных района — Зейско-учурский и Джелтулакский эвенский. В дополнение к постановлению ВЦИК, Далькрайисполком 20 января 1931 года принял решение об укрупнении существующей сети туземных районов [20]. В соответствии с этим решением было образовано ещё 4 укрупнённых национальных района: Нижне-амурский гилякский, Ульчско-негидальский, Гольдско-самагирский и Сихота-алиньский народа удэ.

В 1931 году в 14-ти национальных районах, не входящих в национальные округа проживало 23680 чел. Национальные районы, расположенные на территориях, где туземное население не являлось преобладающим, существовали параллельно с общеадминистративными районами. Таковыми являлись районы среднего и нижнего Амура, Уссурийского края и Северного Сахалина. Продолжающийся процесс создания национальных районов в последующие годы привёл к увеличению их числа. Картина национального районирования в Дальневосточном крае к 1933 году выглядела следующим образом:

**Национальные районы Дальневосточного края [21]
(по состоянию на 1933 год)**

№ п/п	Национальный район	Количество коренного населения (чел.)
1	Северный туземный район	5882
2	Эскимосский район	855
3	Анадырский район	2373
4	Верхне-Анадырский район	783
5	Туземный район южных чукчей	2465
6	Керекский район	902
7	Восточно-Корякский район	3496
8	Западно-Корякский район	5127
9	Гижигинский Эвенский туземный район	1400
10	Паланский оседлый корякский район	1283
11	Тигильский кочевой Корякский район	1151
12	Быстринский орочельский район	511
13	Ительменский район	1024
14	Алеутский Островной район	402
15	Ольский Эвенский район	2829
16	Охотский Эвенский район	2829
17	Тугуро-Чумиканский Район	1652
18	Лиманский Гилякский район	2196
19	Амгунский-негидальский район	977
20	Ульчский район	1425
21	Амуру-гилякский район	716
22	Болонский Гольдский район	2409
23	Горюнский самогирский район	706
24	Западно-Сахалинский гилякский район	1108
25	Восточно-Сахалинский гилякский район	1092
26	Советский Тумнинский орочекский район	819
27	Самаргинский удэ район	183
28	Хоро-Имано-Бикинский район	975
29	Торгонский гольдский район	3120
30	Амуру-тунгусский гольдский район	695
31	Буреинский эвенский район	731
32	Селемджино-эвенский район	446
33	Сугдждаро-Токский эвенский район	546
34	Джелтулакский эвенский район	384

Политика государственного строительства в отношении коренных малочисленных народов в первой половине 1930-х годов XX века следует охарактеризовать как противоречивую. В этот период создавались национально-территориальные автономии, образовывались, укрупнялись и ликвидировались национальные районы. В декабре 1930 года Президиумом ВЦИК РСФСР было принято постановление об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера. ВЦИК требовал от местных органов власти немедленно приступить к объединению и переселению коренных народов с территорий традиционного проживания в места, определенные властью. В Приамурье в этот период были объединены удэгейцы, нанайцы, ульчи и другие народности и расселены в нескольких административных районах. Летом 1931 года в нанайском стойбище Найхин на межрайонном съезде нанайцев двух национальных районов — Торгонского и Болонского было принято решение об объединении нанайцев в один Нанайский район [22].

Проводимая национально-территориальная политика привела к тому, что большая часть коренного населения Дальнего Востока была переселена и потеряла права на земли традиционного использования. Создание национальных округов, декларируя политическое самоопределение малочисленных народов, изначально не предполагало справедливого разделения земель, ресурсов между государством и коренными народами. Созданные национальные районы просуществовали недолго. С 1932 года началась их ликвидация.

На основании специального Положения, утвержденного ВЦИК и СНК РСФСР 20 апреля 1932 года, реорганизации были подвержены и национальные Советы [23], началось их объединение с русским населением. Основной причиной

ликвидации национальных районов и преобразованию Советов коренных народов, была их скорейшая интеграция в социалистическое строительство наравне с русским населением. Категорическое выступление Комитета Севера против ликвидации национальных органов власти было оставлено партийным руководством без внимания [24]. Преобладание русского населения в объединенных Советах позволяло проводить политику без должного учёта национальных интересов, утере национальной специфики проводимой политики. Поставленные в положение сторонних наблюдателей, не имея реальной возможности влиять на принятие решений, коренные народы Дальнего Востока постепенно устранялись от активного влияния на свою жизнь. Но и вновь созданные объединенные Советы не могли работать самостоятельно, выполняя установки партийных и государственных органов, которые заменяли местную инициативу. Это позволяло государственным ведомствам использовать исконные территории коренных народов без учета их интересов. 17 декабря 1937 года ЦК ВКП(б) было принято постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». В результате изменения проводимой политики к началу 40-х годов XX века было ликвидировано большинство национальных районов Дальнего Востока. Национальные округа и сохранившиеся национальные районы, превратились в обычные административно-территориальные единицы, где интересы коренных народов постепенно уходили на периферию внимания местных органов власти. Права на земли и самоуправление коренных малочисленных народов были заменены политикой государственной опеки. Было принято считать, что к концу 30-х годов социальные, экономические, а также национально-территориальные проблемы малых народов в стране были успешно решены.

Список использованных источников

1. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. М., 1991. — С. 227–228.
2. Ивановский, В. В. Административное устройство наших окраин. — Казань, 1891. — С. 16–21.
3. Округ и округа (ед.число) разные по статусу административно-территориальные образования в России в 19 веке.
4. Левкин, Г. Г. Историческая справка о присоединении восточных окраин России, разграничениях и административно-территориальных преобразованиях на Дальнем Востоке. Карта Дальневосточный Федеральный округ. — М. 2001.
5. Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822г. // Полное собрание законов Российской империи с 1849г. Т. 38. №29,120. — С. 394–416. Текст взят из: Кряжков, В. А. Статус малочисленных народов России : правовые акты. — М., 1999. — Кн. 2. — С. — 8–26.
6. Асеев, А. А. Исторический опыт организации управления коренными малочисленными народами Дальнего Востока в 20-е годы XX века // Экономика, управление, общество : история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. молодых исследователей, аспирантов и соискателей. — Хабаровск, 2007. — Ч. 1. — С.10.
7. В § 2—6 они названы поименно. К ним относились ныне существующие коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока.
8. Декларация прав народов России от 02.11.1917 г. // Образование СССР : сб. док. — М. 1949. — С. 20.
9. Богораз, В. Г. О первобытных племенах (наброски к проекту организации управления туземными племенами) // Жизнь национальностей. — 1922. — №1 ; Сергеев, М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — М., 1955. — С. 215–216 ; Об изучении и охране окраинных народов // Жизнь национальностей. — 1923. — Кн. 3/4. — С. 168–177.
10. Советский Север. — 1929. — №3. — Прил.
11. Вахтин, Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации / Н. Б. Вахтин. — СПб, 1993. — С. 21-24.
12. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — М., 2003. — С. 13–14.
13. ГАХК. Государственный архив Хабаровского края. НСБ. СУи Р РКП РСФСР от 28 февраля 1931. — №8. — Ст.98.
14. Фадеева, Л. А. Из истории административного районирования в РСФСР (1928-1930гг) // Ист. зап. — 1953. — №44. — С.32-33.
15. РГИА ДВ. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф.р.623.Оп.1. Д. 5. Л. 30-39.
16. РГИА ДВ. Ф.р. 623. Оп. 1. Д. 5. Л. 30-39.
17. РГИА ДВ. Ф.р. 2413.Оп. 4. Д. 968. Л 21–25.
18. Власть Советов. — 1934. — № 3. — С. 24.
19. Районы Дальневосточного края. — Хабаровск, 1931. — С. LXXXVII-XCV ; ГАХК. Ф.137.Оп. 4, Д.11. Л.30 об. 31.
20. ГАХК.Ф. 137. Оп.4. Д. 11. Л. 31 об. 32.
21. Таблица составлена на основании: Районы Дальневосточного края. — Хабаровск, 1931. — С. LXXXVII-XCV ; ГАХК.Ф. 353. Оп.1. Д.83. Л. 15–16.
22. Яковлева, Е. В. Малые народности Приамурья после социалистической революции / Е. В. Яковлева. — Хабаровск, 1957. — С. 27–28.
23. Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917–1932гг.). — Томск, 1968. — С.117.
24. РГИА ДВ. Ф.Р-2413. Оп. 2. Д. 513. Л. 107.

В статье исследуется ранее не изучавшаяся история становления и развития в советский период кинопрокатной деятельности на территории Николаевского района Хабаровского края, рассматриваются вопросы формирования ее органов управления.

Ракова Ольга Алексеевна,
руководитель отдела культуры
администрации
Николаевского-на-Амуре
муниципального района

Становление и развитие кинопрокатной деятельности в Николаевском районе в 20–80 годах XX века

История становления кинодела в Николаевском районе, равно как и развитие органов его управления до сих пор мало изучена. Ее основные события нашли свое отражение лишь в исследованиях краеведа, Почетного гражданина г. Николаевска-на-Амуре В.И. Юзефова.

К числу самых первых упоминаний о кинодеятельности на Нижнем Амуре относятся публикации местной периодической печати. Так, например, в газете «Амурский лиман» за 20 января 1910 года опубликован следующий анонс: «20 января 1910 г. в кинотеатре «Прогресс» будут даваться сеансы вновь полученных картин, половина сборов от показа которых поступит в пользу неимущих студентов» [1].

В статье В.И. Юзефова «У нас, на главной улице» [2] упоминается о кинотеатре «Модерн» в г. Николаевске-на-Амуре: «14 сентября 1915 г. состоялось торжественное открытие «Модерна». В этот день демонстрировались юмористические журналы «Макс Линдер изъясняется по-английски», полнометражный фильм «Руками матери убита»; фильмы были немые, поэтому для большей полноты восприятия экранного действия сопровождалась музыкальным оформлением пианистки Малиновской, приглашенной на должность тапера. Около четырех лет работал кинотеатр «Модерн», но в 1919 г. в период интервенции он был по ряду причин закрыт и уже как кинотеатр не возродился». Таким образом, можно утверждать, что в дореволюционный период в г. Николаевске-на-Амуре работало два кинотеатра.

С 1932 по 1950 годы действовал один кинотеатр под названием «Глобус». В книге В.И. Юзефова «Годы и друзья старого Николаевска» содержится информация о том, что после закрытия в 1932 г. кладбищенской церкви и проведения капитального ремонта и перестройки здания в ней был открыт кинотеатр «Глобус» [3].

М.С. Кузнецов в книге «Дальневосточная партийная организация в борьбе за осуществление задач культурной революции (1928–1937 гг.)» говорит о том, что в ходе восстановления народного хозяйства после Гражданской войны Дальбюро ЦК РКП(б) и Дальревком приступили к кинофикации всего края. На первых порах единственным средством кинообслуживания сельского населения были кинопередвижки. На Дальнем Востоке к 1928 г. их насчитывалось 204. Развитию кино большое внимание уделил майский (1928 г.) пленум Дальневосточного крайкома партии. Он обязал окружные парторганизации обеспечить более быструю кинофикацию сельских районов, для

чего создать специальные денежные и материальный фонды и в короткий срок расширить сеть кинопередвижек.

Первым пятилетним планом развития народного хозяйства на Дальнем Востоке и социально-культурного строительства была определена обширная программа кинофикации края. Дальневосточный крайком ВКП(б), рассмотрев в феврале 1928 г. вопрос «О состоянии киноработы в крае», отметил, что краевое отделение «Совкино» правильно строит свою деятельность. Совместно с партийными органами оно привлекло к мобилизации средства на развитие кинофикации городов и сел кооперативных организаций, отделов народного образования, крестьянских комитетов, обществ взаимопомощи. В результате, за 1928 г. число киноустановок на селе возросло в два раза [4].

Сведения о кинотеатре, по всей видимости, «Прогрессе», можно обнаружить в материалах I Николаевского окружного съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов, прошедшем 15 февраля 1926 г. В докладе руководителя отдела народного образования округа Тимченко было сказано: «Деятельность отдела народного образования не ограничивается только учебно-воспитательной работой, но, охватывает и внешкольную деятельность. Под этим понимаем избыточные читальни, литкружки, библиотеки и другие политпросветучреждения» [5]. Здесь же приводится сеть учреждений в период с 1923 по 1926 гг., в которой отмечено наличие в 1925 году в г. Николаевске-на-Амуре кинотеатра.

В отчете за 1927–1928 гг. руководством ОКРОНО уже приводятся данные о работе кинотеатра «Прогресс». Он находился на хозрасчете: в 1927–1928 гг. чистая прибыль составляла 7000 рублей. В 1928–1929 гг. — 1250 рублей. Снижение вызвано ремонтом. Цены на билеты были установлены для членов профсоюза за 25 копеек, для детей — 15 копеек [6].

В период активного открытия избыточных читален и клубов кино становится составной частью культурно-просветительной работы среди сельского населения. В эти годы кинообслуживание осуществлялось, главным образом, с помощью кинопередвижек на гужевом транспорте. С 1927 по 1929 годы в Николаевском округе появилось 7 кинопередвижек (табл. 1).

Из докладной записки президиуму Нижнеамурского райисполкома по культурному строительству среди народов Севера Нижнеамурского района заведующего РАЙОНО Зеленковского следует, что в 1934 году руководство района было озабочено проблемой развития кинообслуживания населения. В ней он докладывал об отсутствии в районе киноаппаратов и предлагал приобрести три киноаппарата и включить в бюджет содержание трех киномехаников для непрерывного обслуживания народов Севера [7].

Из материалов, хранящихся в фондах архивного отдела администрации Николаевского муниципального района также известно, что согласно приказу по Главному управлению массовой печати и проката кинофильмов №359, от 31 декабря 1939 года, Всесоюзная контора по прокату кинофильмов «Союзкинотрест» была ликвидирована. Прокатные пункты по прокату кинофильмов стали именоваться Агентствами контор Главного управления массовой печати и проката кинофильмов [8].

Такое Агентство было создано и в Нижнеамурской области. В приказе №212 по Хабаровскому краевому отделению Союзкинопроката от 25 октября 1939 года о работе Нижнеамурского Агентства есть следующие сведения: «Хабаровское отделение отмечает неудовлетворительное состояние работы Агентства, выражающееся в невыполнении плана оборота проката фильмов, как по валовым поступлениям, так и по экранодням, низкое

состояние использования хроники, допущение больших остатков рекламного материала на складе, отсутствие работы по рекламированию фильмов, отсутствие борьбы за сохранность фильмов, неоперативное выполнение всех вышестоящих рекомендаций, допущение крупной дебиторской задолженности. При посредстве областных организаций необходимо добиться к пуску в эксплуатацию 16 узкоплёночных аппаратов, имеющих в ОБЛОНО, добиться максимального использования в школах узкоплёночных учебных фильмов» [9].

Из распоряжения Управления Хабаровской краевой конторы «Главкинопрокат» №7 от 10 июля 1940 года заведующему Нижнеамурским отделом Главкинопроката т. Бобкову, предписывающего произвести полную паспортизацию аппаратуры киноустановок, известно также, что в Нижнеамурской области общая киносеть в 1940 году составляла 64 киноустановки, а в июле работало только 56 киноустановок по причине выхода из строя 8 киноустановок. Здесь же были даны рекомендации по заключению репертуарного плана с киноустановками города и кинотеатром «Глобус» с целью лучшего использования большого фильмофонда [10].

Доходы от работы кинотеатра и киноустановок давали ощутимую прибыль и составляли менее половины всех имеющихся доходов в казне Николаевска-на-Амуре. Об этом свидетельствуют материалы из протокола заседания VI сессии Николаевского городского Совета депутатов трудящихся 29—30 мая 1941 года: «35% всех местных налогов должен дать налог с киноустановок. Киноустановки за 14 декад 1941 г. дали 111358 рублей или 7240 рублей в декаду, тогда как они должны были давать 10300 рублей в декаду. В бюджете уже образовался прорыв на 33 тыс. рублей, которые надо выполнить улучшением работы кинотеатра «Глобус» и усилить прокатной мощностью кино-

передвижек, которая в первом квартале были использована на 50%» [11].

По итогам работы Нижнеамурского отделения Хабаровского краевого кинопроката за 1 квартал 1941 года (табл. 2) можно заключить, что в Нижнеамурской области работало на широкой плёнке 67 киноустановок, на которых было показано 3170 киносеансов, на узкой плёнке 8 киноустановок, на которых было показано 271 киносеанс.

О том, какие населенные пункты Нижнеамурского района обслуживали кинопередвижные установки, мы узнаем из сведений о кинообслуживании населенных пунктов по Нижнеамурскому району за 1946 год (табл. 3). Из нее видно, что было обслужено 47 населенных пунктов, в которых состоялось за год 548 киносеансов.

К концу 40-х годов XX века кино пришло в самые отдаленные уголки Нижнего Амура. Значительно улучшилось кино и радиообслуживание рабочих поселков и колхозов. Самое массовое искусство — кино — стало повсеместно составной частью культурно-просветительной работы среди населения. В 1947 году в крае было проведено до 40 тысяч киносеансов. Кинопередвижки и стационарные установки обслуживают широкие массы трудящихся в самых отдаленных районах края [12].

О развитии кинообслуживания в Хабаровском крае красноречиво говорят цифры, приведенные Н.П. Шитиковым в книге «Наш орденосный Хабаровский край». Если в 1925 году в крае было всего 9 стационарных и 5 кинопередвижек, то в 1967 году работает 34 постоянных кинотеатра и 817 государственных и профсоюзных киноустановок. В 1930 году в крае впервые начали смотреть звуковое кино. К 1947 году все немые киноустановки были заменены звуковыми. С 1957 года начало развиваться широкоэкранный кино, и в 1967 году в крае имелось уже 54 такие установки [13].

В январе 1951 году в городе Николаевске-на-Амуре был открыт широкоэкранный кинотеатр «Родина» [14]. С его открытием прекратил свою деятельность в здании бывшей церкви кинотеатр «Глобус». Увеличилась сеть киноустановок. По справочному материалу о работе управления культуры за 1954 год стало возможным определить количество киноустановок и показатели их деятельности в Нижнеамурской области. В частности, отдел кинофикации управления культуры, согласно утвержденному плану, имел по области 77 киноустановок, в том числе 4 городских (в городе Николаевске-на-Амуре — кинотеатр «Родина», школьную кинопередвижку и летнюю площадку, в Охотске — городской стационар при Доме культуры) и 73 киноустановки работало в сельской местности, в том числе 5 стационаров в районах и 2 стационара в леспромхозе. По районам кинопередвижки были распределены следующим образом: в Нижнеамурском районе — 12, Тахтинском — 8, Ульчском — 17, им. П. Осипенко — 3, Тугуро-Чумиканском — 4, Аяно-Майском — 4, Охотском — 18, Итого — 66.

За 1954 год по области было показано 20930 киносеансов, обслужено за год 1717,7 зрителей. По итогам работы за I и II кварталы 1954 года отделу кинофикации областного управления культуры дважды присуждалось переходящее Красное знамя Хабаровского крайисполкома [15].

В 1954 году в Нижнеамурском районе работало 12 кинопередвижек (и ни одной стационарной киноустановки), из них две в городе Николаевске-на-Амуре и 10 в сельской местности. Фильмы в села по-прежнему доставлялись на гужевом транспорте. План по всем показателям перевыполнялся. Было показано 2860 киносеансов, на которых присутствовало 1231 зритель, валовый сбор от кинопоказа составил 216,7 тыс. рублей (табл. 4, 5).

Интересные сведения указаны в письме начальника отдела кинофикации областного управления культуры Воробьева от 04 ноября 1955 года начальнику отдела кинофикации краевого Управления культуры Шеберстову: «Согласно Вашему запросу от 22.10.1955 г. сообщаем следующие данные по Нижнеамурскому району: «всего работает государственных киноустановок 12 штук, из них 11 узкоплечных и 1 широкоплечная. Всего обслуживается 36 населенных пунктов, из них широкоплечная киноаппаратура имеется в одном населенном пункте, аппаратная есть. Всего по Нижнеамурскому району построено 6 киноаппаратных, из них в 1955 г. — 2. К концу года будет построена еще одна и заготовлен материал на 1956 год в 4 населенных пунктах» [16].

Это свидетельствует о том, что в 1955 году началось строительство в клубах специальных помещений — киноаппаратных для размещения стационарных киноустановок. Государственные киноустановки работали не только в клубах государственной сети, но в профсоюзных учреждениях культуры, что подтверждается письмом начальника отдела кинофикации областного Управления культуры Воробьева от 29 июля 1955 года начальнику отдела кинофикации краевого Управления культуры Шеберстову: «Сообщаем сведения о работе государственных киноустановок в профсоюзных клубах и красных уголках по Нижнеамурскому району: рыбозавод Чныррах, Горбаза №1, рыбозавод им. Байдукова, рыбозавод Мыс Лазарева, рыбозавод Чертова Бухта» [17].

60-е годы XX века отмечены дальнейшим развитием кинодела и активным ростом количества киноустановок в г. Николаевске-на-Амуре и Николаевском районе. В докладе заведующего городским отделом культуры П. Ефремова «О состоянии и мерах улучшения культурно-

массовой работы» на сессии городского Совета народных депутатов отмечалось улучшение в 1960 году состояния дел по кинообслуживанию населения [18]. В то время государственная киносеть г. Николаевска-на-Амуре имела 5 киноустановок: в кинотеатре «Родина» — два зала: основной зал на 300 мест, малый зал на 100 мест, а также матросский клуб, арендованный кинотеатром «Родина», одну кинопередвижку, летнюю киноустановку в парке культуры и отдыха. Кроме государственной киносети, в городе работали два профсоюзных клуба на 300 и 400 мест и Дом офицеров на 550 мест. Эти клубы также демонстрировали фильмы. Таким образом, наличие 8 государственных и профсоюзных киноустановок для населения города в 31 тыс. человек можно считать вполне достаточным. По словам П. Ефремова, исключение составляла восточная часть города в поселке мельзавода, но и там планировалось строительство кинотеатра на 150 мест за счет ссуды Госбанка [19].

Если в 1956 году в отчете отдела кинофикации областного управления культуры указано наличие 12 кинопередвижек (табл. 6) [20] и ни одной стационарной, то в 1962 году в отчете о наличии движения киноустановок Министерства культуры СССР и колхозов их числилось уже 22, причем стационарных (табл. 7) [21]. Спустя еще один год согласно справке о работе учреждений культуры по выполнению решений июньского Пленума ЦК КПСС, число кинопередвижек достигло 41, в том числе 10 киноустановок профсоюзных, а обслуживало их 66 человек [22].

60-е годы XX века ознаменованы открытием двух кинотеатров в г. Николаевске-на-Амуре. В 1960 году городской отдел культуры обратился в центральный институт типовых проектов в г. Москве с просьбой выслать проект

летнего кинотеатра на 200 мест и проект зимнего стационарного кинотеатра на 150 мест для строительства в городской местности (восточная часть города) [23]. Через три года решением исполкома городского Совета депутатов трудящихся №30 от 25.01.1963 г. было разрешено городскому отделу культуры строительство здания крытого широкоформатного кинотеатра на территории городского парка культуры и отдыха [24], который был построен и принят в эксплуатацию 30 апреля 1969 года, о чем свидетельствует решение исполнительного комитета городского Совета народных депутатов №160 от 7 мая 1969 г., утвердившего акт приемки в эксплуатацию летнего кинотеатра на 300 мест [25].

В кинотеатре «Родина» и его филиале (летнем кинотеатре в парке) работали детские кинотеатры. Здесь все работы от начала до конца проводили дети. При кинотеатре работал регулярно кинолекторий. По решению исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся от 10 февраля 1967 г. «Об открытии детского кинотеатра» было разрешено дирекции киносети открыть на базе малого зала кинотеатра «Родина» специализированный детский кинотеатр и назвать его «Пионер» [26].

В том же 1967 году открывается в западной части города филиал кинотеатра «Родина», которому решением исполкома Николаевского на Амуре городского Совета депутатов трудящихся от 10 февраля 1967 г. №83 присваивается название кинотеатр «Волна» [27].

70–80 годы XX столетия можно с полным основанием назвать годами расцвета кинодела на Нижнем Амуре. В г. Николаевске-на-Амуре успешно действовало 3 кинотеатра и три киноустановки в Домах культуры: в Доме культуры им. М. Горького судостроительного завода, клубе Моряков морского порта, Районном доме культуры. В сельской

местности стационарное кинооборудование с широкоэкранным показом было установлено практически во всех 27 домах культуры и клубах Николаевского района.

Такова, в общих чертах, хронологическая последовательность основных событий, имевших место в истории развития киносети и проката на Нижнем Амуре. Однако, необходимо отметить, что одновременно с формированием учреждений кинофикации, их технического оснащения, происходило становление и органов их управления.

Известно, что после окончания Гражданской войны на территории РСФСР советское государство, формируя органы управления в области просвещения, науки и искусства, проводило также крупные мероприятия по организации кинодела в России.

В декабре 1922 года для руководства киноделом в условиях НЭПа создается на началах хозрасчета Госкино, получившее монопольное право проката кинофильмов на всей территории РСФСР, государственную прокатную контору с ее местными отделениями и ряд кинотеатров.

В 1924 году Совет Народных Комиссаров (далее СНК) РСФСР принял декрет «Об организации кинодела в РСФСР», предусматривающий создание акционерного общества по производству и прокату фильмов. Председателем его оргбюро являлся нарком внешней и внутренней торговли Л.Б. Красин. Произошло объединение капиталов киноорганизаций производственных прокатных и экспертных операций и было создано «Совкино». В августе 1926 года в «Совкино» вливается «Госкино», и оно становится единственной в РСФСР монопольной организацией по прокату кинофильмов и основной производственной киноорганизацией РСФСР, наиболее мощной во всем СССР.

В 1929 году при СНК СССР был создан общесоюзный орган по руководству киноделом — Кинокомитет СССР, который был преобразован в 1930 году в «Союзкино» в системе ВСНХ СССР. «Союзкино» в 1933 году реорганизуется в Главное управление кино-фото промышленности, подчиняемое СНК СССР.

Крупное значение в решении вопросов кинофикации имела реорганизация управления киносетью, предусмотренная по РСФСР постановлением правительства в 1933 году. Действующий Трест по прокату кинофильмов «Роскино» был реорганизован в Управление по кинофикации при СНК РСФСР с функциями планирования и руководства делами кинофикации на территории РСФСР. Подобным образом строилась работа на местах. Создавались управления по кинофикации в краевых и областных исполкомах. Расширялась киносеть.

В 1933 году создается Управление кинофикацией при СНК РСФСР, на которое была возложена организация продвижения узкоплёночных кинофильмов, а в 1938 году — и сбыт аппаратуры на территории РСФСР. В том же году Управление кинофикации было упразднено в связи с образованием комитета по делам кинематографии РСФСР.

В 1946 году было создано Министерство кинематографии РСФСР. На него было возложено руководство государственной киносетью и регулирование работы киносети всех ведомств и организаций РСФСР, организация производства кинокартин, кинооборудования. В 1953 году его функции переданы Министерству культуры РСФСР.

Министерство культуры РСФСР образовано в 1953 году в результате объединения Министерства кинематографии, Комитетов по делам культурно-просветительных учреждений и по делам искусств, Управления по делам полиграфической промышленности, из-

дательств и книжной торговли при Совете Министров РСФСР. На Министерство возлагалось руководство учреждениями кинематографии, искусства и культурно-просветительными учреждениями, издательским делом, книжной торговлей, высшими и средними специальными заведениями, детскими художественными и музыкальными школами.

В составе Министерства культуры РСФСР было создано Главное управление кинематографии и кинопроката, которое было ликвидировано в 1963 году, а его функции переданы Государственному комитету Совета Министров РСФСР по кинематографии. Из ведения Министерства культуры РСФСР ему были переданы Ленинградская киностудия, Дальневосточная и другие студии кинохроники. Местными органами Комитета являлись управления кинематографии и кинопроката при крайисполкомах, райисполкомах [28].

История становления и развития органов по руководству киноделом в Николаевском районе малоизучена. В основном, в фондах архивного отдела администрации Николаевского муниципального района сохранились приказы по личному составу.

В 1932 году на территории Николаевского района действовало Николаевское на Амуре Межрайонное отделение «Роскино» [29], которое с 1 августа 1933 года, с момента образования Нижнеамурского округа, было преобразовано в Нижнеамурское окружное отделение «Роскино» [30]. С 1 января 1934 года на территории Нижнеамурского округа работало Нижнеамурское окружное отделение «Далькинотрест» [31], которое с момента образования Нижнеамурской области преобразовали в Нижнеамурскую областную контору «Далькинотреста» [32]. Эта контора просуществовала до 1940 года. Тогда же был создан Нижнеамурский областной отдел кинофи-

кации, осуществлявший свои функции на территории Нижнеамурской области вплоть до 1953 года [33].

В 1953 году в связи с образованием Министерства культуры РСФСР формируются местные органы управления культуры. В соответствии с постановлением «О реорганизации областного отдела культпросветработы и областного отдела кинофикации» от 29 июля 1953 года происходит реорганизация областного отдела кинофикации и включение его в состав вновь созданного управления культуры Нижнеамурского областного Совета депутатов трудящихся [34]. Отдел кинофикации в составе Управления культуры Нижнеамурского областного Совета просуществовал до 1956 года. После упразднения в 1956 г. Нижнеамурской области претерпели изменения и органы по руководству киноделом.

В 1956 году на территории Нижнеамурской области создается Нижнеамурское Межрайонное отделение по прокату кинофильмов. Предприятие находилось в структуре Госкино РСФСР. Основным видом деятельности предприятия являлось хранение киноматериалов, прокат кинофильмов на киноустановках города Николаевска-на-Амуре и Нижнеамурского района. В штаты предприятия входило 32 единицы, в том числе: заведующий отделением, старший бухгалтер, заведующий фильмобазой, 2 методиста, инженер, мастер, 5 контролеров массового позитива, 2 фильмопроверщика, реставратор, киномеханик и обслуживающий персонал [35].

На территории Нижнеамурского района существовал и Нижнеамурский районный отдел кинофикации, который подчинялся Нижнеамурскому областному отделу кинофикации. В фондах архивного отдела администрации Николаевского муниципального района имеются приказы по личному составу Нижнеамурского

районного отдела кинофикации с 1948 по 1953 годы. В фондах имеются документы за 1950 год, позволяющие судить о киносети в Нижнеамурском районе в этом году. В 1950 году отделу кинофикации в г. Николаевске-на-Амуре были подведомственны киноустановки, расположенные в кинотеатре «Глобус», клубе Моряков, клубе судоверфи, на летней площадке в парке, городская кинопередвижка и 9 киноустановок в селах Нижнеамурского района (с. Нижнее-Пронге, Иннокентьевка, Чныррах, Пуир, Озерпах, Коль №2, Лазарев, Власьево, объект №94) [36]. В 1953 году Нижнеамурский отдел кинофикации был упразднен, его функции переданы Нижнеамурскому районному отделу культуры [37].

В 1963 году в г. Николаевске-на-Амуре создается дирекция киносети при Николаевском на Амуре горисполкоме. В

ее подчинение перешли: кинотеатр «Родина», филиал кинотеатра «Родина» кинотеатр «Волна», киносеть пригородной зоны г. Николаевска-на-Амуре, состоящая из 15 киноустановок, расположенных в селах пригородной зоны (с. Денисовка, Зубаревская Падь, Астрахановка, Рождественка, Нефтепровод, Нигирь, Виданово, Гырман, Маго-рейд, Иннокентьевка, Красное, Оремиф, Свободное, Байдуков, Власьево) [38]. Дирекция киносети просуществовала до 1990 года.

Дирекция киносети и Межрайонное отделение по прокату кинофильмов в 1990 году преобразованы и вошли в состав вновь созданного Николаевского на Амуре кинопредприятия, ставшего структурным подразделением отдела культуры администрации г. Николаевска-на-Амуре и Николаевского района.

Список использованных источников

1. Из фондов Межпоселенческого краеведческого музея им. В.Е.Розова Николаевского муниципального района.
2. Ленин. знамя. – 1990. – 20 мая
3. Юзэфов, В.И. Годы и друзья старого Николаевска. – Хабаровск, 2005. – С. 40.
4. Кузнецов, М.С. Дальневосточная партийная организация в борьбе за осуществление задач культурной революции (1928-1937 гг.). – Томск, 1971. – С. 345.
5. АОАНМР. (Архивный отдел администрации Николаевского муниципально-го района). Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л.16.
6. АОАНМР. Ф. 12. Оп. 1. Д. 70. Л. 40.
7. АОАНМР. Ф. 264. Оп. 1. Д. 50. Л. 25.
8. АОАНМР. Ф. 437. Оп. 1. Д. 1. Л. 189.
9. АОАНМР. Ф. 437. Оп. 1. Д. 1. Л. 206.
10. АОАНМР. Ф. 437. Оп. 1. Д. 7. Л. 140.
11. АОАНМР. Ф. 167. Оп. 1. Д. 58. Л. 239.
12. Хабаровский край. География, история, экология, культурное строительства. 1948 г. – Хабаровск, 1948. – С. 397.
13. Шитиков, А.П. Наш орденосный Хабаровский край. – Хабаровск, 1967. – С.176.
14. АОАНМР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 327. Л. 14.
15. АОАНМР. Ф. 561. Оп. 1. Д. 26. Л. 19, 20.
16. АОАНМР. Ф. 561. Оп. 1. Д. 41. Л. 22.
17. АОАНМР. Ф. 561. Оп. 1. Д. 41. Л. 32.
18. АОАНМР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 5. Л. 88.
19. АОАНМР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 5. Л. 107.
20. АОАНМР. Ф. 632. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
21. АОАНМР. Ф. 632. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.
22. АОАНМР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 46. Л. 68.
23. АОАНМР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 18. Л. 97.
24. АОАНМР. Ф. 167. Оп. 1. Д. 175. Л. 51.
25. АОАНМР. Ф. 167. Оп. 1. Д. 301. Л. 169.
26. АОАНМР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 57. Л. 60.
27. АОАНМР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 57. Л. 61.
28. Культурное строительство на Дальнем Востоке : док. и материалы (1917-1941 гг.). – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1982.
29. АОАНМР. Ф. 561. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

30. АОАНМР. Ф. 561. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.
31. АОАНМР. Ф. 561. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.
32. АОАНМР. Ф. 561. Оп. 1. Д. 1. Л. 731.
33. АОАНМР. Ф. 561. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
34. АОАНМР. Ф. 561. Оп. 5. Д. 9. Л. 1.
35. АОАНМР. Ф. Л- 63
(«Историческая справка к фонду л-63,
Николаевское на Амуре кинопредприятие»).
36. АОАНМР. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.
37. АОАНМР. Ф. 57. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
38. АОАНМР. Ф. 57. Оп. 1. Д. 72. Л. 21.
39. АОАНМР. Ф. 12. Оп. 1. Д. 70. Л. 36.
40. АОАНМР. Ф. 437. Оп. 1. Д. 7. Л. 140.
41. АОАНМР. Ф. 561. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.
42. АОАНМР. Ф. 561. Оп. 1. Д. 26. Л. 20.
43. Там же.
44. АОАНМР. Ф. 632. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
45. АОАНМР. Ф. 632. Оп. 1. Д. 6. Л.7.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Годовой отчет Николаевского окружного отдела народного образования за 1928-1929 годы. Сеть политпросветучреждений [39]

Наименование	1926-1927 гг.	1927-1928 гг.	1928-1929 гг.	На 1 января 1929 г.
Избы-читальни бюджетные	13	17	17	16
Красных уголков и внебюджетных изб-читален	48	71	79	46
Библиотек	1	1	1	1
Кинотеатр	1	1	1	1
Кинопередвижка	-	2	7	7
Дом крестьянина	-	1	1	1

Таблица 2

Итоги работы Нижнеамурского отделения краевого кинопроката в 1 кв. 1941 г. [40]

Киносеть		Сеансов (на широкой пленке)	
план	факт	план	факт
67	54,3	4742	3170
		На узкой пленке	
8	4,3	307	271

Таблица 3

Сведения кинообслуживания населенных пунктов по Нижнеамурскому району за 1946 год [41]

Населенный пункт	Количество кинокартин	Количество киносеансов
1. Алексеевка	-	-
2. Лиман	6	6
3. Собах	11	11
4. Джаоре	14	17
5. Мыс Мы	-	-
6. Уарка	-	-

Продолжение таблицы 3

Населенный пункт	Количество кинокартин	Количество киносеансов
7. Чертовая бухта	—	7
8. Кресовка	6	7
9. Мыс Лазарев	13	17
10. Нижнее Пронге	75	172
11. Верхнее Пронге	—	—
12. Денисовка	2	2
13. Б.Коль	2	2
14. Касьяновка	2	2
15. Кабель	4	4
16. Город №1	—	—
17. Константиновка	—	—
18. Кукля	10	10
19. Рождественка	6	6
20. Оремиф	16	16
21. Льва Толстого	12	15
22. Тнейвах	22	23
23. Свободное	8	8
24. Чардбах		
25. Покровка	3	3
26. Озерпах	33	64
27. Пуир	17	22
28. Макаровка	7	8
29. Байдуков	7	8
30. Чкалов	—	—
31. Петровская Коса	5	5
32. Иска	—	—
33. Власьево	6	10
34. Коль №1	16	16
35. Коль-Никольское	20	20

Продолжение таблицы 3

Населенный пункт	Количество кинокартин	Количество киносеансов
36. Тывлино	5	5
37. Иннокентьевка	15	19
38. Вайда	-	-
39. Архангельское	4	4
40. Сахаровка	2	2
41. Красное	-	-
42. Каменка	-	-
43. Чныррах	19	33
44. Кахтинская бухта	-	-
45. Коль №2	16	17
46. Пальва	2	2
47. Татарский стан	-	-
ВСЕГО:	386	563

Таблица №4

**Итоги работы
по кинообслуживанию в Нижнеамурском районе
за 1954 год [42]**

Кол-во кинопередвижек	Сеансы		Зрители		Валовый сбор		% выполнения	
	план	факт	план	факт	план(тыс. руб.)	Факт (тыс. руб.)	зрители	валовый сбор
12	2737	2860	121,7	123,1	210,8	216,7	101,2	107,6

Таблица 5

Киносеть отдела кинофикации областного Управления культуры по г. Николаевску-на-Амуре и Нижнеамурскому району на 1955 год [43]

	г.Николаевск-на-Амуре	Нижнеамурский район
Кинотеатры постоянные	1	0
Клубы арендованные	0	0
Летняя площадка	1	0
Городские кинопередвижки	1	0
ИТОГО по городу	3	0
Сельские стационары	0	2
Автопередвижки	0	0
Гужевые кинопередвижки	0	10
ВСЕГО:	3	12

Таблица 6

Из отчета отдела кинофикации областного управления культуры за 1956 г. [44]

Вид киноустановок	Кол-во	Кол-во киносеансов	Кол-во посещений	Валовый сбор
Кинотеатры в городе	1	72	11,6 тыс. чел.	36,45 тыс.руб.
Кинопередвижки	1	484	30,7 тыс. чел.	69,4 тыс.руб.
Сельские стационарные кинопередвижки	–	–	–	–
Сельские кинопередвижки	11 узкоплёночных	1870	78,2 тыс. чел.	186,4 тыс. руб.

Таблица 7

Отчет о наличии движения киноустановок Министерства культуры СССР и колхозов за 1962 год [45]

Вид киноустановок	Кол-во	Кол-во киносеансов	Кол-во посещений	Валовый сбор
Городские (кинотеатр)	1	352	28,5	6,0
Сельские стационарные киноустановки	22 (в т.ч. узкоплёночных – 20)	3726	149,1	32,0

Шевкомуд Игорь Яковлевич,
заведующий отделом научных исследований Хабаровского краевого краеведческого музея имени Н.И. Гродекова,
кандидат исторических наук

Фукуда Масахиро,
научный сотрудник лаборатории Токоро Токийского университета (Япония), доктор философии

Поселение Голый Мыс-1 и некоторые проблемы стратиграфии и хронологии культур II—I тыс. до н.э. на северо-востоке Нижнего Приамурья

Введение

Одной из главных проблем археологии Нижнего Приамурья является сложность исследования стратиграфии и, соответственно, хронологии культурных комплексов. Разрезы многослойных поселений данной территории фиксируют практически непрерывный процесс строительства жилищ с углублённым в землю котлованом, рытьё различных ям со следами техногенного перемещения больших масс грунта. Зачастую носители одной культуры для строительства использовали вторично котлованы жилищ другой культуры, более ранней. В качестве примера можно привести такие известные поселения как Гася, Кондон-Почта, Кольчём-3 и др.

По этим причинам обнаружение многослойных памятников с информативной

вертикальной стратиграфией является большой редкостью. Несомненно, к таким объектам относится группа поселений у береговых (или «штормовых») валов на оз. Удыль, в число которых входит рассмотренный здесь памятник Голый Мыс-1 (Рис. 1).

Основная часть. Геоморфологическая характеристика

Крупное озеро Удыль, расположенное в левобережье долины Амура в его низовьях, относится к типу припойменных. Озёра данного типа широко распространены на указанной территории (в частности, к ним относятся Кизи, Дальжа, Джевдаха, Кади и др.) и на многих из них имеются аккумулятивные формы в виде береговых валов [2; 3].

Озеро вытянуто в широтном направлении. Южная и юго-восточная часть его побережья сильно изрезана, для неё характерны скалистые, далеко выходящие в озеро утёсы, между которыми расположены бухты полукруглых очертаний. Совершенно очевидно, что данная особенность связана с господством ветров северных направлений (северный берег озера, напротив, низинный, заболоченный). Особенности розы ветров и развитые абразионные процессы привели к образованию штормовых валов, сложенных гравийно-песчаным материалом и маркирующих береговую линию в бухтах озера. Высота валов — до 5-6 м и более, ширина — 30-60 м. Часто они отделяли от зеркала озера низинные участки между скалистыми отрогами сопок, образуя заболоченные «палеолагуны». Южное и юго-восточное побережье озера было наиболее предпочтительно для заселения в древности. Подтверждением этому служат серии археологических памятников эпох неолита-палеометалла, расположенных по берегам бухт на гребне штормовых валов или на высоких террасовидных участках по боковым сторонам бухт.

С самого начала археологических исследований на озере было обращено внимание на возможную перспективность штормовых валов для исследования стратиграфии и хронологии древних культур территории. При их шурфовке был выяснен факт постепенности и ритмичности их формирования. Отложения

В древней истории Нижнего Приамурья археологические комплексы перехода от неолита к палеометаллу — ранней поры палеометалла изучены недостаточно. В статье на основе анализа хронологии и стратиграфии многослойного поселения Голый Мыс-1 и других памятников представлены культурные комплексы II—I тыс. до н.э., существенно пополнен банк радиоуглеродных дат, установлена хронология комплексов коппинского, урило-соргольского и большебухтинского типов, построена схема культурной хронологии финала неолита — ранней поры палеометалла для северо-восточной части названной территории.

вала представляли собой гравийные или песчано-гравийные прослойки, разделённые слоями супесей — остатков погребённых дерново-почвенных горизонтов.

Поселение Голый Мыс-1

Памятник был открыт И.Я. Шевкомудом в 1991 г. на юго-восточном берегу оз. Удыль (15 км на СВ от с. Кольчём), в центральной части бухты между мысами Скальным и Голым, на левом приустьевом мысу и участке берегового вала при впадении в бухту ручья. Береговая полоса бухты имеет полукруглые очертания, отмечена песчано-гравийными отложениями штормового вала высотой до 5 м. Западины древних жилищ тянутся вдоль вала, а также за валом, по террасе. Выявлено 23 западины округлых и подпрямоугольных очертаний, в основном от 3 до 5 м в поперечнике.

В 2003 г. совместной экспедицией Хабаровского краевого краеведческого музея и лаборатории Токоро, Токийского университета (Япония) были проведены полевые исследования с целью выяснения стратиграфии и хронологии древних культур северо-востока Нижнего Амура. Результаты были частью опубликованы в России [4] и в виде полного отчёта в Японии [1].

Стратиграфия штормового вала

Раскоп площадью 21 кв. м (6х3,5 м) был размещён на тыловой стороне штормового вала, ориентирован длинной стороной поперёк вала. В результате раскопок было выявлено не менее 15 погребённых дерново-почвенных слоёв толщиной от 3-4 до 18 см, разделённых гравийными прослойками (Рис. 2). Общая толщина вскрытых отложений — до 2,8 м. В основании разреза обнаружены слои хорошо сортированного, крупнозернистого песка светло-коричневого цвета (вероятно, донные или отложения древнего берегового пляжа), археологически стерильные. Выявленная культурная стратиграфия следующая.

Слои 1-2. Под слоем современного дёрна выявлена прослойка гравия, перекрывающая погребённый дерновый слой, на поверхности которого обнаружены археологические материалы т. наз. «этнографического» времени. Для слоя

характерны кости животных, служивших охотничьей добычей. Имеются изделия и их обломки из кости, бронзы, железа. Керамический материал представлен фрагментами китайской глазурованной посуды. Культурная принадлежность материалов неясна (возможно, ульчская).

Слои 3-4 содержали небольшое количество материала без определённой культурной идентификации.

Слой 5 — погребённый дерново-почвенный горизонт, на поверхности которого обнаружены фрагменты керамики и развалы сосудов большебухтинской культуры. Это остатки тонкостенных, круглодонных ёмкостей с выделенной, плавно профилированной горловиной, орнаментированных поясами «жемчужин», оттисков отступающей лопаточки, зубчатого штампа (Рис. 3: 1-9). Данная керамика имеет прямые аналогии в поселении Большая Бухта-1 на оз. Удыль [8].

Слои 6-9 — погребённые дерново-почвенные горизонты со следами локальных разрушений ямами и котлованами. Материалы слоёв характеризуются наличием каменных орудий, отщепов и сколов, а также керамики (во фрагментах и развалах ёмкостей). Керамика представляет комплексы, характерные для эпохи палеометалла северо-востока Нижнего Приамурья. Сосуды изготовлены из формовочной массы с использованием минералогенных армирующих примесей. Формы сосудов плоскодонные, однако донца узкие в сравнении с объёмными резервуарами сосудов. Сосуды имеют округлое тулово, выделенную горловину, расширенное устье. Присутствует ложнотекстильное покрытие внешней поверхности, вероятно, технического характера. Для орнаментации характерны наlepные рассеченные валики, пояса насечек, прочерченные широкополосные, линейные композиции с меандровыми вставками, выполненные орнаментиром с широким, плоским концом. Имеются меандровидные композиции в гребенчатой технике, в т.ч. с вертикальными элементами (Рис. 3: 10-19). Данная керамика имеет прямые аналогии в поселении Голый Мыс-5 (комплекс «В») на оз. Удыль. В более широком смысле она имеет гибридный характер, поскольку её

признаки имеют аналогии как в урильской культуре, так и в керамике поселения Сорголь [6].

Слои 10-12 — погребённые дерново-почвенные горизонты (поверхности обитания), на которых обнаружены остатки крупных наземных очагов, в т.ч. с берестяными прослойками в основании. Наиболее представительные находки связаны со слоем 12. Керамика его имеет признаки, характерные при использовании в качестве ошощителя толчёной раковины моллюска, возможно, вместе с биологическим телом: пластинчатые пустоты и включения, прослеженные на изломах и поверхности черепков. В коллекции имеются фрагменты верхних частей сосудов элементарного горшковидного контура, а также плоских донных частей. Орнамента представлена бордюрными композициями из криволинейных (петлевидных) узоров, выполненных оттисками скрученного шнура. Иногда орнамент отсутствует (Рис. 3: 20-27). Данная керамика является индикатором комплексов коппинского типа [10].

Слои 13-15 представляют период позднего неолита с керамикой малогаванского типа вознесенновской традиции [7].

Абсолютная хронология. При раскопках появились широкие возможности для применения радиоуглеродной методики датирования выявленных слоёв по образцам древесного угля из наземных очагов, кострищ и углистых прослоек. Всего было получено 14 дат (Приложение 1). В результате слои памятника были привязаны к шкале абсолютной хронологии. При калибровке дат были выяснены примерные календарные периоды, в рамках которых происходило освоение различных уровней обитания памятника.

Слой 14 датирован периодом 2134–1755 гг. до н.э. (более вероятно — 2063–1755 гг. до н.э.). Пачка слоёв 10-12 датирована в интервале 1739–25 гг. до н.э. (более вероятно — 1698–825 гг. до н.э.). Для слоя 6 получен результат в пределах 749–395 гг. до н.э. (более вероятно — 570–395 гг. до н.э.). По слою 3 получено 2 разных результата в общем интервале 1054–1635 гг. н.э. Слой 2 с наибольшей

вероятностью имеет интервал 1805–1930 гг. н.э., что соответствует «этнографичному» облику его материала.

Кроме того, имеется 6 дат, полученных по образцам пищевого нагара разнотипных сосудов (Приложение 2). В последние годы был выяснен тот факт, что датировки по нагару несколько древнее аналогичных результатов датирования древесного угля [Fischer, Hainemeier, 2003]. Однако такие даты отражают относительно-хронологическое положение различных типов керамики и с оговорками дают возможность судить о хронологии абсолютной. Поэтому банк таких дат, безусловно, необходимо пополнять, учитывая при этом, что используемые калибровочные программы для них бесполезны, ибо ощутимо удревняют возраст образца.

Наиболее ранней из этой небольшой серии является керамика коппинского типа, затем — урильского, после которой следует большебухтинская. Один сосуд имеет польцевские черты и является наиболее поздним. Эти данные вполне соответствуют стратиграфии памятника. Имеющаяся дата по нагару коппинской керамики 3690 ± 40 л.н. (IAAA-61422) хорошо согласуется с датой аналогичного сосуда из поселения Кольчём-3: 3637 ± 14 л.н. (NUTA2-7569,7570) [9]. То же относится к датам большебухтинской керамики (см. ниже по тексту). Таким образом, даты по нагару хорошо согласуются и при датировании однотипной керамики разных памятников.

Выводы о культурной хронологии II—I тыс. до н.э.

Можно заключить, что раскопки показали перспективность исследования штормовых валов оз. Удыль для изучения культурной хронологии. По-всей видимости, накопление их отложений было связано с ритмичными, кратковременными трансгрессиями озера. Трансгрессии фиксируются гравийными отложениями, характерными для зоны активной волноприбойной деятельности озера. В длительные периоды стабилизации уровня озера на поверхности валов формировались дерново-почвенные слои разной мощности. В данные периоды штормовые валы входили в периферийную (при-

брежную) зону хозяйственно-бытовой деятельности древнего населения озёрного побережья. Поселение Голый Мыс-1 является «классическим» среди поселений озера, где в отложениях штормовых валов представлена стратиграфия и относительная хронология древних культур от финала неолита до этнографической современности.

1. Наиболее ранние материалы памятника представляют малогаванский этап позднего неолита Нижнего Приамурья. Малогаванский культурный тип рассматривается в рамках вознесенской традиции, его материалы выявлены во многих памятниках, в т.ч. Кольчём-3, Сучу, Малая Гавань и др. [7]. Дата слоя 14 укладывается в рамки данного этапа, который по серии калиброванных радиоуглеродных дат из различных памятников определяется в примерных пределах XXII—XVII вв. до н.э.

2. Следующий этап связан с финалом неолита — переходом к палеометаллу. Данный период на северо-востоке Нижнего Приамурья представлен коппинской культурой керамики с петлевидной шнуровой орнаментикой (Рис. 3: 20-27), выявленной в памятниках Кольчём-3, Малая Гавань, Коппи-3 и др. [10; 7, с. 139-141]. Серия дат по образцам из слоёв 10-12 поселения Голый Мыс-1 позволяет достаточно уверенно рассмотреть её в пределах XVII—IX вв. до н.э.

3. Раннюю пору палеометалла можно характеризовать как урило-соргольский этап. Признаки керамики данного периода, выявленной в памятниках удильской группы, позволяют предполагать взаимодействие на северо-востоке Нижнего Приамурья двух культур: урильской и соргольской (Рис. 3: 10-19). Ранее это было выяснено на материалах поселения Голый Мыс-5 (комплекс «В») [6]. В поселении Голый Мыс-1 это прослежено по материалам слоёв 6-9, которые формировались в пределах VIII—V вв. до н.э. По всей видимости, данный процесс проходил с преобладанием урильского влияния, и комплексы урильского типа (в нижеамурском северо-восточном их варианте) продолжали существовать до рубежа эр и, возможно, позднее.

4. Следующий этап связан с освоением берегов нижеамурских крупных озёр (в т.ч. оз. Удыль) носителями большебухтинской культуры круглодонной керамики с «жемчужной» орнаментикой (Рис. 3: 1-9), исследования которой на оз. Удыль начались с 1991 г. [5]. Дата слоя 6 ограничивает нижний предел для данного этапа примерно V в. до н.э. Кроме того, мы располагаем серией дат по пищевому нагару для керамики разных типов.

Соотношение дат, полученных по нагару на керамике, и дат по древесному углю позволяет предполагать, что для данного периода первые удревнены в среднем на 200 лет. Полученная дата по нагару большебухтинской керамики Голлого Мыса-1— 2500±30 л.н. (IAAA-61418) — должна быть (условно, конечно) лет на 200-300 моложе, если бы в качестве образца для датирования был древесный уголь из того же комплекса. Приведённой выше дате соответствуют 2 даты по нагару сосудов памятника Большая Бухта-1: 2469±21 л. н. (NUTA 2-7568); 2517±14 л. н. (NUTA 2-7563,7567) [9]. Поэтому можно достаточно уверенно предполагать, что процесс формирования культурного слоя 5 с большебухтинской керамикой проходил в пределах V—III вв. до н.э. или даже несколько позднее.

Большебухтинские комплексы, вероятнее всего, представляют культуру мигрантов в Нижнем Приамурье. Другая часть её ареала и вероятная территория формирования данной культуры находятся на Сахалине [8, с. 44-45]. Впрочем, не исключено, что в них входили устьевая зона Амура, прибрежные районы Татарского пролива и/или Тугуро-Чумиканское Приохотье. Сопоставление всех имеющихся данных позволяет предполагать, что большебухтинская культура существовала в пределах второй половины I тыс. до н.э. При этом она со всей вероятностью не имела сплошного нижеамурского ареала, её носители занимали «озёрные» эколого-хозяйственные ниши на общем урило-соргольском или урило-польцевском палеоэтнокультурном фоне территории.

С того же периода или позднее — примерно с рубежа эр, — начинается

влияние польцевской культуры на комплексы северо-востока Нижнего Приамурья. К сожалению, данный эпизод этнокультурной истории остаётся практически неизученным.

Таким образом, исследования памятника Голый Мыс-1 позволили установить хронологию серии культурных комплексов II–I тыс. до н.э., распространённых в Нижнем Приамурье (Рис. 4).

Авторы благодарят к.г.-м.н. Л.А. Орлову, М. Сакамото, К. Накамуру, Х. Ода,

К. Хондзо, И. Усуки, Т. Кумаки за радиоуглеродное датирование поселений Голый Мыс-1, Большая Бухта-1 и др. памятников Нижнего Приамурья; Я.В. Кузьмина за полезные консультации и дискуссии по теме работы.

Исследование поддержано грантами РГНФ (проект №07-01-88-109 а/Т) и РФФИ (проект №06-06-80258а).

Список использованных источников

1. Исследование древних культур позднего неолита-палеометалла в Нижнем Приамурье : отчёт об археологических раскопках многослойного памятника Голый Мыс-1 / под ред. М. Фукуды, И. Я. Шевкомуда. – Токоро (Япония) : Исслед. лаб. Токоро Токийс. ун-та, 2005. – 114 с. – (рус., яп. яз.).
2. Махинов, А. Н. Современный аллювиально-аккумулятивный морфолитогенез в бассейне Нижнего Амура : автореф. дис. ... д-ра. геогр. наук / А. Н. Махинов. – М. : МГУ, 1996. – 46 с.
3. Микишин, Ю. А. Геоморфология берегов озёр Нижнего Приамурья // Палеогеографический анализ и стратиграфия антропогена Дальнего Востока. – Владивосток, 1983. – С. 69-83.
4. Предварительные результаты исследований многослойного поселения Голый Мыс-1 (Нижний Амур) / И. Я. Шевкомуд [и др.] // Четвёртые Гродековские чтения / под ред. Н. И. Дубининой ; Хабар. краев. краевед. музей им. Н. И. Гродекова. – Хабаровск, 2004. – Ч. 2. – С. 213-220.
5. Шевкомуд, И. Я. Новые памятники железного века на Нижнем Амуре // Вторая конференция молодых историков. – Владивосток, 1992. – С. 48-50.
6. Шевкомуд, И. Я. Палеометалл северо-востока Нижнего Приамурья (поселение Голый Мыс-5) // Амуро-Охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья / под ред. В. А. Дерюгина ; Хабар. краевед. музей. – Хабаровск, 2003. – Вып. 1. – С. 7-36. : ил. с. 23-36.
7. Шевкомуд, И. Я. Поздний неолит Нижнего Амура / И. Я. Шевкомуд. – Владивосток : ДВО РАН, 2004. – 156 с. : ил.
8. Шевкомуд, И. Я. Поселение Большая Бухта-1 и некоторые проблемы культур Нижнего Амура и Сахалина // Записки Гродековского музея / Хабар. краевед. музей. – Хабаровск, 2002. – Вып. 3 : Археология и этнография. – С. 37-52 : ил. с. 49-52.
9. Амуру-гава карююки-но исеки кара шуцудо сита доки-но С14 нендя сокитеи – Болишая Буфта 1, Колчом 3, Старая Какорма исеки шутодо-но доки-ни цуите-носокитеи кекка (Радиоуглеродное датирование фрагментов керамики из археологических памятников Большая Бухта-1, Кольчём-3 и Старая Какорма, локализованных в низовьях Амура) / Х. Ода, К. Хондзо., И. Я. Шевкомуд, И. Усуки, Т. Кумаки, М. Фукуда // Реконструкция культуры первобытного древнего населения прибрежной зоны Татарского пролива и её влияния на культуру населения Японского архипелага : отчёт о раскопках поселения Аэропорт-1 у г. Николаевска-на Амуре (Нижнее Приамурье) и другие археологические исследования / под ред. Х. Сато, И. Усуки ; Токио дайгаку Токоро дзиссу шисецу кенкю хоукоку даи-2-шу (Исслед. лаб. Токоро Токийс. ун-та). – Токоро (Япония). – 2005. – Рр. 151-158 (Яп. яз.).
10. Shevkomud, I.Ya. Potteries with circular code-impression patterns// Preliminary Reports on «Research project of the culture exchange of the North». – Sapporo : The Historical Museum of Hokkaido (Japan), 1998. – Рр. 101-108. (Jap.)

Иллюстрации

Рис. 1. Карта юга Дальнего Востока России с обозначением памятников, упомянутых в тексте: 1 – группа памятников оз. Удиль (Большая Бухта-1, Голый Мыс-1, 5; Кольчём-3), 2 – Сорголь; 3 – Сучу; 4 – Малая Гавань; 5 – Коппи-3.

Рис. 2. Стратиграфия памятника Голый Мыс-1 (продольный разрез по верхней части штормового вала).

Рис. 3. Таблица разновременной керамики памятника Голый Мыс-1: 1-9 – большебухтинского типа (слой 5); 10-19 – соргольского и урильского облика (слои 6-9); 20-27 – коппинского типа (слои 10-12).

Рис. 4. Хронология культурных типов и комплексов северо-востока Нижнего Приамурья во II – I тыс. до н.э. по материалам памятника Голый Мыс-1.

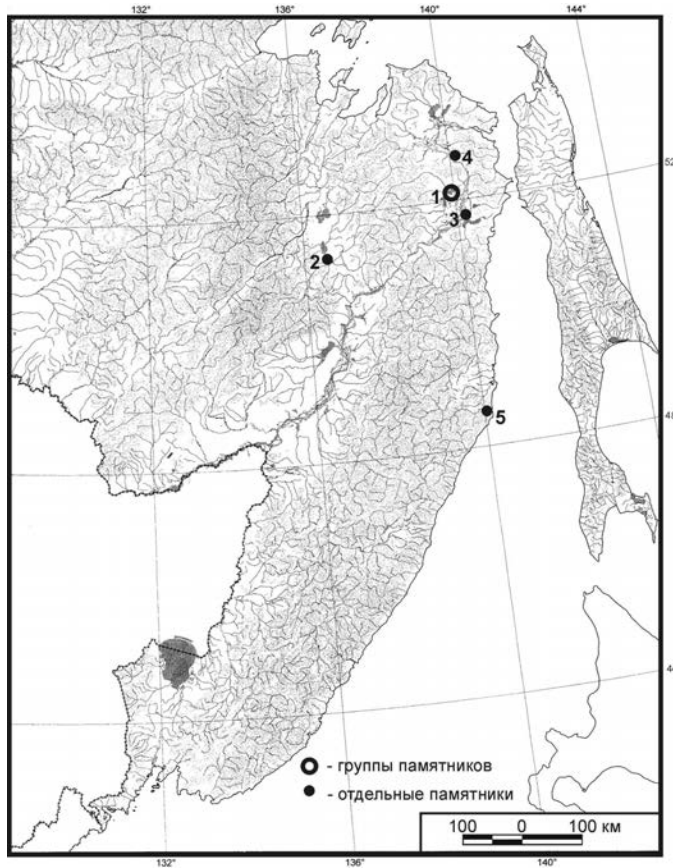

Рис. 1

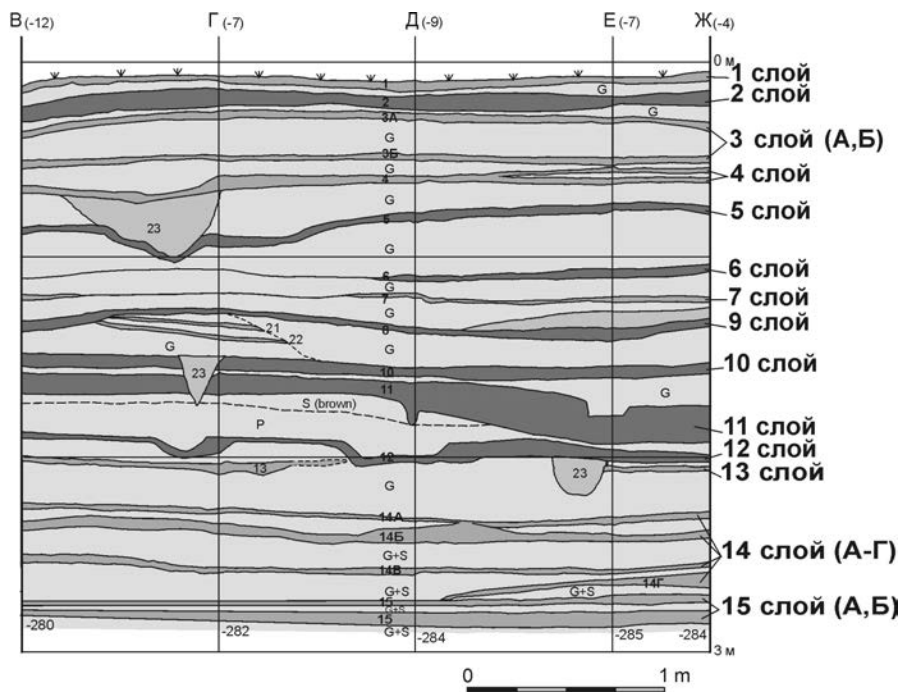

Рис. 2

Некоторые условные обозначения
 S - прослойки коричневого песка со слоистой текстурой;
 G - прослойки гравия серо-коричневого цвета со слоистой текстурой;
 G+S - прослойки гравия с коричневым песком;
 P - прослойка мелкой гальки со слоистой текстурой;
 23 - гравий с текстурными нарушениями, перемешанный (в ямах);

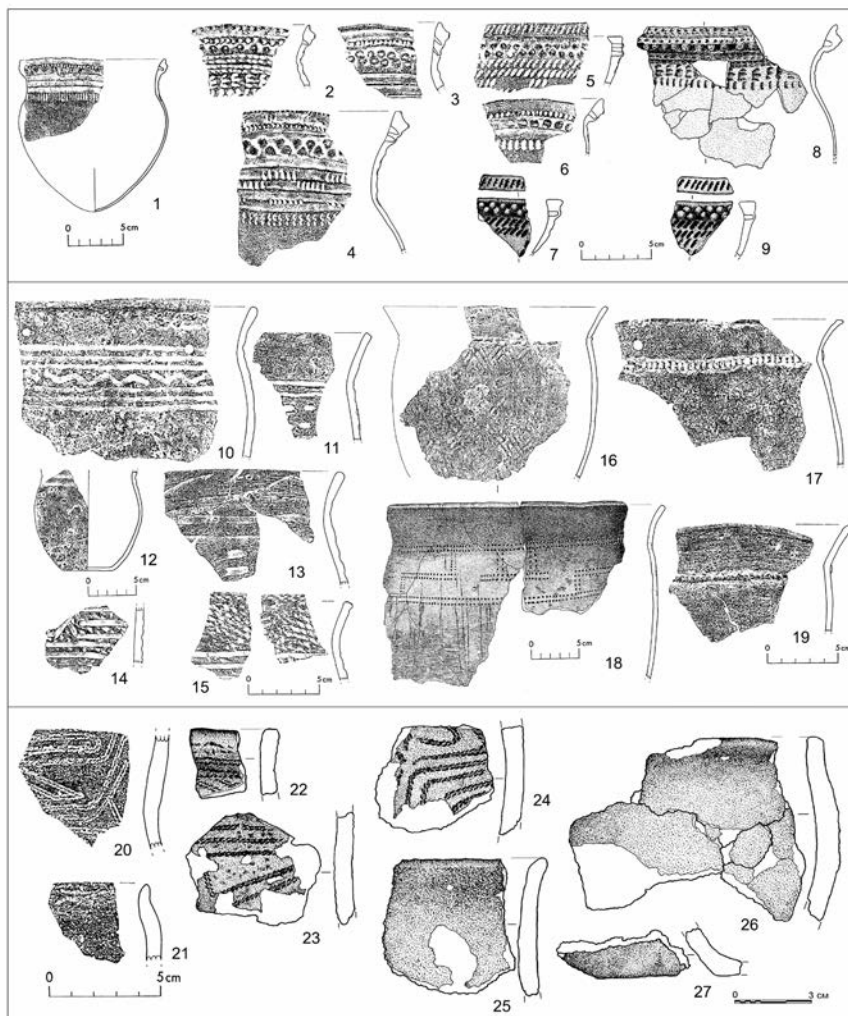

Рис. 3

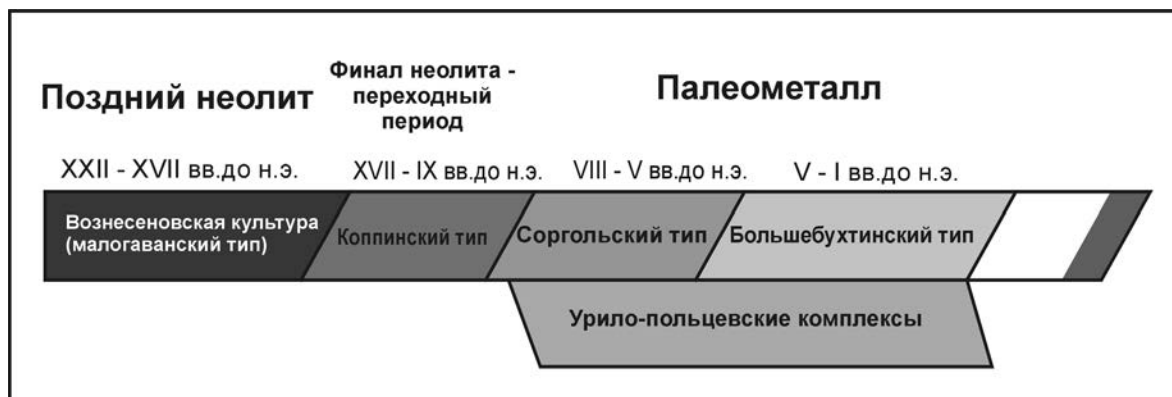

Рис. 4

Приложение 2

Голый Мыс-1. Таблица радиоуглеродных дат

1	2	3	4	5	6	7
Слой, квадрат, глубина от условного нуля	Объект	Материал	Культура, тип керамики или комплекс	Индекс и номер даты	Дата 14С (лет назад)	Календарные даты: до н.э. (BC) и н.э. (AD). (+/- 2 сигмы)

ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ

Слой 14, Е-7, 248 см	Очажная линза №9	Древесный уголь	Малогованский тип	СОАН-5474	3590±65	[2134 BC:2078 BC] 0,089593; [2063 BC:1755 BC] 0,910407
----------------------	------------------	-----------------	-------------------	-----------	---------	---

ФИНАЛ НЕОЛИТА - ПЕРЕХОД К ПАЛЕОМЕТАЛЛУ

Слой 12, Г-5, 188 см	Очажная линза №8	Древесный уголь	Коппинская культура	СОАН-5473	3315±55	[1739 BC:1705 BC] 0,050233; [1698 BC:1492 BC] 0,931484; [1477 BC:1460 BC] 0,018284
Слой 12, Г-5, 188 см	Очажная линза №8	Обугленная береста	Коппинская культура	IAAA-61413	3290±40	[1681 BC:1493 BC] 0,985965; [1473 BC:1463 BC] 0,014035
Слой 12, Г-7, 186-195см	Очажная линза №6	Древесный уголь	Коппинская культура	СОАН-5472	3290±45	[1685 BC:1491 BC] 0,962884; [1479 BC:1457 BC] 0,037116
Слой 12, Г-7, 186-195см	Очажная линза №6	Древесный уголь	Коппинская культура	IAAA-61412	3150±40	[1505 BC:1370 BC] 0,92991; [1349 BC:1316 BC] 0,07009
Слой 11, Е-7, 170 см	Очажная линза №5	Древесный уголь	Коппинская культура	IAAA-61411	3150±40	[1505 BC:1370 BC] 0,92991; [1349 BC:1316 BC] 0,07009
Слой 10, Ж-8, 158 см	Углистая прослойка	Древесный уголь	Коппинская культура	СОАН-5470	2905±35	[1256 BC:1235 BC] 0,026699; [1215 BC:998 BC] 0,973301
Слой 10, Ж-8, 158 см	Углистая прослойка	Древесный уголь	Коппинская культура	IAAA-61415	2760±40	[1002 BC:825 BC] 1,
Слой 10, Г-7, 159 см	Очажная линза №3	Древесный уголь	Коппинская культура	СОАН-5471	2890±40	[1251 BC:1242 BC] 0,009046; [1212 BC:972 BC] 0,962095; [958 BC:937 BC] 0,028859
Слой 10, Г-7, 159 см	Очажная линза №3	Древесный уголь	Коппинская культура	IAAA-61416	2790±40	[1039 BC:1033 BC] 0,009189; [1029 BC:835 BC] 0,990811

1	2	3	4	5	6	7
Слой, квадрат, глубина от условного нуля	Объект	Материал	Культура, тип керамики или комплекс	Индекс и номер даты	Дата 14С (лет назад)	Календарные даты: до н.э. (BC) и н.э. (AD). (+/- 2 сигмы)

ПАЛЕОМЕТАЛЛ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, "ПАЛЕОЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ" ПЕРИОД

Гравий выше слоя 6, Г-7, 85-90 см	Остатки обугленной древесины в гравии	Древесный уголь	Урило-соргольский комплекс	СОАН-5469	2405±40	[749 BC:687 BC] 0,151303; [666 BC:642 BC] 0,042438; [592 BC:576 BC] 0,015303; [570 BC:395 BC] 0,790955
Слой 3, Г-8, 34 см	Очажная линза №1	Древесный уголь	К-ра неизвестна	СОАН-5468	815±45	[1054 AD:1078 AD] 0,031826; [1153 AD:1280 AD] 0,968174
Слой 3, Г-8, 34 см	Очажная линза №1	Древесный уголь	К-ра неизвестна	IAAA-61414	350±30	[1458 AD:1531 AD] 0,43249; [1537 AD:1635 AD] 0,56751
слой 2, Г-7, 19 см	Древняя пов-ть обитания	Кость животного	Ульчская культура (?)	PLD-3825	95±30	[1683 AD:1735 AD] 0,278443; [1805 AD:1930 AD] 0,709196;

Примечания:

1) В графе 7 показаны временные интервалы [в квадратных скобках] и степень вероятности попадания даты в данный интервал – за скобками.

2) Для калибровки использована программа Calib Rev 5.0.1 (INTCAL 04).

Приложение 2

Голый Мыс-1. Радиоуглеродные даты по пищевому нагару на сосудах

1	2	3	4
Положение и характеристика образца	Тип керамики	Индекс и номер даты	Дата 14С (лет назад)
Слой 8, венчик сосуда с шнуровым орнаментом №45 (№197), 2003 г.	Коппинский	IAAA-61422	3690±40
Слой 7, венчик сосуда с ложнотекстильными оттисками №14 (№130), 2003 г.	Урильский	IAAA-61417	2970±40
Слой 9, развал сосуда №2 с наlepным рассеченным валиком на горловине (№322), 2003 г.	Урильский	IAAA-61421	2790±40
Венчик сосуда, с насечками на кромке и рядами наклонных насечек на тулове №162, 1999 г.	Урильский	IAAA-61420	2840±40
Венчик сосуда №723, 1999 г.	Больше- бухтинский	IAAA-61418	2500±30
Венчик сосуда с «воротничком», прочерченными каннелюрами, наlepным рассеченным валиком на горловине №388, 1999 г.	Урило- польцевский	IAAA-61419	2470±30

Примечания.

1) Материалом для датирования послужил пищевой нагар с внутренней стороны венчиков сосудов

Shewkomud Igor' Ya.*, Fukuda Masahiro**

*Khabarovsk Museum of Regional Study,

**Tokoro Research Laboratory of University of Tokyo (Tokoro, Japan)

The Stratigraphy and Chronology of the Cultures II – I mil. BC in Northeast of Lower Amur River Basin (on Materials of Goly Mys-1 site).

This report concerns to the cultural chronology of the final Neolithic – Palaeometal (II – I mil. BC) of Lower Amur region. This problem was investigated insufficiently earlier. The new data were received after the series of excavation the new archaeological sites on Udyl' Lake (Lower Amur River Basin). The settlement Goly Mys-1 is most important. 15 layers dated by the radiocarbon method there were investigated.

After researches of this settlement cultural chronology II – I mil. BC is following.

The earliest stage – complexes of Malaya Gavan' type (final Neolithic) dated within XXII – XVII centuries BC. They are connected to layers 13-15 of Goly Mys-1 site.

The complex of Kopyy culture of the transitive period from Neolithic to Palaeometal is investigated in layers 10-12 and dated in limits XVII-IX centuries BC.

The early stage of Palaeometal is submitted by complexes Uril and Sorgol' cultures in layers 6-9, dated within VIII-V centuries BC. The attributes of assimilation of these cultures in northeast of Lower Amur Region are investigated.

The layer 5 is connected to the Bol'shaya Bukhta culture marked by round-bottomed ceramics ornamented with so called «pearls» and dated basically second part of I mil. BC. This culture is connected to the complexes of Sakhalin, and in Lower Amur Basin developed simultaneously with late Uril complexes.

Скорин Сергей Нестерович,
первый заместитель министра
культуры Хабаровского края,
доктор культурологии,
кандидат исторических наук

Краткий мифологический словарь. Нанайцы*

Настоящая работа — первый опыт составления мифологического словаря одного из коренных малочисленных народов Приамурья — нанайцев. В нем на основе анализа известного автору этнографического материала реконструируются мифологические образы и ритуальные символы традиционной нанайской культуры. Словарь предназначен широкому кругу читателей — всем, кто интересуется историей и культурой аборигенных этносов Нижнего Амура.

Нанайцы (устаревшее название — гольды) — самоназвание коренного этноса тунгусо-маньчжурской языковой группы. Эндоним «нани» в переводе означает «люди (сей) земли», а «най» восходит к понятию «человек». В настоящее время численность нанайцев составляет более десяти тысяч человек. Нанайцы живут в основном в Хабаровском и частично в Приморском краях, около двух тысяч нанайцев — хэчжэ населяют в Китае территорию между рек Усури и Сунгари.

Научное исследование мифологии, религиозных воззрений, обрядовой практики нанайцев началось в середине XIX века. Сведения об их истории и культуре содержатся в трудах Е.А. Гаер, П.Я. Гонтмахера, Н.Б. Киле, И.И. Козьминского, И.А. Лопатина, Ю.А. Сема, А.В. Смоляк, П.П. Шимкевича, Л.И. Шренка, Л.Я. Штернберга и других отечественных ученых.

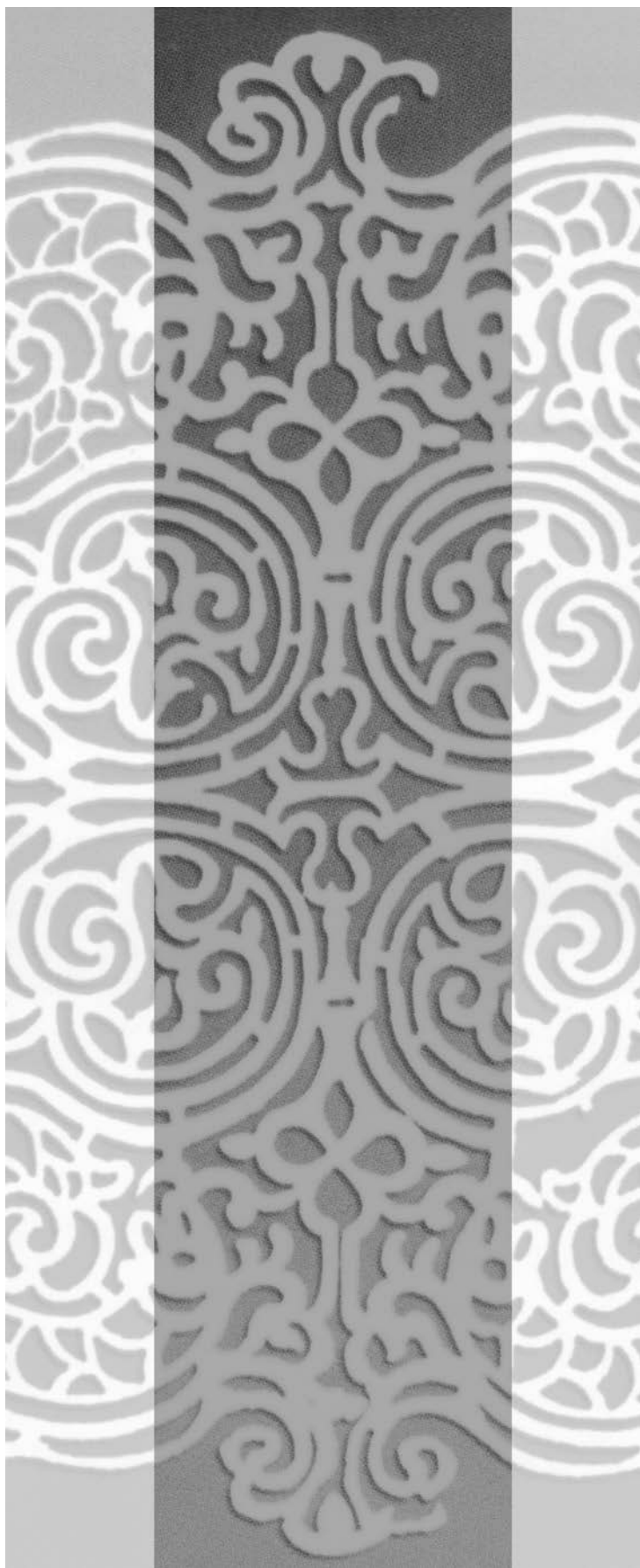
В этногенезе нанайцев участвовали потомки древнего амурского населения и различные тунгусоязычные элементы. Традиционно они жили родовыми общинами. Основные формы хозяйствования — рыболовство, охота и собирательство. Каждому роду принадлежало промысловое угодье. Рыбу ловили неводом, сетями, били острогой и пр. Пушнину обменивали на ткани, металлические изделия, муку, крупу и другие продукты, предметы быта и охоты. Летом передвигались на лодках: дощатых, долбленых, берестяных, зимой — на лыжах, подклеенных мехом, и нартах. Было развито кузнечное ремесло.

Жили родовыми селениями в больших бревенчатых домах с двускатной крышей и отапливаемыми нарами, позже — в рубленых домах. На промыслах сооружали легкие шалаши различных форм. Одежду и обувь изготавливали из рыбьих кож, шкур таежных животных или собак.

Родовая община носила патриархальный характер: в роду главенствовали старейшины, а в семье — мужчины. Основа их мировоззрения — мифология и шаманизм. Нанайская культура имела обрядовый характер.

С середины XIX в. — начала освоения Дальнего Востока русскими, украинскими и белорусскими переселенцами в жизнь нанайцев проникают элементы иноэтнической культуры. В дореволюционное время активно среди аборигенов работали православные миссионеры. Однако нанайцы так и не были обращены в христианскую православную веру.

После установления в 1920-х годах на Дальнем Востоке советской власти начался процесс советизации нанайцев и кооперирования их хозяйственной деятельности. Они переселялись в общие поселки русского типа. Для детей открывались специальные школы-интернаты, в которых преподавание велось на русском языке. Проводилась репрессивная

политика по отношению к шаманам, за-
прещалась ритуальная деятельность,
связанная с культом воды, земли, мед-
ведя, тигра, унифицировалась форма
захоронения и т.д.

Таким образом, в XX веке в резуль-
тате проведенных социально-экономи-
ческих реформ в этническом сознании
и культуре нанайцев произошли существен-
ные изменения, связанные со сменой
цивилизационных парадигм — от патри-
архально-родового к новой современ-
ной культурной модели поликультурного
общества. За этот период существенно
меняется структура общественного и ин-
дивидуального сознания — от всепогло-
щающего господства в родоплеменном
аборигенном обществе мифологичес-
кого и раннерелигиозного мышления к
новообразованию, где наряду с архаи-
ческими формами появились научно-ло-
гические, идеологические, художествен-
но-эстетические и прочие современные
структурные элементы. Основой возрож-
дения национальной культуры нанайцев
могут стать образованные в советское
время новые этнопрезентативные фор-
мы: современная обрядность, особенно
в ее семейно-бытовой разновидности, и
художественная культура, представлен-
ная как самодеятельным, так и профес-
сиональным творчеством.

- А -

Агди Эдени — дух-хозяин грома и
молнии, одно из этновариантных вопло-
щений небесного огня, природной сти-
хии, ставшей мифопоэтическим симво-
лом. В старину А.Э. мог восприниматься
как важное средство небесного боя —
вселенского сражения сил добра и зла
[8, с. 62, 63].

Агди гирмэни — молния. Столкнове-
ние белых с черными облаками (тучами)
тэвэксэ (см. Тэвэксэ) сопровождалось
громом и молнией. Олицетворяла в ми-

фах и фольклорных произведениях все-
ленский небесный бой за правое дело
[2, с. 62, 63]. Чтобы уберечь стойбище
от молниеносной кары злых сил, муж-
чины собирали свои остроги и втыкали
их острием в землю. По народным пове-
рьям, собаки, особенно черной масти с
белыми надбровьями, способны видеть
черта — амбана (см. Амба, Амбан) и
лаем, рыканьем в грозу и в ночное время
отгонять их от жилища людей [8, с. 134].

Амба, амбан — злые духи. Как и
черти — бусиэку (см. Бусиэ, бусиэку),
они являлись низшими в «табели о ран-
гах» духами и самыми ближайшими по
месту обитания к человеку. А. невиди-
мы, но могут принимать облик животных,
предметов или менять его в зависимости
от обстоятельств. Они обитают в самых
различных местах: в тайге, по берегам
рек, в горах, в заброшенных жилищах и
посёлках. А. мешают людям на промыс-
ле, нападают на одиноких путников и
убивают их, приносят всякие несчастья:
вселяясь в людей, А. вызывают болезни
и смерть [15, с. 36].

Аодян, аодяка — ёрш, природная
колючесть которого воспринималась как
важное охранительное средство от злых
духов. В качестве оберега высушенного
А. вешали у входа в жилище, на люльке
младенца, полагая, что тем самым демо-
нические существа убоятся укола ерша
и не проникнут в оберегаемый объект [8,
с. 212].

В мифах и фольклорных произве-
дениях нанайцев А. предстает в образе
золотого ерша, своеобразного варианта
известной в русском фольклоре золотой
рыбки. По одной из версии в золотого
ёршика превращает девушку Пудин (см.
Пудин, Фудин) сам владыка подводно-
го мира Муэ Эндурни (см. Муэ Эндурни,
Муэ эдени, Мукэ Эдени, Тэму). Ей было
велено отправиться к устью Амура и пой-
маться на крючок своему жениху. Ослу-
шалась она и дала себя поймать друго-

му юноше, красивому, нарядному, как радуга. Но тем самым угодила в дом к злым духам. Женщина-скелет, мать жениха, хотела из неё талу приготовить. Но на помощь опять пришел Муэ Эндурни в образе горбатых старика и старухи. Они указали дорогу для побега. После вселенской небесной битвы (см. Тэвэксэ) взял её в жены тот самый Мэргэн (см. Мэргэн) в заплатанной неприглядной одежде, но Муэ Эндурни ей предназначенный в мужья [8, с. 60–64].

В другой сказке А. выступает в роли оберега-талисмана. Подаренный Мэргэну Пудин, он помогает ему достичь цели и победить в смертельной схватке с демоническим существом Мариа-мама (см. Мариа-мама). Благодаря ему чудесным образом возник мост через непреодолимое огромное озеро, и он смог продолжить свой поединок с чудовищем [8, с. 59].

Ари-амбан — таёжный зловредный дух. Сохранились берестяные изображения этого духа, применявшиеся в качестве талисмана. На них обычно изображалось человекоподобное существо: навывкат глаза, ветром всключенные дыбом волосы, огромный орущий в поллица рот.

А.-а. вредил охотнику тем, что он быстро бегал по тайге, при этом так громко орал, что своим криком отпугивал всех зверей. Предполагалось, что кричит он прежде всего с голоду. И для того, чтобы он замолчал, охотник привязывал к поясу берестяной оберег с «портретом» А.-а., брал его с собой в тайгу и по дороге оказывал ему почтение — постоянно «кормил» его [8, с. 137].

Аткан мама, Атакаян мама, Аткаян — паук. В мифах и сказках достаточно широко распространён образ паука как зловредного существа. По одной из фольклорной версии, А.м.-людоед предстает на охоте как незнакомый старый человек, который в полночь появляется

около охотничьего балагана и набрасывает на него свою смертоносную сеть. Потом он нападает на спутанную жертву, кусает, выпивает у неё кровь и поедает её. Эту сеть невозможно разрубить ни топором, ни мечом, никакими другими острыми предметами. Только огонь уничтожает такую сеть. Видимо, в связи с этой мифозэпической историей у охотников существовало табу на рассказывание во время охоты в тайге незнакомцам о своих успехах: где чего убил [8, с. 51, 52].

Ахтанка — имя одного из нанайских родов, ведущих своё происхождение от тигра-тотема. Известный тотемический миф повествует о сожительстве одной из Пудин (см. Пудин, Фудин) — прародительницы с мифическим тигром. Согласно ему, в мифологические времена жили брат и сестра. Однажды к девушке Пудин пришел раненый тигр. Сестра вытащила из его лапы большую занозу. И с тех пор тигр стал постоянным гостем жилища. В один из дней ушла Пудин с ним в его логово, которое представляло собой каменный дом, подобный человеческому, имеющему окно, дверь, печь. Брат долго искал свою сестру, и только увидев вещий сон, понял как найти её. Войдя в дом тигра, он увидел сестру в облике тигрицы и двух младенцев — мальчика и девочку. Пудин-тигрица попросила брата забрать своих племянников. Сел он с детьми в лодку и поехал вниз по течению реки. Остановился он в некоем месте Ахтар. Там брат разбил жилище и

стал растить малышей. От этих детей и пошел тигриный род А. [8, с. 7].

Именно представительницы этого рода обладали способностью к оборотничеству и общению с тиграми-оборотнями, вступали в брачные отношения с ними [8, с. 8].

– Б –

Биа — Луна — живое мифическое существо. В одной из сказок Д. Удинкан, записанной А.Я. Чадаевой, сохранился фрагмент лунарного мифа. Сиротку — ангадякан обижают мачеха и её безобразная, ленивая и сварливая дочь. В морозную ночь они отправляют без всякой нужды её за водой к проруби. Прорубь льдом затянуло. Не может сиротка воды достать. Плачет. Взглянула на небо. А там круглая Б. ярко светит. Взмолилась девочка, трижды попросила Б. взять её к себе. Сжалилась Луна и, спустившись к ней, унесла её с собой. Теперь в полнолуние лучше всего можно заметить на Б. стоящую девочку-сиротку с ведром и козырьком [8, с. 34, 35].

Боа — небо, верхний мифомир, по религиозным представлениям нанайцев, похоже на землю (по-нанайски — на), но имеющее свои особенности. Во-первых, оно было многоэтажно. По некоторым сведениям, полученным от верховых нанайских шаманов, небо насчитывало девять сфер [24 с. 11–33]. Первая, ближайшая к земле сфера неба называлась «Хуту». Она ассоциировалась с созвездием Хунун хосикта (Девяти звезд). Владыкой её являлось некое божество по имени Хуту Эндурни. Оно жило на вершине горы в своем небесном городе. Вторая сфера именовалась по одноимённому созвездию Ёрха или Ёнга хосикта. Хозяином этой сферы являлся Ёрха Эндурни. Образ жизни её обитателей был такой же, что и на предыдущей небесной земле. Считалось, что к хозяевам этих

небес следует обращаться за помощью в случае различных «незначительных» заболеваний. И они, как правило, помогали, и люди выздоравливали.

Третья небесная земля, олицетворявшаяся созвездием Саньси хосикта (Три звезды), была местом жительства божества Саньси Эндурни. Как и на земле, там жили люди, имелись сопки, тайга, реки и т.п. Рассказывали, что на четвертом небе — Арингорго, или Аринтари боачи — росло девять необыкновенных деревьев, напоминающий тальник. У корней данных деревьев обитали алха нэктэ — небесные духи в виде пестрых кабанов, у ветвей — гурмэн токса — некие мифические зайцы, увешанные колокольчиками. Этих духов ещё называли арингорго или аринтари — духами-хозяевами четвёртой небесной сферы. Отметим, что к ним всегда обращались по ночам люди старшего возраста с молитвой о здоровье тяжелобольных, приносились жертвоприношения в течение трёх дней, иногда из-за различных обстоятельств лечения больного и больше этого срока.

Некоторые утверждали, что подобное дерево «потохо мо» (см. Потохо мо) растёт и на земле. Считалось, что только из него можно сделать фигурку главного шаманского духа-помощника — аями. Интересно, что сам шаман (см. Саман, гээн) в тайгу не ходил, но точно объяснял близким, как отыскать это чудодейственное дерево. Примечательным обстоятельством обращения с молитвами к небесным божествам являлось то, что нанайцы полагали, что просьбы простых людей могли быть услышаны лишь на четырёх небесных сферах, а для того, чтобы их услышали на остальных небесах, необходимо прибегать к помощи шаманов — этих неутомимых странников по сакральным мирам. Во время исполнения ежегодного обряда моления небу о благополучии, здоровье и счастье, успешном водном и таёжном промыслах

было принято обращаться к верховным небесным божествам, при этом некоторые верховые нанайцы перечисляли всех хозяев небесных сфер.

Божеством пятой небесной сферы (Лаои боани) являлся Лаои (Лаоя), о котором говорили, что он подобно писателю всё писал, видно, расходы записывал. Шестое небо именовалось Хуюн Мудур — местообитание девяти драконов. По всей видимости, один из них — Хуюн Мудур Эндурни и был среди них главным божеством. Некоторые из нанайских шаманов полагали, что их только называли драконами, а на самом деле это были человекоподобные существа.

Седьмая (Лунгиэ) и восьмая (Нянгня) сферы признавались женскими. Считалось, что там среди духов-небожителей главенствовали женские божества: в седьмой — Лунгиэ Эндурни, воспитывающая 50 детей, а в восьмой — более могущественная госпожа — Нянгня Эндурни. В её владениях было более тридцати городов, она родила и вырастила сто детей. Этим божествам молились женщины, желающие иметь детей, роженицы-матери, а также шаманы, помогавшие бездетным женщинам и роженицам.

Верхняя, девятая сфера называлась по имени созвездия Хойхол Хосикта. Иногда верховное божество звали Хосиа Эндурни. Правда, нанайцы, молившиеся самостоятельно, без шаманов, обращались к верховному божеству по имени Боа Эндурни («Бог неба»), Боа Ама («Небо-отец») или Акпан Ама («Старший отец») (см. Боа Эндурни, Боа Ама, Акпан Ама). В их воображении все эти божества представлялись в человеческом облике. Отличительной особенностью верховного божества нанайцев являлось то, что ему подчинялись не только небожители его сферы, но и могущественные хозяйка и обитатели всех остальных. Считалось также, что он был главой тридцати трёх Эндур.

Как утверждает известная исследовательница коренных народов Амура и Сахалина А.В. Смоляк, «понятия об Эндур — главном небесном боге (или локальных Эндур, связанных с водой, тайгой) больше распространены среди верховой группы нанайцев». По её словам, ещё недавно эти представления в основном были характерны для шаманов, а простые люди верили в духов-хозяев (Эден). Поэтому А.В. Смоляк полагает, что низовые нанайцы восприняли культ Эндур от верховых, где, по её мнению, шаманизм был более развит. Считается, что исконными местными небесными божествами были Сангиа Мапа (отец) и Сангиа Энин (мать) [24, с. 17].

Сведения о данных божествах весьма противоречивы и отрывочны. Большинство знатоков нанайской культуры с низовья Амура говорили о том, что Сангиа Мапа очень далёк от небесных божеств, даже некоторые из них утверждали, что он вовсе не Эндур, так как из другого «ведомства», другие — он просто хозяин тайги. Обликом это божество похоже на человека. По разным версиям, живёт он то на высокой горе, а то и на небесах. Главное его предназначение — передавать людям сунгкэ — души пушных зверей. Именно он, объединяясь с божеством огня — Подя (см. Подя, Подяла-хани, Тава Эндурни), давал охотнику соболя, лисицу и других животных. Примечательно, что в некоторых родах верховых нанайцев Сангиа Мапа чтити как подателя богатого улова на рыбалке.

Анимистические представления гольдов распространялись и на космические явления. Солнце (сиун), луна (бия) и звёзды (хосикта, хосакта) — обожествлялись ими. У нанайцев существовали представления о том, что жизнь и здоровье человека зависели от благорасположения звёзд и планет на небосводе. Главной считалась Хойхол хосикта — де-

вмая небесная звезда. К ней обращались в то время, когда она стояла на западе у самого горизонта, где к нему примыкает Млечный путь — Уден соксинасихани. По сведениям А.В. Смоляк, к этой звезде обращались с просьбой даже в тех случаях, когда желали отомстить своему кровному врагу-обидчику. Сохранились сведения, что по созвездию Наи хосиктани стремились предугадать судьбу тяжелобольного: если оно «пряталось» и его не могли отыскать на небе, то больной должен был умереть, если же находили на месте — то обязательно поправиться. Низовые нанайцы особенно почитали Тигровую звезду — Туде. Ей молился охотник, раненный зверем. Примечательно, что верховые нанайцы считали эту звезду покровительницей тигров, так как «раненый тигр», по их словам, обращался за помощью именно к ней.

Небесные светила, несомненно, также имели важное значение в культовой, магической, шаманской и повседневной хозяйственно-бытовой деятельности. По фазам луны и положению солнца на небосводе (восходящее, полуденное, заходящее) определялись сроки проведения ритуалов, жертвоприношений, праздников, начало таёжных и водных промыслов, отправление в дальнюю дорогу, врачевания, камлания шаманов и многое другое.

Боа Эндурни («Бог неба»), **Боа Ама** («Небо-отец»), **Акпан Ама** («Старший отец») — верховное божество, творец и создатель вселенной, которому, как полагают некоторые нанайцы, подчинялись и многоярусные небеса, и земля со всеми своими жителями-духами. В их воображении Б.Э. представлялся в человеческом облике. Отличительной особенностью верховного божества нанайцев являлось то, что ему подчинялись не только небожители его сферы, но и могущественные хозяева и обитатели всех остальных. Считалось также, что он был главой тридцати трёх Эндур.

По одному из космогонических мифов Б.Э. в образе орла сотворил твердь земную. Это была особая вневременная мифоэпоха, когда ни земли, ни воды, ни деревьев не существовало, а кругом была зыбкая хлябь — топкий ил. Нигде нельзя было остановиться и отдохнуть. Долгие миллионы лет парил над этой землёй небесный орёл — Б.Э., устал, выбился из сил и решил добыть с островка, где обитала богиня Земли — На Эндурни (см. На Эндурни), пясть тверди земной. Комочки этой земли, выпущенные орлом — Б.Э., чудесным образом превращались в поверхность земную: горы, холмы, равнины [8, с. 150].

Анимистическая мифология неба находила свое выражение в соответствующем культе. Традиционно в конце XIX — начале XX веков в большинстве нанайских родов ежегодно так же как и у ряда соседних с ними ульчских и нивхских, совершались обряды моления небу. К этому дню готовились заранее. Для жертвоприношения откармливалась свинья. Обычно рано утром все представители рода собирались у священного дерева — туйгэ (см. Туйгэ, Амиктан). Ритуалом по традиции руководил старейшина. Он обращался к верховному божеству Б.Э. (либо просто Эндурни), а также к другим хозяевам и духам довольно многочисленного пантеона родовых божеств с молитвой. А в это время остальные участники обряда — мужчины-сородичи, стояли на коленях и кланялись. В ходе моления исполнялся обряд жертвоприношения, предлагались обильные угощения, у священного дерева устанавливалась голова жертвенной свиньи. По представлениям нанайцев, считалось, что на зов молящихся людей к стволу туйгэ, а также к шестам — тороан (см. Тороан), установленным рядом с ним, спускались божества и духи-небожители для того, чтобы отдохнуть, отведать приношения и выслушать просьбы-обращения. Отметим, что данное жертвенное место было

строго табуировано, и в обычные дни к нему и близко никто не мог подойти, тем более прикоснуться к священным деревьям.

Бочан — изюбр — мифический и фольклорный герой. В одной из сказок Б. представлен горным изюбром. Пятьдесят веток на рогах у него, а вместо шерсти — ракушки — киактасал. Передвигается по воздуху, словно небожитель [8, с. 82].

Бочо — один из духов, помогающих шаману. Он виделся им в облике человека с остроконечной головой, с одной или двумя руками (или крыльями) и одной ногой. Нанайцы считали, что Б. управляет ветрами, открывая или закрывая двери горной пещеры, где они проживают. Поэтому шаманы при помощи идола Б. могли вызвать нужное направление ветра [15, с. 99].

Буни, букит, були — нижний, подземный, загробный мир. Представления о Б. отличались такой же неопределенностью, что и о небесных сферах. Вход в него находился в стороне заката солнца. Место, предвещающее Б., назы-

валось доркиндиа. Путь к нему не был известен живым, и только душа усопшего с помощью шамана без особого труда находила туда дорогу. Жизнь в селении мёртвых ничем не отличалась от земной, только солнце светило там тогда, когда на земле ночь, а луна, — когда день. Да времена года были противоположны: когда на земле было лето, то там — соответственно зима. Население Б. проживало так же, как и живые люди: селились родовыми общинами, промыслили рыбу, морских и таёжных животных, женились при условии, если оставшийся на земле супруг вступал в новый брак, рожали детей, болели и умирали. По всей видимости, преисподний мир имел многоуровневое строение. До нашего времени сохранилась некоторая информация о других подземных мирах, как, например, гэкэн и доркин.

По данным А.В. Смоляк, доркин — это некая «область, расположенная где-то под морем. Там — вечный мрак, земля перемешивается с водой». Обитают там страшные чудовища. Некоторые считают, что в этой земле никто из живых не бывал. Но, правда, другие утверждали, что порою шаманы достигали той земли, и это приводило к землетрясениям. Гэ-кэн — это своеобразный нанайский ад. Там всё находилось в расплавленном и кипящем состоянии, и туда шаманы сбрасывали побеждённых ими во время камланий различных духов-чертей [24, с. 21, 22].

Согласно нанайским мифам, путь в Б. впервые проложил культурный герой Хадау (см.: Хадау, Хадаву, Ходай, Хадо, Хаду) или его сын, умерший первым на земле. Они, открыв отверстие в земле, которое до этого было закрыто котлом, предотвратили перенаселение земли стариками и создали условия для нормальной циркуляции душ. По другой версии, Хадау открыл вход в мир мёртвых по просьбе своей дочери, слёзно умо-

лявшей его сделать это. Один из мифов также утверждает, что в Б. ушёл и сам герой Хадау. Больше он уже никогда не возвращался оттуда [8, с. 6].

Души покойных отвозят в Б. шаманы или духи-помощники шаманов. Проводы в Б. совершались в ходе специального обряда — больших поминок — *каса*, проводившегося не ранее, чем через год после смерти человека. Часто шаман отправлял в Б. души сразу нескольких человек. Для живого человека, случайно попавшего в Б., или для шамана, спустившегося туда во время камлания, Б. предстает страной, где солнце светит тускло, небо как туман, а земля как пар. Всё хорошее там превращается в плохое, а плохое в хорошее (поэтому похоронный инвентарь — одежду, посуду, охотничье снаряжение — специально рвут, разбирают, ломают).

В сказке «Два брата, умный и глупец», рассказанной Д. Удинкан, имеется описание Б., либо какого-то из его миров — своеобразного нанайского ада для грешников. Тропинки там узенькие, ступить некуда. Темно вокруг, свет чуть-чуть пробивается. Люди — не люди там обитают, «деревья — не деревья, комочки какие-то». До чего дотронишься рукой — стон раздаётся [8, с. 88]. Не жизнь там, а настоящее мучение.

Живой человек в Б. невидим для его обитателей, его слова принимают за треск очага, а прикосновения оказываются столь же вредоносны для умерших, как и появление духа среди людей среднего мира; увидеть его и отправить обратно на землю может только шаман мира умерших [8, с. 103].

Непосредственно с представлениями о загробном мире связаны и воззрения нанайцев на душу человека (см. Панян, паня, фаня).

Бусиэ, бусиэку — название многообразных существ: низших духов, злых таёжных духов. Как и черти — амба (см.: Амба, амбан) бусиэку обитали рядом с

человеком. Они происходят от людей, умерших неестественной смертью и оказавшихся оторванными от своих живых сородичей, пребывающих в буни (см.: Буни, букит, були). По свидетельству И.А. Лопатина, в них превращались мертворождённые, утопленники, давленники и вообще все самоубийцы, а также те, кто умер от чёрной оспы, чьи души не были отправлены в загробный мир буни. Непогребённые, «неотпетые» по ритуалу души безвременно или неестественно умерших людей становились вместилищем злых сил и средством мести людям. Они сеяли зло и насилие, страх и смерть среди людей, напускали на них всевозможные болезни, похищали и мучили их души [12, с. 212]. В прежние времена нанайцы никогда не возвращались в вымороченное стойбище, которое, по их мнению, превращалось в проклятое, «заколдованное место» — обиталище демонических сил Б. [8, с. 194, 195].

Завидую людям, Б. охотятся за живыми, подстерегают их у могил (где гложут кости трупов), забираются в дома и, дождавшись ночи, нападают на спящих, высасывают у них кровь или мозг, выклевывают глаза. Вселившись в человека, Б. доводит его до полного истощения. Изгнать Б. можно только с помощью шамана. Старые люди утверждают, что убить Б. очень трудно. Казалось бы, убьёшь, а он опять оживает. Для отпугивания Б. над входом в жилище вешали высушенного ерша с раскрытой пастью. Б. боятся грозы и прячутся от неё в деревьях, но гром убивает Б. и от них остаются «громовые камни» около деревьев, разбитых молнией [8, с. 67; 15, с. 104].

В сказках Б. — глуповатые великаны-людоеды с огромной пастью и большими зубами, похищающие людей. Они чаще всего попадают тем людям, которые предпочитают ходить не по правой, а левой дороге. Б. способны превращаться в различных зверей и птиц, например, в безобразных

чёрных птиц с железными перьями и острыми железными клювами и когтями [8, с. 56–59; 15, с. 104].

Для того, чтобы заполучить к себе человека-жертву, Б. могут принимать реальное и вполне благообразное обличье, инсценировать человеческую жизнь. Так, в одном из преданий путник, задержавшийся в дороге, подошёл к селению. Свет в домах горит, люди в домах разговаривают, смеются. Вышла к нему женщина и пригласила зайти странника погреться. Но только стоило ему переступить порог, как всё обольщение закончилось: он оказался в страшном месте, населенном Б. Чертибусиэку прельщали человека в детских, женских и мужских образах. Обычно девочку-ведьму находили на ветвях или в дуплах деревьев. Поэтому прежде чем брать в дом найденного в тайге незнакомца — девочку, мальчика, женщину или мужчину — предписывалось совершить охранительные ритуалы, проявляющие их духовную сущность [8, с. 64, 194–198].

Самое страшное, что способны были совершить злые духи Б. с человеком, — это наслать на него безумие, одержимость навязчивой идеей. К разряду такого сумасшествия принадлежит искушение сексуальной одержимостью, приводящей к нарушению эротико-брачных табу и последующему пленению души человека, что равносильно вселению в плоть человека демонической сущности и превращению его в бесноватого. Примеры этого широко представлены в народном фольклоре [8, с. 195–198].

Бучуэкэн — демонический дух, хозяин ураганного ветра. Его представляли в образе одноногого смерча. Б. приносит гибель слабым и беззащитным людям. Его злая сила настолько велика, что он может влиять на движение как дневного, так и ночного светила (см. Сиун; Биа) [8, с. 155].

- В -

Вачиан, вэчэн — собака-сучка. В большинстве мифотекстов, фольклорных произведений собака выступает в качестве защитника, помощника и оберега человека. Такую же роль выполняла В. в сказке Д. Удинкан, записанной А.Я. Чадаевой. Она уберегла детей-сирот от голода и холода, от людоеда Дупсул-Мафа (см. Дупсул-Мафа).

В. способна передвигаться по воздуху, что её сближает с мифическим образом небесной собаки. Она роет ход под землёй, вырывает землянку, что говорит о ней как о хтоническом существе, мифообразе нижнего мира, преисподнего царства.

В. — собака-оборотень. В некоторых случаях её оборотничество связано с шаманской деятельностью. В результате своего камлания В. не только выздоравливает после полученных ран в сражении с Дупсул-Мафа, но и превращается в длиннокосую красавицу Пудин (см. Пудин, Фудин) [8, с. 48–51, 84–86].

- Г -

Гаки — ворона — персонаж многих мифов, произведений народного фольклора. По некоторым представлениям Г. — демоническое существо. Считается, что Г. появились от кровосмесительного брака брата и сестры [8, с. 229]. Ворона приносит несчастье. Г. летит за охотником. Увидев убитую добычу, начинает каркать, тем самым оповещая злейших врагов охотника — волков, которые могут отнять убитого зверя. Считается,

что когда в нанайской семье рождается мальчик, то Г. семь дней радуется. Ведь будущий охотник появился. Когда рождается девочка, то семь дней гневается, так как девочка, став женщиной, Г. начнет от дома подальше гнать и мужа своего настраивать против неё. В некоторых нанайских родах существует табу на подражание походке и крику вороньему, особенно предостерегают от этого детей [8, с. 35, 36].

Гаса — утка, одна из птиц, часто являющаяся персонажем нанайских мифов и фольклора. В Г. могут обращаться и положительные, и отрицательные герои. Для этого необходимо, как говорится в одной из сказок Д. Удинкан, стукнуть себя по голове палочкой. Обычно цель такого превращения — уйти от преследователя или догнать убегающего. Став уткой, герой или героиня начинает понимать птичий язык, что помогает им совершать добрые или зловредные поступки. Примечательно, что такое общение, как правило, происходит либо на священном дереве, либо возле него. Всё это ещё раз свидетельствует о прочно утвердившемся мнении в аборигенном сознании, что птица, в том числе и её конкретный прототип — Г., является духовной субстанцией. Птица — символ души человеческой [8, с. 68–73]. А очень часто повторяющийся сюжетный мотив: превращение девушки в птицу — несёт в себе отблеск космогонического архетипа — девы-птицы — прародительницы общечеловеческой.

Голдён — очаг. Образ единства родового сообщества. По одной из версий, в Г. живёт само божество огня — Подя (см.: Подя, Подяла-хани, Тава Эндурни), по другой — некое мифическое существо Фадзя-мама (см. Фадзя-мама). Г. — атрибут многочисленных нанайских ритуалов. Принято было в праздники угощать Г. разными яствами. Думали, что тем самым угощали дух, живущий в нём [8, с. 144].

По древнему обычаю приамурских народов, новобрачная, покидая отчий дом, должна была брать с собой светильник, зажжённый от огня родового Г. Как предполагал известный дальневосточный археолог Э.В. Шавкунов, этот ритуал совершали для того, чтобы родовой огонь Г. во всём покровительствовал невесте в новой семье — в роду мужа [25, с. 117]. Таким светильником могла бы быть старинная лампа, описанная в сказке — нингман (см. Нингман) Д. Удинкан [8, с. 29, 30]. Она представляла собой пузырьёк, наполненный рыбьим жиром и с торчащим из него фитилем. Любопытно то, как подчеркивает А.Я. Чадаева, что в этой сказке и светильник-сосуд выполнял роль невесты, и в то же время сама невеста выступала в качестве свадебного ритуального сосуда, наполненного родовым огнём [8, с. 145].

Таким образом, Г. в мифах и фольклорных произведениях был хранителем огня, зажжённого божествами — демидургами, предками-прародителями, посредством его они у осуществляли своё покровительство.

Гормахон, Гормохон — заяц. По народным поверьям, этому лесному зверьку приписывались чудодейственные силы. Необычен и портрет мифического Г.: «три ушка у него, три ножки, один глаз, ...на ушах, на лапах — колокольчики». Если пролетит птица, вдалеке появится охотник и многое другое, то колокольчики у Г. звенели [21, с. 88]. Конечно же, эти звуки «брали своё начало в мире духов» [2, с. 128], они извещали их о каких-то важных событиях и предметах. Возможно, не случайно в нанайских нингман (см.: Нингман) Г. — страж, охраняющий шаманское дерево (см.: Потохо мо) от тех, кто бы хотел вкусить «его семян, обладающих какой-то особенной силой», следящий за тем, чтобы не спугнули птиц, обитающих в ветвях, не осквернили само дерево, являющееся для шамана источником силы. Примечательно, что и сам

Г., подобно злему духу, может наслать на человека безумие [8, с. 173].

Гочилан Мэргэн — мифопоэтический образ тридцатисаженного великана. В сказке, рассказанной Д. Удинкан, Г.М. сватается к Пудин (см. Пудин, Фудин), предназначенной замуж другому Мэргэну (см. Мэргэн). С трудом он протискивается в жилище невесты. «Трубка у него большая, как ковшик, а дым от неё, словно туман стелется, дышать нечем стало в доме». В состязании с невестой Г.М. погиб. Сразили его две стрелы — лэкэ (см. Лэкэ), пущенные в него его соперниками-женихами. Захоронила Пудин Г.М. в реке Мангбо [8, с. 77, 78].

Гуси — птица орёл — персонаж нанайской мифологии. В некоторых тэлунгу и нингман (см.: Тэлунгу; Нингман) в облике Г. появляется верховное божество неба — Боа Эндурни (см.: Боа Эндурни, Боа Ама, Акпан Ама), который выступает в роли демиурга — строителя уже кем-то созданной Земли. Он сотворяет твердь земную [8, с. 150].

- Д -

Девэн — оса, пчела. Мифологический и фольклорный персонаж. В результате магического ритуала в Д. могут превращаться как положительные, так и отрицательные герои [6, с. 69]. В этом состоянии они быстро и легко перемещаются в пространстве, творя свои добрые или злые дела. Превратиться в Д. сказочный герой или героиня может, ударив себя по голове некой, наверное, волшебной палочкой [8, с. 79].

Как утверждают старики, Д. — это ещё и болезнетворный дух в виде осы, пчелы, который приносит людям большие страдания, а возможно, и смерть.

Дупсул-Мафа (Мапа) — некий мифический великан-старик, у которого на голове горит костер, а на костре кипит котёл, а по жилам его течёт чёрная кровь, чернее сажи. В котле — могуществен-

ная сила Д.-М. Можно предположить, что Д.-М. — олицетворение некой огненной природной стихии. Возможно, вулкана и тому подобных явлений. В смертельном сражении с небесной собакой Д.-М. погибает. Этому способствует и магический ритуал, осуществлённый с изображением на бересте Д.-М. Его поставили около огня и пекли на огне [8, с. 48–50].

Дуэнтэ Эдени, Дуэнтэ — дух-хозяин тайги. Он представлялся то в образе огромного медведя с семью или даже девятью горбами [24, с. 27], а также в облике леопарда — харпон. Кроме него в горно-таёжном мире нанайцев обитали и другие мифологические существа гордо (горда), бучуэн (см. Бучуэкэн?) и т.д. Одним из типичных мифологических образов горно-таёжного мира был Калгама (см. Калгама). Их благорасположение могло обеспечить аборигенам промысловую удачу.

Дюлин, дюли — покровитель семьи и дома. Его антропоморфное изображение (иногда с женскими грудями) ставили у центрального столба жилища и молились перед промыслом и после него, а также в случае болезни кого-либо из членов семьи [15, с. 203].

Дябдян-Мэргэн — мифопоэтическое существо — удав-юноша, по всей видимости, его можно рассматривать как один из вариантов мифического змея-дракона (см. Мудур). По одной из

сказочных версий, живет Д.-М. в тёмной пещере, покрытой внутри ковром из зелёной травы. Наступишь на него — всё закачается под ногами, как будто попал в топкое болотистое место. Д.-М. может вступать в брачные отношения с девушками Пудин из нанайских родов. Как правило, в этом браке рождаются необычные чудесные дети. Сын Д.-М. рос не по дням, а по часам: через три дня он уже бегал и говорил, а через некоторое время и стрелял из лука, и даже добывал пищу. В конце этой сказочной истории Д.-М. оказывается заколдованным юношей, а его мрачное жилище — страшная пещера — превращается в богатый дом [8, с. 43–48].

- И -

Илан Хосикта, Илан хосиакта — созвездие Орла, буквально — три звезды. Это созвездие нанайцы всегда различали на ночном небе. По одной из версий мифа И.Х. — мифическое небесное трёхглазое, «всевидящее око» тигра — хозяина дальневосточной тайги. Считается, что ночью тигр — Пурэн амбани (см.: Пурэн амбани) поднимается на небо, открывает свои три глаза — звёзды и пристально наблюдает за охотниками: как они соблюдают лесные табу. Если кто хвастлив, не в меру болтлив, нарушает вековые таёжные «заповеди», то тигр совершит правосудие — безжалостно покарает нарушителей табу [8, с. 138].

Исэлэн — ящерица — персонаж мифологии и фольклора. Она предстаёт одной из покровителей шамана (см.: Саман, гэен). Её изображение обязательно на шапке и ритуальной одежде шамана. В фольклоре И. — одна из самых страшных кровожадных чудовищ [8, с. 230].

Ихэрэ-Пудин — мифопоэтический образ лампы-девушки. Как известно, древний нанайский светильник представляет собой пузырек, наполненный

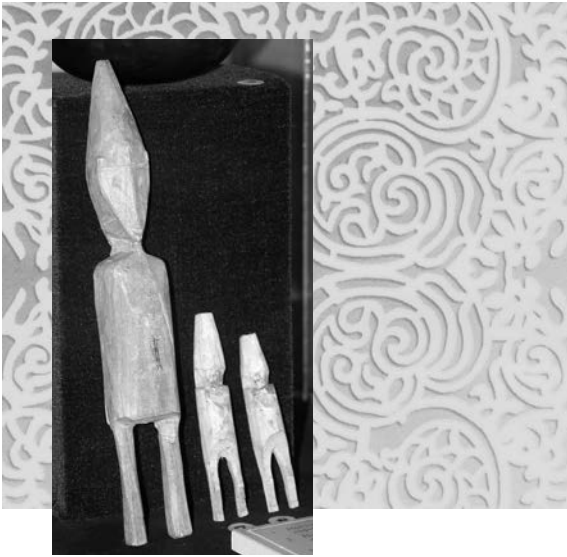
рыбьим жиром с торчащим из него фитилём. Вот такую старинную лампу поэтическая фантазия народа чудесным образом превратила в прекрасную девушку Пудин (см.: Пудин, Фудин) [8, с. 29, 30].

- К -

Калагдан — дикий кабан особой чёрной масти с белой полосой посередине спины. Данному кабану приписывались чудесные мифические свойства. Если человек при смерти, то сваренное мясо К. могло излечить его [8, с. 50]. Вообще дикие кабаны, домашние свиньи были жертвенными животными, и в этой роли они выступали действующими лицами во многих мифах, произведениях фольклора, а также в обрядовой деятельности. Исследователи фольклора полагают, что в тело жертвенного животного, как в некую «приманку» переселялся дух [17, с. 93; 18, с. 63]. Поэтому кабана, свинью, заколотых в жертву нанайским богествам, можно рассматривать как своего рода «козлов отпущения», жертвами-заместителями, на которые переходит зло, приносимое духами-демонами. Защищаясь от влияния зловредных чертей, аборигены непременно умерщвляли заместительную жертву, варили и поедали её [8, с. 165, 166].

Калгама — дух-хозяин гор, скал и рек, ведающий пушным зверем и рыбой. Он представлялся в виде великана с остrokонечной головой, двупальными руками и длинными ногами, оканчивающимися лосиными копытами. По одним вариантам, К. живут целыми племенами в горных ущельях, питаются древесной смолой, мясом лосей и рыбой. Спускаясь с гор, они похищают людей, воспользовавшись их неосторожностью или наказывая за нерадивое отношение к дарам леса.

По другим вариантам, К. владеет охотничьей сумкой, в которой хранит щедрые шерстинки — души промыслового

зверя (синкэн). Получить этот талисман, а вместе с ним силу, охотничью удачу и богатство удастся охотнику, вступившему в единоборство с К. Не сумев сохранить сумку, К. через несколько лет является охотнику в виде женщины и рождает сына-богатыря, которому переходит талисман. В других версиях мифа, завладеть талисманом охотнику помогает его собственная жена, к которой К. повадился ходить в отсутствие мужа. Однажды К. забыл у неё свою сумку с шерстью, а когда вернулся, женщина сунула К. в руки раскалённое железо, а сумку оставила себе. С тех пор её мужу неизменно сопутствовала удача на охоте [15, с. 272].

Конгоро, каоракта — бубенец. Конгорокан, каорактакан — бубенчик. Конгорокансал, каорактакансал — бубенчики. К. выполнял важную ритуальную функцию (см. Потохо мо). Согласно шаманской мифологии, К. были подвешены к веткам шаманского дерева и при каждом дуновении ветра звенели, превращая, тем самым, священное древо шамана в «звонящее» [8, с. 169]. Звон колокольчиков воспринимался как «голос шамана, устрашающего его врагов» [21, с. 88].

Кори, хори — гигантская птица с железным оперением, сидящая на вершине мирового шаманского дерева. К. входила в число шаманских духов-помощников:

на её спине шаман отвозит души умерших в буни (Буни, букит, були). Шаманы вырезали изображения К. на ритуальных деревьях. Изображения К. хранились под специальным навесом [15, с. 295]. По виду К. напоминает птицу-журавля, которая изготавливается из дерева. Туловище её, кроме головы, обтягивается летнею рыжего цвета козульею шкурою [26, с. 15].

По легенде, приведенной П.П. Шимкевичем, некое божество в образе седого старца назначило птицу К. верным помощником родоначальника шаманизма Хадау (см.: Хадау, Хадаву, Ходай, Хадо, Хаду). Её главная роль заключалась в том, чтобы содействовать великому шаману Хадау в сопровождении души умершего в загробный мир буни [26, с. 11].

С К. связан миф о происхождении родовых названий: убивший птицу стрелок делит её мясо между людьми и даёт им имена по созвучию с названными ими частями. Род, получивший гортань, становится главенствующим, а его члены обретают дар красноречия [15, с. 295].

Примечательно, что в ряде нанайских преданий К. предстаёт в роли отрицательной силы [6, с. 121–125].

Кочоа — маньчжурский орех, плод его обладал чудодейственной силой. По дошедшей до нас нингман (см.: Нингман), одинокие старухи во время наводнения спасли К. Поделили его плод на две неравные половины и съели. Низенькая старуха, съевшая меньший орех, впоследствии родила девочку, высокая — мальчика [8, с. 16].

По мнению А.Я. Чадаевой, плод К., окутанный двойной — сверху мягкой, а под ней твердой оболочкой ассоциативно напоминает эмбрион в матке женщины. Но плод — это и животворное семя. Попадая в лоно земли-матери, орех-семя оплодотворяет её, в результате этого соития возрождается жизнь орехового дерева. Возможно, для аборигенных народов, активно не занимавшихся земле-

делием, это наблюдение за таинством жизненного круговращения и было своеобразной моделью зачатия: плод — корни — дерево — плод. Этот космический ритм вечного обновления воплощался в цикле человеческой жизни: зачатие (внедрение души, узла жизни) — пуповина (корень жизни) новорождённого — плоть (способность к плодоношению) — зачатие [8, с. 186, 187].

Данный жизненный цикл отражается в мифообрядовой символике. Было принято пуповину наворачивать на траву и за стойбищем вешать на дереве, достаточно высоко, чтобы собаки или звери не могли достать [12, с. 172].

Куй — мифическая птица. К. выглядела необычно: имела две пары ног с когтями, вместо перьев была покрыта шерстью звериной, её хвост и крылья покрывали перья. Душа не родившегося птенца у К. хранилась в узкой полоске от переносицы до туловища. Шаман способен был похитить эту душу птенца-младенца К. и передать её бездетной женщине. Народившийся ребёнок имел примечательную отметину: у него на спине от шеи до пояса росла чёрная шерсть [8, с. 189, 190].

Куку — птица-лебедь — действующее лицо мифов и фольклора. В одном из вариантов космогонического нанайского мифа, записанного ещё в прошлом XIX веке американским исследователем Б. Лауфером, три К. выполняют повеление неких мифических существ Шанвая, Шанкоа и Шанка (см. Шанвай, Шанкоа, Шанка) достать в глубине мирового океана твердь земную — камни и песок. Семь дней были птицы под водой. Когда же они вынырнули из воды, то увидели, как земля растёт, река Амур течёт и многое другое [19, с. 95].

Кутуэ — жаба, одна из многоликих мифических и сказочных персонажей нанайцев. По одной из версий К. — сын духа священного дерева Пиоха (см. Пиоха, Пиухэ, Фиоха), которого он, сжалив-

шись над бездетными стариками, послал им. Как повествует сказка, съев по совету Пиоха полкабана и половину котла риса, старуха забеременела и родила большую омерзительную К. Старик, увидев К., отказался от такого сына. К., обиженный на старика и старуху, сбежал из дома. Его приютила младшая из трёх сестёр и впоследствии вышла за него замуж. Муж-жаба, совершив чудеса, превратился в прекрасного и удачливого Мэргэна (см. Мэргэн) [8, с. 22–26].

Кэку — кукушка — один из значимых мифопоэтических персонажей. По одной из версий К. сотворил Хадау (см.: Хадау, Хадаву, Ходай, Хадо, Хаду). Считается, что К. — «нянька в природе». Она провозвестница весны. В этой связи примечательно, что слова, обозначающие цветок (кэку) и кукушку созвучны друг другу. Благодаря кукованью К. начинают цвести цветы, и приходит весна. Даже дуб после её многодневных стараний обязательно зазеленеет. Из-за этих весенних забот некогда ей свить гнездо. Поэтому у К. есть слуга-помощница: некая маленькая птичка — никангу (см. Никангу).

К. — первая красавица среди птиц. Все любят кукушку. Цветы ей подарили узорные чулки — доктон. Поэтому у кукушки лапки то серенькие, а то синенькие. Некая мифоптица своим перышком провела по К., и её спина стала пестрой. К. красотой своей щедро одаривает всю окружающую природу.

К. — дневная птица, а ночью, как полагают, некоторые нанайцы, её заменяет топто (см. Топто) — некое мифическое существо — своеобразный ночной близнец кукушки [8, с. 40].

Фигурирует К. и в шаманской мифологии. В намершии шаманского головного убора обычно располагалась вырезанная из жести кукушка. Как предполагает А.Я. Чадаева, магическая сила К. была сравнима с могуществом мифической птицы Кори (см.: Кори, хори) [8,

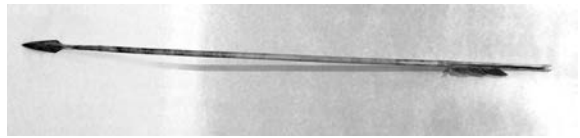
с. 226–227]. В некоторых нингман (см.: Нингман) вешняя выкликательница жизни всё более отдаляется от своего наидревнейшего назначения, претендуя на статус «самой большой шаманки», и всё более отступает от своего первородного природного мифообраза, обретая железный клюв, горящие, точно лампы, глаза, внушая страх перед тёмными силами шамана [8, с. 228].

Кэкуни пудин (фудин) — кукушка-девушка — двуликое мифосказочное существо. Первый ее облик — это исполинской величины птица. «В обед земля задрожала. Ветра нет, а деревья качаются. Низко, низко большая птица летит, крыльями чуть реки не касается. Одно крыло у одного берега, другое — у другого. В дом влетела. Одно крыло на балку положила, другое сквозь крышу высунула». Второе её обличье — «огромная, как валун», старуха — людоедка, — по всей видимости, сказочная шаманка, поедая души людей [8, с. 227].

Кэкчидэни мама — мифическая хозяйка высокого обрыва. В фольклорных произведениях ей приписывают демонические зловерные поступки. Против своих добродетельных противников она посылает слуг-чудовищ: полусобак, колючих и когтистых зверей, лохматых, каменных, железных птиц, ящериц [8, с. 230].

- Л -

Лэкэ — стрела, смертоносное оружие аборигенов-охотников, аборигенов-воинов. В мифофольклорных текстах Л. воспринимается как одушевлённое существо и как атрибут магии, обладающей чудодействующей силой. При помощи заговорённой Л. — стрелы-волоса Мэргэн (см. Мэргэн) убивает своего злейшего врага Чахан-мафа (см. Чахан-мафа) [8, с. 58]. Л. может по просьбе Мэргэна превратиться в гладкое, железное дерево [8, с. 68, 69]. Нанайский демиург

Хадау (см. Хадау, Хадаву, Ходай, Хадо, Хаду) с помощью «непростой» Л. потушил два лишних Солнца, вызвавших на Земле Хаос [8, с. 5, 6]. Л. — атрибут свадебной обрядности. В фольклоре при помощи стрелы выбирают себе супругу [8, с. 77–80].

- М -

Манги, мани — предок, богатырь-охотник. Представлялся в облике медведя-великана, который преследует небесного лося Хэглэн, похитившего солнце. Этот сюжет объясняет смену дня и ночи и происхождение созвездий: охотник и лось — это Большая Медведица, а лыжный след охотника — Млечный путь. Нанайцы называли М. деревянное антропоморфное изображение, которое они ставили рядом с «захороненной» головой медведя [15, с. 338].

Мариа-мама — мифическое существо, мать злых духов. Внешний вид её омерзителен: толстая, как охапка дров; глаза молнии и искры мечут. Живёт М.-м. посередине огромного моря-океана в доме, расположенном на вершине каменного дерева. Обитает она и в стволе этого чудесного древа — своеобразного каменного столпа. Против людей она совершает магические вредоносные ритуалы. Так, М.-м. мажет изображение на бересте — тало человека, которого желает извести, нечистой кровью. Борьба с ней можно лишь при помощи различных талисманов — атрибутов магии [8, с. 56, 59].

Морсо (morso) — у горинских нанайцев мифическая душа-дерево. По их воззрениям, каждый человек имеет три души. Одна из них — М. Душа-дерево невидима для человека. Дерево-морсо

— двойник человека: прорастает в начале жизни человека, вместе с ним растёт, дряхлеет по мере приближения его к старости и умирает в смертный час [8, с. 158].

Мугдэ —местилище души умершего человека. Нанайцы называли М. антропоморфное изображение величиной меньше человеческого роста, которое изготавливалось для шаманского обряда проводов души в буни (см. Буни, букит, були) каса [15, с. 377; 20, с. 270].

Мудур — мифический дракон, змееподобное существо, олицетворяющее собой как положительную, так и отрицательную сущность космических сил мироздания, природных стихий. Он единосущ, и все принимаемые им образы есть лишь маски-личины, необходимые для выражения многообразия вселенского бытия. Возможно, что и сам его змеиноподобный облик есть только одно из многих его сиюминутных бликов. М. — персона священная, по этой причине запрещалось изготавливать одноименную игрушку.

Процесс рационализации мировосприятия действительности привел к распаду, расслоению на части бывшего мифоединства, созданию локальных мифообразных систем. К таковым можно отнести фольклорные сюжеты и образы. В них образ М. раздвоен по моральным признакам: несёт ли он людям добро или зло.

Поэтому он мог являться человеку в виде преобразующего светлого начала — небесного Дракона Мудура. Эти солнечные змеи-мудуры изображались с добрыми, если это, возможно, так сказать, приветливыми лицами. У них были четыре «крокодильи» лапки, нестрашные рога на затылке и чешуйчатый панцирь на змееподобном туловище. Чаще всего дорогой к жилищу небесного М. является река. Небесный М. справедлив, хотя и бывает жесток: может покарать человека, казалось бы без всяких на то веских

причин, но может воскресить к жизни. Любопытно, что это воскрешение происходит при помощи «драконовой плетки», по всей видимости, имитирующей хвост змеи. Способности М. оживлять мёртвых сродни древним архетипическим общечеловеческим представлениям о змеином даре бессмертия.

Небесный М. может проявлять себя и в образе небесного, как правило, крылатого коня — одного из его зримых многочисленных ликов. Он мог и очеловечиться (см.: Мудур-Мэргэн). Ребёнок, рождённый от соития женщины и змея-дракона имел силу и природу М. и наделялся необычными богатырскими качествами. Как известно, в фольклоре М. мог предстать и в личине злого и коварного мудура-дядяна (см.: Сахарин Дядяна) [8, с. 176, 180–183].

Мудур-Мэргэн — мифический юноша-дракон, своеобразный нанайский Дон Жуан. «Всех красавиц к нему, как бабочек на огонь, тянет». Внешний вид его примечателен: глаза у него как блюда огнём горят, имеет он четыре лапы и хвост, тело его чешуей сверкающей покрыто, как у сазана. Говорит он человеческим голосом. Пищу ему на весле подают. Претенденткам на замужество он даёт задания, которые нужно выполнить в три дня. Цель этих испытаний — проверить хозяйственные навыки и умения будущей супруги. М.-М. велит ей скосить озёрный камыш, шелуху с него вычистить, стебли мять и сделать циновки; шкурки убитых зверей выделывать, кожу скоблить, кроить и шить из неё одежду; шить, вышивать одежду из шёлка. Та девушка, которая не справлялась с заданием, была бита и терзаема М.-М. А та девушка, которая справится с предложенными испытаниями, станет женою М.-М., освободит его от злого начала и раскроет настоящую его сущность. Примечательно, что в сказке о М.-М., рассказанной Д. Удинкан,

он сравнивается с Солнцем, а его супруга с Луной [8, с. 74–77]. Возможно, эта сказка донесла до нас важнейший фрагмент астральной мифологии.

Муэ Эндурни, Муэ Эдени, Мукэ Эдени, Тэму — божество воды, дух-хозяин водной стихии, рыб, морских животных, а тэму сэвэнсэл — духи, водные жители и другие духи-хозяева рыб и морских животных.

В мифах М.Э. чаще предстает в виде антропоморфной четы — старика и старухи, которые живут далеко в море. Они выпускают рыбу из озера, находящегося в их доме. По одному из мифовариантов, в рыбу превращается чешуя, которую М.Э. бросает в море. От воли М.Э. зависит количество рыбы в реках, и успех охоты на морских животных. Поэтому перед началом рыболовного промысла, обычно весной и осенью, устраивались обряды «кормления воды»: в воду опускали блюда с ягодами, кашей, травой, табаком и другие лакомства. Жертвоприношение М.Э. приносили нанайцы каждый раз, когда начинали рыболовную ловлю, когда путешествовали по воде и т.д.

В прошлом, по всей видимости, М.Э. требовал и человеческие жертвоприношения [12, с. 231]. Ведь сохранилась в сознании аборигенов мысль о том, что утонувший человек — избранник духа-хозяина воды. В подтверждение этому существование многочисленных тэлунгу, нингман (см. Тэлунгу; Нингман), повествующих о том, как рыболовы, охотники, попадая в воду, нисколько не сопротивлялись и безропотно погибали в её пучине. Считалось грехом приходить на помощь утопающему. Действительно, спасение утопающего — дело рук самого утопающего. Когда же утопающего человека спасали, то в этом случае и тот, кто тонул, и тот, кто его спасал, совершали очистительные ритуалы. В очистительном обряде им даже помогали шаманы, которые разыскивали душу утопающего и возвращали её пострадавшему, а также должны

были умиловать подводного хозяина или водного духа или, возможно, наказать их за такое злодеяние. Как известно, после совершения соответствующего погребального обряда утопленники становились водными духами-покровителями своих земных сородичей.

М.Э. называли также косатку, считавшуюся морским духом (или лодкой морского духа), помощником или сородичем М.Э. По приказу морского божества косатки гнали на берег стаи рыб, нерпу, тюленей, облегчая тем самым людям охоту и рыбалку [15, с. 556].

По другой версии М.Э. предстает то в облике девушки — служанки кэкэчэн, то в образе прекрасного мужчины — Мэргэна (см. Мэргэн). Обитает божество в некоем озере. Подводные владенья М.Э. великолепны: вниз ведёт мраморная лестница, кругом — золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. Подводные жители — полурыбы-получеловеки. В его владениях протекают два ручья: один — золотой, другой — серебряный. Всё, с чем прикасаются эти воды, окрашивается в соответствующий золотой или серебряный цвет [8, с. 13, 14, 148, 149].

В фольклоре М.Э. предстает в образе Дракона-старика (см. Мудур). Возможно, это самый древний образ водной стихии, фрагментарно сохранившийся в народных сказках. М.Э.—Дракон сказочно богат, и он щедро одаривал тех, кто выполнял его заповеди, заступался за водных жителей и духов. У него был крокодилообразный сын — Пуймур (см.: Пуймур) [8, с. 92–96].

Нанайский культ воды состоял из разнообразных ритуальных вариантов моления или кормления: от больших, например, перед началом хода кеты до повседневных малых его форм. Некоторые мифологические сюжеты повествуют о том, как водные духи-хозяева поучали людей рачительно хозяйствовать, бережно относиться к запасам рыбы. За

нарушение установленных им «законов природопользования» следовало суровое, но, по народному мнению, справедливое наказание.

Обряд моления водяным духам назывался повсеместно сходным словом: верховыми нанайцами — чэури, а низовыми — чэу чэури. Эту ритуальную церемонию обычно каждый нанайский род проводил отдельно от других, причём ночью или на закате солнца. Жертвоприношения для водных божеств и духов клали в нойна — специально сплетённую из стружек маленькую лодочку. Воду «кормили» обязательно через установленные заструженные шесты, как бы через «воротца». Также в этот день полагалось «накормить» и фигурки таёжных духов-покровителей рода. Следующий день после обряда моления воде был праздничный. Аборигены ходили друг к другу в гости, обильно угощались, участвовали в разнообразных национальных играх и т.д. [23, с. 120, 121].

Мэргэн — юноша, богатырь, жених — главный мужской персонаж нанайских мифов и фольклорных произведений.

- Н -

На Эндурни — божество, дух-хозяин земли. Мифорелигиозные представления о горно-таёжном, а в некотором смысле и водном мирах тесно смыкаются с культом земли. Нанайцы считали, что у каждого места: горы, поляны, леса, берега реки, озера, болота, ручья и тому подобное — имелся свой конкретный хозяин, который непосредственно или хотя бы символическим намёком был связан с локальной, то есть родовой версией сотворения мира. Иногда в качестве таких хозяев выступали те же самые таёжные или водные духи. В силу данных обстоятельств эти места обладали особой святостью и превращались в алтари.

Культовые поклонения и жертвоприношения в честь Н.Э. — боава уйлэури

— антропоморфных хозяев местности устраивались не только во время традиционных сезонных исполнений обрядов почитания божеств и хозяев гор, тайги и воды, но и отдельно от них. Обычно ритуалы «кормления духов земли» нанайцы проводили в тех случаях, когда меняли своё местожительство, по поводу строительства и заселения нового постоянного или временного жилья, из-за различных заболеваний, во время таёжных и водных промыслов, так как полагали, что от благорасположения духов-хозяев земли зависело здоровье и благополучие семьи и человека и т.д. [23, с. 122, 123].

Примечательно, что долгое время большинство нанайцев, живших поблизости с китайцами — древнейшими в мире земледельцами, относились к земледелию негативно. Они считали это занятие попранием, осквернением земли, а вернее, её божества — Н.Э., потому что землелашец наносил раны и увечья живому существу.

Н.Э. — разнолик. В одном из фрагментов космогонического мифа дух-хозяин Земли является в облике старой женщины, обитающей на острове — единственной тверди среди зыбкой хляби. С этого острова божество неба Боа Эндурни (см. Боа Эндурни, Боа Ама, Акпан Ама) в облике орла достаёт горсть тверди земной [8, с. 150].

Нгэвэн — разновидность зловредных бусиэку (см.: Бусиэ, бусиэку) — своеобразных нанайских сирен, причиняющих несчастье людям. В ряде нингман (см.: Нингман) Н. занимаются тем, что варят в котле человеческое мясо и выделяют человеческую кожу [8, с. 208].

Никангу — некая мифическая птичка — слуга-помощница весенней птицы кукушки — Кэку (см. Кэку). В её гнездо кладёт своё яйцо кукушка. Н. должна высиживать кукушкино яйцо, а затем нянчить, кормить и воспитывать кукушонка [8, с. 40].

Нингман — мифозепос нанайцев, который представлен такими жанрами фольклора, как сказка-миф, собственно сказка. В отличие от тэлунгу (см. Тэлунгу) рассказчик и слушатели в достоверность Н. либо вообще не верят, либо высказывают по этому поводу сомнение. Но Н., как и другие поэтические произведения фольклора, являются для исследователя бесценным источником древних форм мифологического сознания и культуры. В них золотыми россыпями рассеяны реликтовые фрагменты архаических мифов. Может быть, они — это единственная сохраняющаяся ещё до сих пор связь времён. Возможно, собрав их воедино, можно будет начертать общую для всего человечества картину древнего мироздания.

Примечательно, что достаточно часто Н. начиналась заклинаниями-междометиями «Кэ-э! Кэ-э!», напоминающие по своему произношению шаманские заклинания «Га-а! Га-а!», используемые шаманом и всеми участниками камлания перед его началом и в тот момент, когда отыскивался злой дух и необходимо было всем, в том числе и духам-помощникам мобилизоваться для изгнания его из очищаемого места или тела больного. Семантика такого сказочного зачина многофункциональна: то ли это, как предполагает А.Я. Чадаева, особый магический приём отпугивания чертей — бусиэку (см.: Бусиэ, бусиэку) и, таким образом, оберега сказки от их слуха [8, с. 136], а то, может быть, это призыв к духам-покровителям и помощникам пообщаться с земными сородичами, приобщить их к мудрости хозяев вселенной и предков; но возможно, это приглашение к душам (см.: Оми, омиа) живых людей, предков, животных и растений, хозяев природных стихий и даже божествам получить эстетическое наслаждение от поэзии сказки.

Старики к рассказыванию Н. относились со всей серьёзностью, обязательно

соблюдали ряд запретов, полагая, что сам процесс рассказа являлся ничем иным, как особым мифообрядовым таинством. Ведь слово, даже обиходное, не говоря уже о мифопоэтическом, требовало величайшей осторожности. Широко распространено в общественном сознании мнение, что любое произнесённое «в сердцах» гневное слово — проклятие может стать причиной несчастья [8, с. 9]. Поэтому Н. исполнялась только в ночное время, так как днём сказку мог услышать ветер или болтливая птица — сорока и разнести по свету, и её могли услышать те, для ушей которых она не предназначалась: дух, враг, зверь и др. Чтобы не накликать беду, нельзя было вечером девушкам говорить о страшном. Вообще малолетним, молодым людям, не умеющим правильно распорядиться магией слова и не защищённым от демонического влияния, возбранялось сказывать Н. Предпочтение отдавалось мудрым старикам: они знали «цену» каждому произнесённому слову, и их слово было весомо и авторитетно как для сородичей, так и для духов-покровителей рода, многочисленных хозяев вселенной, а также они знали, как уберечь слово от коварных замыслов многочисленных и коварных злых духов, способных через мысли овладеть словом сказителя, умами слушателей и посеять вокруг себя семя ненависти и злодеяний.

Обязательно Н. исполнялась во время охоты и рыбалки. Накануне рыбной ловли существовало табу на рассказывание страшных Н., так как аборигены полагали, что по воде «слухи» разносятся гораздо быстрее, чем по суше, и можно было ожидать от этого разных неприятностей. Заметим, что не всякое слово можно было молвить и в тайге: нельзя было произносить как хвастливое, так и бранное слово, запрещалось доверять своё слово лесному незнакомцу: мало ли какой дух мог скрываться за его личиной [8, с. 51, 52].

Сказитель зачастую не называл людей настоящими именами, так как поступки их не всегда были благовидны. Поэтому духи, слушающие сказку, могли разгневаться и наказать сказителя и слушателей — потомков сказочного героя. Чтобы усыпить их бдительность, людям в Н. часто давали имена животных [8, с. 221]. Таким образом, произнесённое слово, в том числе фольклорное слово, для того, чтобы не стать орудием нечистой силы, способом гибели для человека, «должно быть молчаливым, внутренним, не праздным» [8, с. 138] и мудродейственным.

Нуктэ — волосы. В мифах и фольклоре Н. являются неременным атрибутом магии и обрядовой деятельности. Волосы для предков нанайцев — это символ жизни, поэтому их никогда не отрезали до годовалого возраста. В год ребёнка обстригали, и уже до конца жизни ни ножницы, ни бритва не прикасались к волосам женщины. Только в траурные дни по мужу жена на следующий день после его смерти отрезала лишь пятнадцать–двадцать сантиметров своих волос. Эти Н. она вешала над его могилой в знак своей верности. Также поступали и мужчины, когда умирали их жены.

В свадебном ритуале Н. играли немаловажную роль. Расчёсывание Н. партнера свидетельствовало о согласии молодых вступить в интимную супружескую связь [8, с. 218].

Магическая сила Н. дифференцировалась в зависимости от того, кому они принадлежали и откуда были вырваны. В нанайских тэлунгу, нингман (см. Тэлунгу; Нингман) волос, вырванный с головы матери, передаёт герою защитную силу его предков. Н. с затылка шаманки, отданный Мэргэну (см. Мэргэн), превращается в стрелу, разящую злого духа (см. Чаханмафа), или в двадцатиметровую нарту,

на которую кладут жертвенного кабана. Злые духи также использовали в своих зловредных целях Н. Достаточно было дунуть на них, и волосы превращались в крепкие канаты, которыми опутывались жертвы чертей [8, с. 219].

В языческом мировосприятии Н. ассоциировались с густым, частым лесом. Поэтому в семьях, где мужчины отправлялись на таёжный промысел, домочадцы строго-настрого соблюдали табу: женщины не расчёсывали волосы, чтобы охотник не попал в непроходимые заросли и не заблудился в тайге [18, с. 129]. Вши — насекомые, обитатели Н., также обладают мистической силой. В сказках они превращаются в таёжных зверей — волков. Часто повторяющийся в фольклорный мотив «поищи у меня в голове», по всей видимости, не просто отражает бытовую деталь, а выражает некую мифоидею, некий ритуал.

- 0 -

Омиа мони — небесное Дерево душ (см. Оми, омиа), один из этнокультурных вариантов Мирового Древа — Древа жизни. Его зримое вышитое изображение можно увидеть на свадебных халатах нанайских невест. Оно не имеет признаков вида. Это дерево всех деревьев — всеобщее. Ствол зелен, точно листва, а листья же многоцветны, точно цветы. На ветвях сидят а, возможно, и растут, как плоды, птенцы с таким же радужным оперением [8, с. 156].

Оми, омиа — душа человека (зародыша и ребёнка до года) и животного. Считалось, что до рождения ребёнка О. в виде птичек обитали на ветвях мирового дерева во владениях покровительницы деторождения Омсонмамы. Из мира нерождённых душ О. спускаются на землю в виде птичек — чока (см. Чока). Попадая в лоно жен-

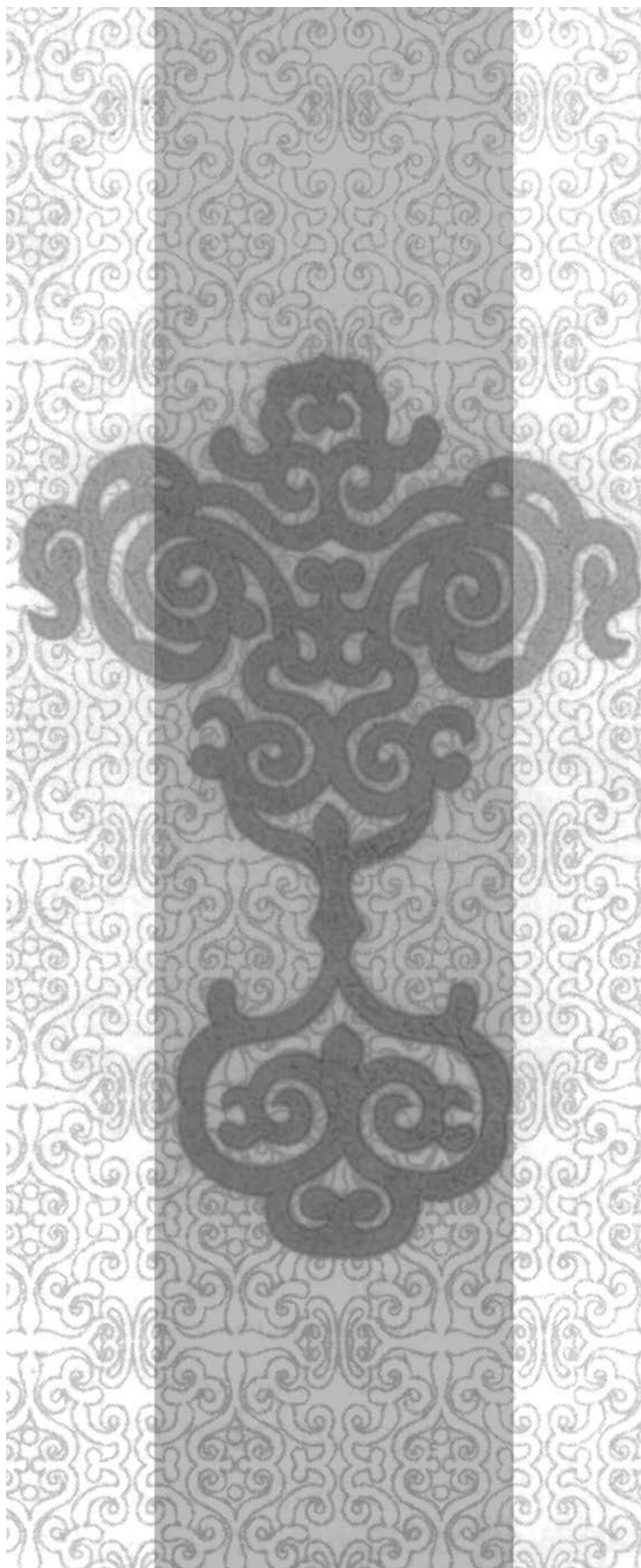
щины, О. даёт начало жизни ребёнку. Примечательно, что о беременности женщины порой говорили «омиа догохани», что означало «душа-птичка вошла (буквально — села) в женщину» [24, с. 107].

Если ребёнок умирал от голода, то его О. возвращалась в мир нерождённых душ и могла через некоторое время вновь вселиться в мать. Если женщина оставалась бездетной или у неё постоянно умирали дети, шаман проводил обряд «добывания души»: он уходил в мир нерождённых душ, выпрашивал или выкрадывал О. и, вернувшись на землю, передавал её матери, или укладывал в люльку с изображением ребёнка, или прятал в душехранилище — (омирук). По представлениям амурских тунгусо-маньчжуров, О. животных находится в той части тела, которая участвует в добывании средств к жизни: у оленя — в резцах, у пушных зверей — в носу, у медведя — в лапе и т.д. Если животное умирало от старости или было убито с соблюдением правил охоты, его душа возвращалась на небо и могла дать начало новому циклу его жизнедеятельности [15, с. 415].

Оојі — душа или дух-хозяин лодки. Нанайцы, как и все аборигены-язычники, верили, что лодка — одухотворённое существо. Обычно на носовой части лодки наносили особый орнамент *honko nasali*, что в буквальном смысле означало «глаза носа лодки» [22, с. 158].

* Хотелось бы высказать благодарность знатоку народной нанайской культуры, создателю учебно-методического комплекса по обучению родному языку учащихся общеобразовательной школы, доценту Дальневосточного государственного гуманитарного университета Антонине Александровне Киле за помощь, оказанную автору по отдельным вопросам нанайской мифологии, обрядоведения и языка.

Продолжение в следующем номере.

Предисловие

Сегодня всё более очевиден кризис культурологического знания. Всё чаще раздаются разговоры о том, что культурология как наука в России не состоялась, несмотря на её предельно активное институциональное бытие. В самом деле, существуют кафедры и факультеты, работают диссертационные советы, издаются журналы. Но до сих пор не определён предмет науки, не задана демаркация между культурологией и смежными дисциплинами, не сложилась традиция. Именно в таких условиях особый смысл получает обращение к истокам, к тем учёным, которые некогда, ещё в рамках «марксистско-ленинской философии» формулировали основы новой дисциплины. К таким учёным и относился Ефим Давыдович Бляхер (1931–1998).

Он не был «научным генералом», не входил в научный истеблишмент советского и постсоветского периода. В этом плане он был учёным «второго ряда». Но только в этом. Границы

его известности определялась такими именами как В.С. Библер, С.С. Аверинцев, Ю.Н. Давыдов и другими, сакральными для отечественной науки. Его идеи легли в основу первых сборников по теории культуры. Он стоял у истоков комплексной программы эстетического воспитания — последнего большого проекта СССР и первого масштабного культурологического проекта. Значительная часть его жизни была связана с кафедрой теории и методики преподавания мировой художественной культуры Хабаровского государственного педагогического института (ныне Дальневосточного государственного гуманитарного университета). Именно здесь им были написаны наиболее яркие и интересные, хотя и не всегда ставшие фактом научной жизни, работы. Одну из них мы и представляем Вашему вниманию. Несмотря на её «учебную ориентацию», она заслуживает самого внимательного прочтения и отношения со стороны профессионального сообщества. В ней, как и в большинстве работ Е.Д. Бляхера, содержится совершенно четкий и определенный взгляд на существо культурологии как науки, на её предметную область. Возможно, именно такие публикации и их изучение дадут новый импульс науке о культуре, станут «нитью Ариадны» в Лабиринте современного мира.

От редакционной коллегии

В учебном пособии впервые рассматриваются основания мифологической картины мира, характерной для традиционной культуры коренных народов Приамурья. Посредством широкого сопоставления мифосимволов этой культуры с аналогичной символикой других народов мира прослеживаются как общестадиальные, так и уникальные, неповторимые особенности, присущие мировоззрению автохтонов Приамурья. Предназначается преподавателям и студентам, изучающим региональный компонент отечественной культуры, а также всем, интересующимся историей и механизмами смены типов мировоззрения.

Бляхер Ефим Давыдович,
кандидат философских наук,
профессор

Мировое древо и мифологическая картина мира.

Три лекции по спецкурсу «Мифология народов Приамурья и общая теория мифосимвола»

Вопросы:

1. Человек, мир, медиаторы мышледеятельности
2. Научное мышление и мифомышление: общее и уникальное, закономерное и случайное
3. Символика обживания мира
4. Исходная модель: бинарный нецентрированный мир

Мышление требует почти сверхчеловеческого усилия, оно не дано человеку от природы; оно только может состояться — как своего рода пробуждение или пра-воспитание — в силовом поле между человеком и символом.

*М.К. Мамардашвили
«Мысль под запретом»*

1. Не только в гуманитарной, но и в естественнонаучной мысли конца нашего века резко возрос интерес к мифу и символу.

Для человека, привыкшего к тому значению понятия «миф», которое вытекает из древнегреческой традиции: поэтическая выдумка, легенда, пришедшее к нам из глубины веков предание о деяниях богов и героев, — для такого человека этот интерес странен и непонятен. Но миф, а тем более символ — не просто выдумки и легенды. Это — универсальные формы человеческого освоения мира, присущие мышлению современного человека не в меньшей мере, чем его одетому в шкуры первобытному предку.

С позиций самодовольно любующегося своей «научностью» века Просвещения такая мысль — страшная ересь. Но даже сама Наука не освободила человека от мифомышления, она лишь создала иллюзию такой свободы. Человек никогда не осваивает мир непосредственно. Между собою и миром, им осваиваемым, он помещает своеобразные культурные «медиаторы» — духовные орудия — посредники. «Человечество за свою историю «изобрело» всего четыре медиатора (знак, слово, символ, миф). Трудно надеяться, что оно в обозримый период изобретёт другие. Наша задача состоит в том, чтобы лучше использовать уже имеющиеся медиаторы» [1].

Мифы и символы, присущие мышлению современного человека, только начали изучаться, время их обобщения, видимо, еще не пришло. Но вполне вероятной может оказаться гипотеза о том, что законы мифотворчества и мифомышления инвариантны относительно истории. Конечно, мифы современного человека по сравнению с людьми отдаленного прошлого — иные, и работающая в них символика подставляет его разуму иные реалии. Но всё большее подтверждение получает мысль о том,

что образование мифов и символов, как и их комплексов — мифосимволов — во все времена осуществляется по общему закону и, быть может, по общей матрице. Её можно реконструировать на материале мифологии в традиционном смысле слова, чтобы — затем — обнаружить её и в мышлении нынешнего человека.

Все четыре медиатора, как сейчас принято говорить, амбивалентны, то есть двойственны, укоренены в двух достаточно разных областях («пластах») Бытия и Культуры. Они — «предметы», то есть принадлежат Бытию, но одновременно — и «знаки» (чего-то иного, не себя), то есть принадлежат Culture. Принадлежат одновременно и природе, и культуре, они расположены на границах между этими пластами, на тех самых границах, напряженность потенциала которых и является побудителем к человеческой деятельности, и прежде всего — к мыследеятельности по духовно-практическому освоению мира.

Цель наших лекций — показать эту двойственность мифосимвола на одном из наиболее универсальных из них: на символе «Мировое Древо» (*Arbor Mundi*), присущем многим народам, в том числе и таким, которые никогда не вступали в общение друг с другом. В этом отношении и говорится об его универсальности, с необходимыми оговорками, которые будут сделаны ниже.

2. Научное мышление сосредоточивалось на двух медиаторах из указанных четырех: на «слове» (понятии) и «знаке». К символу оно обращается главным образом как к «представителю» понятия: таковы математическая, химическая, политическая и тому подобная символика. Миф же рассматривается наукой по большей части в плане истории: как фрагмент истории религии либо истории искусств, а в пятидесятые годы нашего века к этому добавилось рассмотрение в качестве материала исторической антро-

пологии и этнологии. Цель такого изучения состоит в том, чтобы всё многообразие единичных и уникальных событий подвести под общий закон, вскрыть в них повторяющиеся, упорядоченное, общее, законосообразное.

Мифомышление же «уделяет основное внимание другим пятидесяти процентам явлений мира, то есть не чистым каузальным связям естественных наук, а сбивающим с толку, запутанным переплетениям . . . , которые называются случаями» [2].

Средства, которыми пользуется миф, чтобы освоить случайное, единичное, из ряда вон выходящее — это превращение уникального события не в представителя некоторого естественного закона, но в символ, обозначающий некоторое более глубокое и напряженное значение. . . . Истинный и подлинный символ . . . — попытка выразить такие представления, для которых ещё не существует словесных понятий [3].

Функция мифосимвола — осмыслить и означить единичное, случайное, уникальное явление либо событие, с которым не может справиться наука, и, таким образом, оформить в сознании этот ряд явлений в такой системе «представителей», с помощью которой человек мог бы обжить и эту пугающую и тревожащую его область.

Поэтому, на наш взгляд, бьют мимо цели попытки исследователей мифологии оправдать существование мифов ссылкой на то, что в них якобы заключен «здоровый смысл», аккумулирован какой-то положительный опыт и т. п. Содержать в себе какие бы то ни было элементы практической истины — не дело мифа. Истина — это категория науки, а не мифологии. К последней она просто не имеет отношения, так сказать, в ней она «не работает». Задача мифологии другая: не познавательная, а программирующая. Подобно тому, как мы

в своём быту пользуемся сложнейшими электронными приборами, хотя можем и не иметь никаких представлений о сущности электроники, но освоив инструкцию по пользованию ими, миф даёт человеку способ обживания мира Случая. Это — гениальное изобретение нашего предка, тождественное с «изобретением» культуры. Ведь человек отличается от животного не тем, что он «мыслит»: элементарное рассудочное мышление и постижение общего и повторяющегося свойственно и животным. Человек отличается от животного тем, что он мыслит символами.

Уже древнейший человек (как, впрочем, и его животный предок) на практике достаточно хорошо приспособился к закономерному и стабильному. Но он, как и его современный потомок, был полон страха перед властью Случая. Мифосимвол давал ему программу ориентирования в мире случайного.

Любое исключение из упорядоченности обычных явлений и событий для архаического (да и для современного) человека полно значений. Он группирует и возводит в ранг символа эти исключения, наделяет их повышенным смыслом. Они для него нечто «значат», а «значить» — это быть одновременно и самим собою (деревом, птицей, змеей и т. п.) и чем-то совсем другими, знаком какой-то беды или блага. Это — не абсурдная логика, как она может показаться человеку с «рациональным» мышлением. Это просто — другая логика, в которой закреплен иной опыт, не связанный с аристотелевской логической традицией.

С помощью этой логики человек упорядочивал для себя то, что иным средствам упорядочивания не поддается.

Естественно, что точкой отсчета в таком символическом обживании мира стал не «мир», а сам человек, его программа действий.

Мифоявления и мифосимволы его интересуют не столько с их природной, естественной стороны, сколько со стороны их значимости для человека. Этим и объясняется смущающее многих мифологов обстоятельство: в мифе и мифосимволе не заключается ни абстрактного Добра, ни абстрактного Зла. Миф и мифосимвол не этичны и не моральны сами по себе, и тем более нельзя трактовать их в качестве «учебного пособия по архаической этике», этакого собрания назидательных притч. То, что даёт мифосимвол, не «совершается», а случается; случай же сам по себе этически нейтрален. Важен не он, а его символические последствия для человека, они и подлежат моральной оценке.

Мировое Древо, его варианты и эквиваленты — один из способов упорядочивания и обживания мира случайных и уникальных событий.

3. Духовное обживание мира человеком состоит прежде всего в том, что он выделяет «свое» (обжитое, безопасное, благоносящее) и отделяет его от «чужого» — необжитого, таящего в себе неизведанное, которое может оказаться и благоносным, и зловредным в зависимости от того, как он, человек, будет действовать в этой области. И уж во всяком случае к «чужому» надо относиться с повышенной бдительностью.

Как «свое», так и «чужое» могут обретаться как во времени, так и в пространстве. Пространственно-временная область, где они обнаруживаются, получила название «локатив» (от лат. «локо» — («место») или, иногда, «локус»). Локативы (локусы) надо уметь определить и отделить от другого такого же (либо противоположного) локуса, нужно знать, например, где кончается «свое» и начинается «чужое».

Мифосимвол создает три ориентира, которые программируют процесс различения и тем самым упорядочивают

границы локативов и локусов: «центр», «граница своего» и «граница чужого». Мифособытия, составляющие фабульную сторону мифа, как раз и относятся к «границам» и случаются «на границах». Эти границы вовсе не обязательно совпадают с топографическими межами реальной местности: «центр» человек устанавливает вполне произвольно и как-то соотносит с самим собой, а вместе с таким самоотнесением определяются и пространственные, и временные интервалы локативов. Ведь миф — не учебник географии; важно здесь не «узнать», а обжить какую-то область.

Мифособытия на границах состоят в том, что «чужое» тем или иным способом вмещивается в «своё» и вносит в него беспорядок и произвол. Случай, таким образом, есть результат вмешательства «чужого», а этот результат нужно усилить, если он благоносен, либо компенсировать, если он зловреден. Это и достигается с помощью символических (или ритуализированных) действий.

Мы здесь не можем входить в тонкости отношений между символом и ритуалом. Если ритуализированное действие понимается как длящийся во времени процесс, то символы можно считать таксономическими единицами, «кирпичиками», из которых строится ритуал. Но и сам ритуал как целое есть символ, программирующий достижение поставленных человеком целей [4].

Создатель московско-тартуской семиотической школы исследований культуры Ю.М. Лотман выдвинул утверждение, согласно которому миф отличается от религии в современном значении этого понятия тем, что мифологическое отношение между «своим» и «чужим» — это отношение не молебствования, а договора [5].

Для чего же понадобилось архаическому человеку создавать столь сложные духовно-практические построения?

Выделение трёх условных «пространств» (локативов) сразу же дало ему сильнейшие орудия духовного обживания мира. По единодушному мнению исследователей, это наиболее ранняя и безусловно универсальная модель мира, в которой локативы «своего» и «чужого» отнесены к человеку как к центру осваиваемого им мира. Обладая такой моделью, человек (люди) может практически удовлетворительно объяснить себе любую случайную, экстремальную ситуацию и тем самым духовно овладеть ею. Во-вторых, не только «объяснить», но и решить, то есть создать себе ориентирующую его программу: ведь решение переносится из плана объективного бытия в план межчеловеческого общения.

А в плане общения конструирование второго (чужого) мира имело сразу несколько важных следствий. Появилась внешняя точка зрения на происходящие в мире события. «Именно с ней связано возникновение моральной и этической оценки этих событий. Появился партнер по диалогу о высших ценностях жизни... В итоге мир получил более устойчивую структуру. Более определённым стало положение человека в этом мире» [6]. Мы, будучи согласными с цитируемым автором по существу, всё же предпочли заменить «мир» термином «картина мира».

Появление внешней точки зрения — важнейшая, на наш взгляд, функция мифосимвола. Подобно тому, как мы, находясь внутри здания и будучи ограниченными в своём обзоре четырьмя стенами комнаты, ничего не можем сказать о самом здании (для чего надо выйти из него и взглянуть извне), так же точно мы, находясь внутри мира и будучи погружёнными в него, ничего не можем сказать о самом мире. Но если мы не в состоянии телесно, фактически выйти за пределы мира, мы можем найти мысленную «точку внеаходимости» (термин М.М. Бахти-

на), создав символический эквивалент, символ Мира и поставив себя перед ним (сделав его своим предметом!).

Такая, выражаясь языком философии и богословия, «трансцендентная» (от лат. «трансцензус» — переход через предел, запредельность) точка зрения достигается специфическими методами и в науке, и в философии, и в религии (где «трансцендентное» равно божественному). Самый же ранний и самый универсальный способ — мифосимволический. Без обретения точки внехождения невозможно никакое мировоззрение. Мифосимвол — древнейший, но действенный и поныне, способ мировоззренческого упорядочения мира. В нём — основа «договорных» отношений между своим и чужим: пока договор возможен и выполняется, сохраняется равновесие. Злополучный случай осмысливается как нарушение договора с какой-либо стороны, а следовательно, равновесие можно восстановить, мир может остаться обжитым, им, значит, можно управлять.

Методы такого управления основываются не столько на усмотрении законосообразного, сколько на фиксации случайного и наделения его символической семантикой. Примером этого, значимым и для нашего времени, могут служить многочисленные «приметы», не имеющие рационального обоснования, но статистически, как показал Фейерабенд, оправдывающиеся едва ли не с большей частотой, чем «научные» прогнозы.

Мировое Древо и его эквиваленты (Мировой Столп, Мировая Ось, Мировая Башня, Мировая Лестница, Первочеловек, Первоптица, Первозверь и тому подобное) и стали тем мифосимволом, с помощью которого можно представить себе (представить!) центрированный и фиксированный по локативам Мир, зримой моделью мира, по отношению к которым возможно, телесно оставаясь в

физическом мире, занять внешнюю ему позицию. Воистину: «Отойдём да поглядим, хорошо ли мы сидим!».

При этом символы Первочеловека (например, индийского Пуруши), Первоптицы, Первозверя и т. п. обозначали как бы наличность, единение «своего» и «чужого», а символами Мирового Древа и его эквивалентов обозначалось отнесенность этого единства к человеку и зафиксированному в его мысленной модели Центру Мира.

4. В исходных моделях Мира локативы «своё» и «чужое» представлены целым рядом парных и взаимно соотносимых символов, которые в своей совокупности образуют дуальную (от «дуаль» — двойной, двусоставный) или бинарную (от «би» с аналогичными значениями) модель Мира. В основе дуальной или бинарной модели Мира лежат вполне наглядные противоположности, усмотрение которых осуществляется легко и непринужденно. Во-первых, это усмотрение противоположности «своего» и «чужого» во внешнем человеку мире: «Жизнь и Смерть», «Живое и мертвое», «Человек (Люди) и Нелюдь». Во-вторых, это усмотрение естественных противоположностей внутри человеческого сообщества: «Мужчина и Женщина», «мужское и женское». Эти два ряда и составляют основания бинарной модели.

Первая из дипластий (дуалей) представлена противопоставлением человеческого всему нечеловеческому, некоторого «Мы» — «Они». Недаром большинство известных этнографии архаических племенных самоназваний означает на языке племени — «Люди». Создаются локативы «мира живых» или «мира живой жизни» и «мира мёртвых» или «мира мертвой жизни» (соответственно — мира людей и мира всяческой нежити). Мир живых благ и безопасен безусловно. Мир нежити — амбивалентен (двойствен), он может содержать в себе различные блага, но и

быть источником опасности; с ним, как было сказано, следует обращаться весьма осмотрительно.

В.Я. Пропп показал, что «мир мёртвых» представлен отнюдь не универсальными символами, они часто противоречивы и у разных народов — разные. Общим и универсальным является только само признание существования «мира мёртвых» [7].

У народов Приамурья «мир мёртвых» (который они называют «буни», «були» или «буки») во многом похож на «мир живых», умершие ведут там прежний образ жизни, но только в условиях, противоположных живому миру. Там Солнце светит тускло, а Луна — ярко, там день — как ночь, а ночь — как день, там небо тусклое, плотное и густое, как туман, зато земля подобна пару. В Буни то, что в мире живых — хорошее, становится плохим, целое — разбитым и изломанным, и — наоборот; поэтому одежду и утварь, которыми снабжают покойника в похоронном обряде, намеренно рвут или ломают. Словом, мир мёртвых — это зеркальное отражение мира живых, вернее — мир живых со знаком «минус», когда положительные характеристики сменяются на отрицательные.

По нашим разысканиям, в наиболее архаичных пластах праславянской и очень близкой к ней осетинской мифологии условия мира живых и мира мёртвых практически тождественны. Лишь в позднейших версиях этим мирам стали приписываться определенные различия.

В других мифологиях мир мёртвых более или менее отличается от мира живых. Различия могут быть пространственными, временными или (и) функциональными. Например, у скандинавов — два «мира мёртвых», подземный Нифльхельм и небесный Вальхалла, а мертвецы, их заселяющие, должны выступить на стороне разных мировых сил в Рагнарёке — последней битве перед концом мира. Древние греки различали

по глубине залегания два мира мертвой жизни: Аид и более глубокий Тартар. У некоторых приамурских народов имеются представления о последовательной цепочке мёртвых миров, числом до девяти (о смысле числового символа «девять» будет сказано в дальнейшем). Они различаются не столько пространственной разделенностью, сколько разными темпами протекания «мёртвой жизни» и разными сроками повторных умираний.

«Ел» — мир мёртвых (у ингушей и чеченцев) включает в себя и Ад и Рай с различной локализацией. Умершие ведут в них обычный земной образ жизни, но по делам своим в мире живых получают там возмездие: скряга в живой жизни становится собакой в мире мёртвых.

У марийцев мир мёртвых Кизмат разделён на оппозицию «Свет — Мрак»: на пути в Кизмат грешник срывался в мир Мрака, а праведник продолжал жить в светлой части своей обычной жизнью.

«Мир мёртвых» мог считаться располагающимся на Земле, в её выделенных местах: лесах, устьях рек, на островах и т. п. А мог быть и вне Земли, в «ином пространстве», которое иногда отождествлялось с подземным, а иногда — с небесным миром. В греческом, римском и некоторых других мифологических ареалах его помещали и на Земле, и вне её, отнюдь не видя в том противоречия: ведь дело состояло в конструировании символического, а не физического мира.

«Чужое» — это не только миры мёртвых (людей), но и мир нелюди и нежити, мир духов, призраков, химер, чудовищ. Локализация этого мира в мифах лишь отчасти совпадает с локализацией «мира мёртвых» в собственном смысле слова. Нежить и нелюдь могут заселять и мир мёртвых, но чаще всего они — представители «чужого» в «своём» мире. Не обязательно они происходят из мира мёртвых. Обычно они рождаются и сосуществуют с людьми в некотором общем пространстве. Встречи между ними

и людьми случались на границе обжитого и чужого миров. Этот класс мифических существ представлен символикой низшей демонологии. Они массовидны и лишены индивидуальности, хотя (видимо, позднее) из массовидных групп и выделялись индивиды, например, древнегреческие Химера и Горгона, приамурская Коори, славянский Переплут и др.

Таким путем определился круг парных (дуальных, бинарных) оппозиций, так называемых диад, символизирующих противопоставление «своего» и «чужого» в рамках противопоставления «Жизнь — Смерть» или «Живая — мертвая жизнь». Их этическая характеристика изначально равнозначна. Лишь в гораздо более поздних традициях, заимствованных и мировыми религиями с присущим им пессимизмом, ценность и этическая значимость «мертвой жизни» души признается более высокой, чем ценность «живой жизни».

Второе основание бинарных оппозиций — символика, связанная с половым диморфизмом человека, получила гораздо более сложную форму символизации. Её этическая характеристика также неоднозначна.

Половой диморфизм (различие между мужчиной и женщиной) неправомерно сводить только к сексуальным и детопродуктивным факторам, хотя они, безусловно, были достаточно очевидными. Но когда на этих различиях стала строиться символика Мира, сложился весьма разнообразный комплекс символов, структурирующих мир и по физиологическим, и по социальным, и по психологическим параметрам. В разнообразии этого комплекса было означено разнообразие форм полового общения, как межполового, так и внутрислового, между различными возрастными и другими категориями мужского и женского населения.

Традиционное представление о прямолинейной эволюции общества от стада с нерегламентированным общением

— через матриархат — к патриархату чересчур упрощенно и ныне полностью оставлено, сдано в архив. Первичными могут оказаться в разных сообществах как матриархальные, так и патриархальные отношения, и даже соседская община, в которой отсутствует полоролевая «архальность». К тому же отношения «архальности» (отношения социального верховенства) дополняются отношениями «локальности», то есть принадлежности брачной пары роду мужчины или роду женщины (стало быть, второй супруг не признается родственником у сородичей первого), а также «линиджа», то есть отсчетом родовой принадлежности детей по линии матери либо по линии отца, так что, например, в матрилинейных обществах наследниками брачной пары с патриархальными отношениями становятся не дети его жены, ибо они принадлежат чужому роду, а племянники — дети сестры. С этими отношениями могут совпадать, а могут и не совпадать отношения виrolатеральности (от «вир» — муж) и уксоролатеральности (от «уксор» — жена), то есть поселения брачной пары в доме мужа или в доме жены, принадлежащих соответственно патриархальному либо матриархальному роду. Так, например, в матриархальном роде возможны виrolатеральные отношения: пара селится в доме мужа, который, однако, принадлежит роду его матери, а муж в нём — чужак. Таким образом, межполовые и внутрисловые отношения носят столько же биофизиологический, сколько социальный характер, а набор символики и структуры мира определяет их взаимодействие.

Если оставить в стороне «латеральные» отношения, вообще чрезвычайно путающие полоролевые отношения, и то общество становится очень сложным, а характер взаимодействия отчасти совпадает, а во многом — и не совпадает с физиологическим детопроизводством.

Символика определяется и очевид-

ными детородными отношениями, и крайне запутанными социоструктурными. Так, возможны следующие структуры общества:

– матриархальные, матрилокальные, матрилинейные;

— матриархальные, матрилокальные, патрилинейные;

— матриархальные, патрилокальные, матрилинейные;

— патриархальные, патрилокальные, патрилинейные;

— патриархальные, матрилокальные, матрилинейные;

— патриархальные, патрилокальные, матрилинейные;

— патриархальные, матрилокальные, матрилинейные;

— окказиональные, то есть не регламентированные специально.

В зависимости от этого, символы, базирующиеся на половом диморфизме, приобретают разную этическую характеристику, к тому же и оцениваются по-разному глазами мужчин и глазами женщин. Как было сказано, общую картину сильно усложняют отношения виро-(уксоро-)латеральности [8].

Однако из всего многообразия отношений наиболее весомыми, вероятно, остаются отношения «архальности». Это и обеспечивает относительное единство системообразования бинарных оппозиций. Ко времени, когда был выработан символ «Мировое Древо» (эпоха неолита), патриархальные отношения все же приобрели наибольшую весомость.

В наиболее распространенных традициях с «мужским» отождествляется Добро, Жизнь, Людское, а с «женским» — Зло, Опасность, Смерть, Нежить. Однако эти же традиции демонстрируют, что представления о Душе (в той мере, в какой они сложились) связываются с «женским», а о смертном, подверженном страданиям, Теле — с «мужским». Такое толкование — древнее, чем символ Мирового Древа, и его бытование

показывают даже композиции позднего палеолита, на которых изображение гибнущего под ногами животного охотника-мужчины сопровождается символическим изображением женщины с чертами птицы.

Во многих известных мифологических традициях получила место следующая система бинарных оппозиций:

женское	мужское
правый край	левый край
низ	верх
красный	черный (белый)
опасный	безопасный
лес	дом
зверь	человек
дух	тело
слово	деяние
смерть	жизнь
горизонталь	вертикаль
круг	(фаллические мотивы)
(овал, угол)	крест, столп, пересечение
Север (Запад)	Юг (Восток)
Зло	Добро

Но эти соответствия не универсальны. В иных мифологиях возможны инверсии, этические характеристики могут смениться на противоположные, отдельные «пары» могут изменить рубрику. Так, в мифологии древнейших индоевропейцев (хеттов) с «женским» был связан «левый», «белый» и «верх», а с «мужским» — «правый», «черный» («желтый, синий») и «низ». «Верх» с «женским», а «низ» с «мужским» был связан у египтян. У приамурских народов трудно проследить какую-то закономерность в ориентации символов «мужского» и «женского» по вертикали, а символы Добра и Зла связаны более с возрастными, чем с половыми характеристиками. В частности, носителем разных доблестей может быть как третья (младшая) сестра, так и третий брат.

У китайцев, которые объединили диморфизм мужского и женского с учением

о единстве противоположностей «инь» и «ян», сложилась богатая и тонкая система взаимодополнительных символов, этическая оценка которых весьма неоднозначна:

мужское (ян)	женское (инь)
Небо (творчество, активность)	Земля (восприятие, исполнение)
Верх (верховенство)	Низ (подданность)
Восток, Юг (лето)	Запад, Север (зима)
Царь (явная власть)	Чародей (тайная власть)
Время	Пространство
Единство	Множественность, частность
Вертикаль	Горизонталь
Культура	Природа
Принцип (форма)	Пневма (дух, душа, суть)
Знание	Действие
Предвидение	Память
Нечётность, троичность	Чётность, двоичность и т.д.

Таким образом, общим для всех мифологий является сам факт структурирования мира по матрице бинарных оппозиций. Сама же конкретная рубрикация оппозиций весьма разнообразна.

Мифосимволы реализуют две модели представлений о взаимном расположении «своего» и «чужого». В первой — «чужое» пространственно удалено от «своего». В мифосюжетах (и происходящих из них текстах, например, в волшебной сказке, в богатырском эпосе, в свадебном и похоронном ритуале) сюжет, фабула и композиция мифомотивов разворачиваются вокруг идей достижения границ «чужого» и перехода через них и обратно, вокруг поиска способов сделать эти границы проницаемыми. Главная категория и тема таких текстов — пространство, путь, которые характеризуются как дальние, трудные, изобилующие неожиданностями и приключениями.

Другая модель — «чужое» начинается сразу же за границей «своего», ска-

жем, за порогом жилища и даже в особо опасных местах собственного дома: подполье, чердак, запечье и т.д. В этой модели границ между «своим» и «чужим» множество, они подвижны и могут пройти где угодно и когда угодно. Случаю, хотя есть особо пригодные для этого места — локусы — межа поля, опушка леса, изгиб рукава реки, порог, окно, стена против окна, баня, рига, овин; а также времена: полночь, полдень, солнцеворот и т. п.

В мифах и соответствующих символических текстах (быличках, заговорах, элементах родильной обрядности, народной фармакопеи) ставится задача, противоположная первой модели: достижение надёжности, непроницаемости границ, а крепкая, надёжно замкнутая граница между мирами — основной мифосимвол.

В некоторых мифологиях, в том числе у народов Приамурья, актуализируются обе модели. В мифосюжетах локусы границ (как естественные, так и искусственные: кладбища, могилы, покинутые дома, опасные детали жилищ) насыщаются повышенным эмоциональным и семантическим содержанием. Так, дальневосточные аборигены полагают, что если дом пустует трое суток, его неизбежно заселяет нежить.

Таким образом, во всякой развитой мифологии сложилась многообразная и подвижная система бинарных символов, постоянно меняющая свою структуру, так что в предельных случаях они могут потерять наглядность, а с нею — и символическую функцию. Задача символического упорядочивания мира требует скрепления и центрирования такой символической системы. Эта задача как раз и решается с помощью символа «Мировое Древо», оформившегося тогда, когда, в связи с неолитической революцией возникла угроза утраты наглядности бинарных моделей мира. Символ «Мировое Древо» и предъявляет сознанию упорядоченную, центрированную карти-

ну мира, отнесенную к человеку как к центру мироздания. Группируясь вокруг символа «Мировое Древо», бинарные символы образуют наглядную сеть и тем самым преобразуют модели Мира в его наглядную «картину». Перейти от модели к картине — функция этого мифосимвола. Правда, центр, организуя прежние

оппозиции вокруг себя, начинает играть определяющую роль в мифологической картине мира, а прежние бинарные оппозиции отступают на периферию мироздания. Бинарная, двоичная система превращается в тернарную, троичную.

Об этом преобразовании пойдет речь в следующей лекции.

Лекция вторая

Мировое Древо и основания тернарной картины мира

Вопросы:

1. Мировое Древо — композиционная основа мифологической картины мира
2. Варианты и эквиваленты Мирового Древа
3. Мифосимволы и мифомотивы, связанные с Мировым Древом

1. Мировое Древо (*Arbor Mundi*) — символ, появившийся, вероятно, на достаточно поздних этапах мифогенеза и присущий относительно развитым мифологиям с богатым набором бинарных оппозиций. Это может быть подтверждено тем, что для самых ранних традиций, восходящих к палеолиту и зафиксированных в композициях мадленского времени [9] просматривается система бинарных оппозиций, но отсутствует сколько-нибудь выраженный образ «мира как целого», который был бы представлен каким-нибудь символом.

В поздних мифологиях, видимо, начиная с неолита, такой символ есть. Он фиксируется в памятниках изобразительного искусства, а с начала письменности — и в древнейших текстах.

В качестве одного из древнейших письменных текстов, содержащих описание символа, можно привести упоминание о мифическом дереве «хулуппу» (ива?) из шумерской версии эпоса о Гильгамеше в песне «Гильгамеш, Энкиду и подземный мир»: «В его корнях змея, что не знает заклатья, гнездо

устроила, в его кроне птица Имдугуд птенца вывела, в его стволе дева Лилит дом построила» [10]. Дерево «хулуппу», согласно шумерскому мифу, восходящему по крайней мере к четвертому тысячелетию до нашей эры, взросло в мировом саду богини Инанны, которая у этого народа мыслилась как воплощение женского, животворящего начала (позже — как богиня красоты): «Мой отец дал мне небеса, дал мне землю. Небо он поместил как корону на мою голову, землю он поместил как сандалии на мои ноги» [11].

Символ «Мировое Древо» известен всем народам, чья мифология восходит к неолиту, а также к более поздним мифологиям, продолжающим неолитическую традицию. Он зафиксирован повсеместно на всём протяжении Евразийского материка от Испании до Юго-Восточной Азии, а также на памятниках доколумбовой Америки, Африки, Австралии и Океании. Широко представлен он у народов российского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Во всех известных мифологических традициях Мировое Древо произрастает в том локусе мифопространства, который символизирует Центр Мира, и потому выполняет функцию его Оси. В этом качестве оно и является символом структуры Мира, прежде всего — вертикальной. Символ «Мировое Древо» отчетливо членится на три вертикальные

части: крона, ствол, корни, являющиеся как бы тремя «ярусами» мироздания. Крона и корни символизируют «чужие» миры, верхний и нижний, а ствол — средний мир, где помещается «своё» наряду с «чужим». На границах «ярусов» происходят встречи «своего» и «чужого». Трёхчастной (трёхъярусной, триадичной, тернарной) структуре Древа отвечает тернарное членение картины мира. Крона — символ Неба (Ирья), ствол — символ Земли, корни — символ Подземного мира. То, что в древние времена (как, впрочем, и сегодня) человек не мог выразить в понятиях, он выразил в символе: если мироздание в каком-то отношении корреспондирует с деревом, значит — в этом же самом отношении — оно и означает через дерево, представлено им как символом. Символ — нагляден; человек к нему может как-то отнестись и каким-то образом отнести к нему все остальные символы, организовать их вокруг этого центрального символа.

Отнесение к миру совершается во всём многообразии планов, структурирующихся вокруг Мирового Древа как смыслового центра.

Таковы:

— в пространственном плане (по вертикали): на Небо, Землю, Подземный мир, Преисподнюю;

— в пространственном плане (по горизонтали): на страны света по отношению к центру, то есть на Север, Юг, Восток, Запад;

— во временном плане: на время до появления Мирового Древа — время первотворения, когда царили хаос и смешение признаков; и время после появления Мирового Древа — время упорядоченного Космоса, когда каждое качество и признак заняли в мироздании подобающее им место;

— в плане чередования временных циклов: день — ночь, время цветения и время умирания, прошлое — настоящее — будущее;

— в плане антропоморфизма, уподобления мира — дерева (макрокосма) человеку (микрокосму): крона — голова, ствол — туловище, корни — ноги, человекоподобие стало основой ориентации в мире;

— в плане параллелизма причинно-следственных отношений и их этической оценки: благоприятное — нейтральное — неблагоприятное; причинно-следственные зависимости приобретают этические характеристики, становятся символами Добра и Зла.

Вокруг символа Мировое Древо и его частей, символизирующих структурные элементы Мира, соорганизовались не только мифосимволы, но и фабульные мотивы мифов. Часть из них получила локализацию в кроне Мирового Древа, то есть на мифологическом Небе, другая — оказалась приуроченной к стволу (мифическая Земля), третья — к корням, то есть мифической Преисподней. «... Каждая часть Древа Мирового определяется особым пучком признаков» [12].

Мировое Древо — ставшая символом мысленная, идеальная конструкция. Поэтому в реальности Мировое Древо само нуждается в символическом представлении — в таких реальных деревьях, в образе которых человек мог бы почитать идею Мирового Древа. В мифологиях некоторых народов непосредственно выражено отличие между первичным символом — мифическим Древом и вторичным символом — конкретным деревом, символизирующим мифическое. Так, древние славяне представляли себе бога-громовика Перуна обитающим у мифического Мирового Древа; но в качестве символа такового установили культ «Перунова Дуба» — огромного старого дуба, росшего на острове Хортица. Это вовсе не должно было означать, что Хортицкий Дуб и есть Мировое Древо: он как бы представлял его, как у современных христиан икона, находящаяся в определенном месте, представляет вездесущего Бога.

Символом Мирового Древа могло служить вовсе не всякое, и не во всяком месте произрастающее дерево. Такое дерево должно относиться к породам особенно долгоживущих, с густой кроной и раскидистыми корнями, мощным, широким стволом — символами долгой жизни и величия. Это — дубы, ясени, лиственницы, кедры, сикоморы, баньяны, тиссы, баобабы. Но символизирующими могут служить и другие мотивы. Нередко — от Северной Америки до Скандинавии и Дальнего Востока — в качестве Мирового Древа выступала берёза как символ ритуальной чистоты, источник животворящего сока, которому подчас приписывались символические свойства. Случалось, что в качестве Мирового Древа могли выступать деревья, которым — им самим или их плодам — приписывалась особая сила плодородия или омоложения. Таковы яблони (вспомним миф о золотых яблоках из сада Гесперид, которые должны были вернуть силу молодости поверженным титанам), гранат, ореховое дерево, маслины. Отзвуком этого мифомотива может служить то, что плоды таких деревьев входят в состав угощения молодых на брачном пиру.

Разумеется, что разные народы, в зависимости от географических условий, создают символику Мирового Древа, избирая разные породы реальных деревьев. Иногда — как в случае с шумерским «хулуппу» или индусской «ашока» — их затруднительно отождествить с какою-то конкретной породой дерева.

Другой символаобразующий мотив — выделенность местоположения, которое делает данное дерево пригодным для ориентировки. Но в этом случае (как это произошло с Перуновым Дубом на Хортице) на символизацию накладываются требования религиозного культа, что выходит за рамки нашего спецкурса. Отметим только, что таких культовых символов у одного народа может быть

несколько — в зависимости от количества мест, где происходит отправление культа.

2. Если деревья стали символами Мирового Древа не по мотивам величины, пышности или долголетия, а по более частным признакам, возникает перерождённый символ, представляющий не весь пакет идей, а лишь какую-то частную мировую идею. Таковы Древо Познания и Древо Жизни, упомянутые в Библии, Древо Смерти (вспомним пушкинский «Анчар») и китайское Древо Бессмертия (персик), Древо Милосердия, Древо Восхождения и Древо Нисхождения, Древо Молодости, Древо Желаний и т. д. Особую роль играет Шаманское Древо, о чём пойдёт речь в следующей лекции.

Функции символа «Мировое Древо» реконструируются из памятников изобразительного искусства, ритуальных действий, фольклорных и литературных текстов. Они оказываются общими для огромного числа традиций, существующих повсеместно. Стоит, однако, заметить, что различие между Мировым Древом в собственном смысле слова и его вырожденными вариантами проводится не слишком отчётливо. В народном менталитете они слабо дифференцируются, как бы объединяясь в едином символе, которому в каждом случае по мере необходимости приписываются (или в котором акцентируются) те или иные функции из их общего пучка.

Такой суммарный, недифференцированный символ иногда называют «Космическое Древо». Приведем несколько текстов.

Мы встретились с таким символом в галицийском фольклоре (даём текст в переводе на русский язык):

Когда ещё не было начала света,
Ещё не было ни неба, ни земли,
А только и был огромный остров,
На том острове — могучий явор,
На явороньке — три голубонька.

Далее говорится о том, как «голубоньки» в клювах нанесли землю — образ творения, весьма широко распространенный во многих и очень разных традициях.

В одной древнерусской рукописи, отрывок из которой приведён А.П. Щаповым, говорится:

«Вопрос: Скажи мне, что держит землю? Ответ: Вода высока. — Да что держит камень? — Четыре золотые кита. — Да что держит золотых китов? — Река огненная. — Да что держит тот огонь? — ... Дуб железный, еже есть первопосажен от всего же, корение на силе Божьей стоит» [13].

В. Даль приводит загадку: «Стоит дуб — стародуб, на том дубе — стародубе сидит птица — веретеница; никто её не поймает: ни царь, ни царица, ни красная девица» [14].

Со слов нанайской сказительницы Е.Д. Самар записана сказка «Илан сиун, ялоан тудге тэлунггуни» («О трех солнцах и Мировом Древе Жизни»). Герой сказки Гуранта «шёл, шёл и увидел огромное дерево от земли и до неба. Посмотрел на крону, а там столько маленьких птичек, столько разных птиц, когда они взлетают, то закрывают солнце, когда полетав, начинают садиться, снова закрывают солнце. Нашел Мировое Древо Жизни, ялоан тудге! / . . / Видит Гуранта у корня Мирового Древа Жизни одного Человека, спина его крепко-накрепко прилеплена к Мировому Древу Жизни... Когда небесный Бог создал Мировое Древо Жизни, прислал — создал этого Человека «хозяином — сторожем» этого Древа.» [15].

Ульчский вариант Мирового Древа также акцентирует связь его с человеком и идеей Первопредка — мотив, встречающийся у многих народов: «Было одно дерево. То дерево называлось пихта. В дереве жил один парень — звался Кондолину. Был один кедр. В корне этого дерева красавица жила. Ту красавицу

звали Аджуа» [16]. Кондолину и Аджуа стали предками человечества.

Из более поздних и чисто литературных реминисценций на тему Мирового Древа напомним о пушкинском Зеленом Дубе у Лукоморья — обиталище Кота Учёного, хранителя сказок, о волшебном дереве, упомянутом Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: «Есть где-то, в какой-то далёкой земле такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и бог сходит по нём на землю ночью перед светлым праздником».

Таким образом, в сознании народов, знающих символику Мирового Древа непосредственно или в виде реликта, складывается общий недифференцированный его образ.

Символика структуры Мира представлена не только Мировым Древом. Аналогичные функции выполняют его многочисленные эквиваленты: Мировая Гора, Мировая Ось (Oxis Mundi), Мировой Столп, Мировая Башня, Мировой Крест и др. Эти символы нередко претерпевали не только вторичную символизацию, когда, скажем, Мировую Гору символизировала некая конкретная гора (Олимп в Древней Греции, Эльбрус на Кавказе, Фудзияма у японцев, пять священных гор у китайцев, Джомолунгма — Эверест у буддистов, Ту-моу'а у полинезийцев и т. п.), но и, так сказать, «третичную», когда Мировую Гору символизировали созданные руками человека сооружения: пирамиды в Египте, зиккураты в Месопотамии, китайские пагоды, христианские и мусульманские храмы, и даже детали жилищ (скажем, чума) выступают как символы эквивалента Мирового Древа. Нетрудно понять поэтому, в силу каких мотивов храмовая символика оказывается параллельной и Горе, и Древу.

Мировая Гора эквивалентна Мировому Древу как символ трёхчленной вертикальной структуры мира. Её вершина символизирует Верхний Мир (Небо и совпадает с Осью Мира, упирающейся

в Полярную звезду), её основание проходит через центр Земли («пуп Земли») и символизирует, подобно стволу Древа, Средний Мир (Мир людей и зверей), и она уходит глубоко в Преисподнюю, в Нижний Мир. Символ Мировой Горы может заменить собою символ Мирового Древа, как это имеет место, например, в нивхском сказании:

«... Море только было . . .
/. . / Потом из моря гора родилась.
Потом из моря земля родилась,
Под кочкой две синицы жили . . .» [17].

Эти синицы дали начало нынешнему поколению людей после мировой катастрофы.

Мирчо Элиадэ [18] считает, что символ Мировая Гора — основной структурообразующий символ, а Мировое Древо — лишь его дополнение.

Однако распространенность этого символа несколько меньшая, и при этом можно видеть, что идея Мировой Горы тяготеет к нескольким центрам: она вышла из Двуречья или Индии, так что можно проследить её диффузию. Нередко эти два символа переплетаются, например, Мировое Древо произрастает на Мировой Горе или прорастает сквозь неё. Как Древо, так и Гора являются Осью Мира, хотя возможен мифосимвол Оси и как автономный: в мифологии догонов Ось, изготовленная из железа, соединяет по вертикали 14 расположенных друг над другом миров.

Сходную функцию выполняет и Мировой Столп, являющийся одновременно и Центром, и Осью Мира, и, подобно Горе, служащий опорой мироздания. У народов Севера и Дальнего Востока этот символ связан с Полярной звездой, но вторично символизируется со столбом, установленным в центре их жилищ. Ненцы и айны, а также горные алтайцы, буряты, тувинцы-сойоты, народы Северной Америки — алгонкины, майдус, патуин — считают центральный столб священным

и совпадающим с Мировым Столпом, у его подножия совершаются ритуальные действия. Известен такой столб и в русском крестьянском жилище, и в домах поморов. Там, где архитектурно центральный столб не получил места, его функции выполняет дымовое отверстие. Мировой Столп был известен древним германцам и финно-уграм.

Мифосимвол «Мировой Крест» намного древнее христианства и дополнительно символизирует и развилку пути, выбор. Мировой Крест иногда воспринимается как «Крестное Древо». В частности, в иудео-христианстве обыгрывается тонкая символика Мирового Креста в связи с Мировым Древом: в Завете, данном Богом израильтянам, говорится, что «проклят повисший на дереве». На дереве оказались повисшими и Иисус, и Иуда; оба они — хотя и по-разному — несли на себе проклятие Адамово, а деяния обоих были частью замысла спасения человечества, составленного Отцом Небесным. На эту тему имеется немало богословских трактатов, создано множество произведений искусства, наиболее известное из которых — опера Э.Л.Уэббера «Иисус Христос — Суперзвезда».

3. К зонам Мира, представленным частями Мирового Древа, его вариантов и эквивалентов, приурочены целые пучки символов. Прежде всего Древо (а также и Гора) реконструируется как некое изначально женское (рождающее, а не зачинающее) первообразование.

Символика Мирового Древа, по мнению ряда исследователей, сопряжена с символами Женщины (хозяйки Древа или Горы), Источника, Молока, Плодов, а Гора (и Пещера в ней) — и с символикой Мировых Родов.

К кроне дерева (или вершине горы) приурочены птицы. Это, как правило, могучие птицы: орел, грифон, символизирующие небесные силы, или птицеподобные мифические существа, например, шестикрылые серафимы. У нанайцев,

ульчей, ороков, а также орочей и удэгейцев это птица Коори (Кори, Хоори). Коори — гигантская птица с железным оперением, чем она напоминает греческую Гарпию. С Коори связана символика родовых именовании, шаманы вырезают её изображения на ритуальных деревьях. У русских это — птица Вострогор (Острогор); в самом её названии ощущается семантика вершины и горы. «Вострогор — вот птица — всем птицам птица», — говорится о ней в былинах.

Если могучие птицы отнесены к вершине, то к ветвям — малые пернатые, они изображаются сидящими симметрично относительно ствола. Это — символы душ, а у народностей Приамурья — даже и нерождённых душ, зародышей людей и животных — «оми». Нанайцы помещают оми во владениях небесной Омсонмамы, покровительницы деторождения, у орочей покровителями оми являются две «старухи» — тигровая и медвежья. Эвенки отождествляют вершину дерева, на ветвях которого располагаются оми, со звездой Чолбон (Венерой). Оми обычных людей живут там в облике синичек, а оми шаманов — в облике перелётных птиц.

Во многих мифологиях (причем у народов, не вступавших в культурные контакты) с кроной сопоставляются копытные, символизирующие солнце, а нередко и почитаемые первопредками. У славян с кроной соотнесён солнечный бык, а также олениха (веверица) — подалница человеческих детей. Признаками копытного — оленя или лося — обладают Калгаму (духи в мифологии нанайцев и соседних народностей), покровительствующие охоте и живущие в кроне Мирового Древа.

Со стволом («Средним миром») связаны люди, кони и копытные (кроме небесных). Они, как правило, в изобразительном искусстве помещаются в симметричные композиции по обе стороны ствола.

Корни — обиталище змей, домашнего скота и его змееногих божеств. Последние хранят и несметные сокровища — золото, серебро, драгоценные камни. Их функция двойственна: это — и богатство, и символы смерти (как и жемчуг в хранилищах морских божеств). Сравните в «Евгении Онегине» Пушкина:

« Там мужики-то все богаты,
Гребут лопатой серебро
И злато.» Но сулит утраты
Сей песни жалобный напев:
Милей «Кошурка» сердцу дев.
[«Кошурка» — подблюдная песня:
«Зовёт кот кошурку в печурку
спать»].

Со всеми зонами Мирового Древа так или иначе связан символ Женщины. В индоевропейских мифологиях женщина внизу у ствола или в корнях — это символ Рождения или Воскресения. В мифах разрабатываются мотивы освобождения женщины в результате космической битвы между небесным и подземным богами. В змееборческих мифах, распространённых весьма широко, небесный бог — громовик побеждает своего соперника, сбрасывает его в подземные глубины, освобождая женщину, или живительный источник, или утаённое стадо.

Змеевидность, змееность либо другое змееподобие — признак так называемой «хтоничности», то есть порожденность тёмными глубинами Земли или Подземных миров.

В системах мифосимволов у разных народов возможны вариации, но не слишком многочисленные. Так, небесный олень или лось могут трансформироваться в созвездия. В таких мифологиях возникает мотив преследования лося (оленя) небесным охотником — символ смены дня и ночи. У эвенков и нанайцев есть такой миф о небесном лосе Хеглене, которого преследует первопредок — охотник Манги.

Очень широко распространён мотив души дерева в облике женщины, скажем,

древнегреческой дриады. Есть и своеобразная приамурская дриада по имени Дуннэ или Дуннэ мусун — дух-хозяйки леса.

В стволе Мирового Древа (чаще — в стволе берёзы) у нанайцев обитают «мудрые» старик и старуха. Есть вариант, когда ствол непосредственно переходит в серебрянную женщину. На берёзе рождён культурный герой приамурских народов Хадау — прародитель шаманов. У якутов Мировое Древо трансформировалось в Древо Рода «Аал лук мас». Его материальный символ — отдельно стоящая старая берёза или лиственница. В древе живёт хозяйка Ан дархан хатун, а на ветвях играют духи её детей — «эреке-джерек».

Мировое Древо, как видно из изложенного, тесно связано с женским, родовым началом. Но прослеживается и косвенная связь с мужским началом, символизируемом через вертикальную структуру мира. Она выражается не «телом», а числовым символом.

Вокруг Мирового Древа складывается строгая числовая символика. Структура мира по вертикали — троична; число «три» стало сакральным символом мужского начала, а подчеркнутая стволем вертикаль — напряженного мужского плодородия, Фаллоса или Приапа.

Всякая нечётность отождествляется с мужским, а там, где она приписывается женскому персонажу, она представляет зло и болезнь.

Такова, например, славянское Лихо Одноглазое — зловредная женщина гигантского роста. Одноглазость или трёхглазость приписывается богатыршам, воительницам — мужеборкам, например, победительнице Ильи Муромца Златогорочке, девке Северьяничне, а также плоду от их брака — богатырю Подсокольнику, тоже победившему неузнанного отца — один из распространённых мотивов в индоевропейской мифологии, не зафиксированных у приамурских племен, но

встречающихся у их тибетских соседей — божества «тхеуранг».

Женское, горизонтальное членение представлено числовым символом «четыре»: мифологические «четыре стороны», четыре страны света и т. п. Значительно реже символизируется число «пять» — единство четырех сторон относительно центра и вместе с ним.

«Три» и «четыре» становятся символами мироустройства. Аналогичные функции выполняют их сумма или произведение. Возникает перечень сакральных цифр и чисел: «семь» (3 + 4), «девять» (3 x 3), «двенадцать» (3 x 4), «шестнадцать» (4 x 4) и кратные им. Отсюда: семь глав змея, семёрка главных богов, семь тучных и семь тощих лет, мотив семи испытаний; «девять» — или даже «три — девять» — символ далеких расстояний, ср. «через три-девять стран, в три-десятом государстве»; 12 месяцев, 12 лихоманок и т. д. Вообще, переизбыток над священным числом («тринадцать», «три-десять») — воплощение зла.

Напротив, недостаток на единицу может быть и благотворным там, где речь идёт о добром женском начале: на Древе Жизни у якутов восемь ветвей, функцию девятой выполняет высунувшаяся из ствола Женщина, выкормившая Первочеловека.

Нанайцы часто исполняют свои сэвэны с семью или девятью наверхиями. Числовые характеристики Мирового Древа могут и дублироваться: у биранских эвенков — три Мировых Древа, по одному в каждой зоне.

Нам остается отметить некоторые своеобразные инверсии в картине мира, скомпонованной вокруг символа «Мировое Древо». Когда оно выступает в качестве Древа Познания или Древа Жизни, оно оборачивается кроной вниз, а корнями — вверх. Такое перевернутое дерево иной раз инвертирует и этические характеристики. Так, у айнов Кануй мосири — Нижний мир, в отличие от Верхнего,

населён хорошими людьми, но они там ходят вверх ногами.

Своеобразную инверсию передаёт уже упоминавшийся нанайский миф «Илан сиун». . . . Здесь «громовержец» направляет грома-стрелы не сверху — вниз, а снизу — вверх, так как он истребляет не земное зло, а небесное — лишние солнца, опаляющие землю.

Мотив истребления лишних солнц (а во многих мифологиях ощутима тесная связь и взаимопереход мифосимволов «солнце» и «глаз») фигурирует не только у нанайцев. Несколько вариантов это-

го мифа обнаружены нами в фольклоре славянских областей, особенно у южных славян. Отзвук этого мотива имеется в «Слове о полку Игореве». Только у славян нам известны пародийные мифосюжеты о том, как небесное население то хитростями, то прямым насилием препятствует женитьбе Солнца: из боязни, что тогда народится многочисленное солнечное потомство и сожжёт Землю.

Такого рода мифосимволами и мифосюжетами можно объяснить и некоторые свадебные и календарные обряды.

Примечания

1. Зинченко, В. П. Человек развивающийся : Очерки российской психологии. Программа «Обновления гуманитарного образования в России» / В. П. Зинченко, Е. Б. Моргунов.- М., 1994. – С. 291.
2. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени. – М., 1994. – С. 166.
3. Там же. – С. 44.
4. Общее решение проблемы взаимоотношения символа и ритуала см. в книге: Тэрнер, В. Символ и ритуал. – М., 1983. – С. 32-46.
5. Лотман, Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности. – 1981. – С. 4. – (Ученые записки / Тартус. гос. ун-т ; Вып. 5) ; Байбурин, А. К. Ритуал: Своё и чужое // Фольклор и этнография : сб. науч. тр. – Л., 1990. – С. 4-6.
6. Байбурин, А. К. Указ. работ. – С. 4-5.
7. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1946. – С. 266.
8. О них, в частности, см. указанную кн. В.Тэрнера
9. См. по этому поводу кн. : Столяр, А. Д. Происхождение изобразительного искусства / А. Д. Столяр. – Новосибирск : Наука, 1988.
10. Крамер, С. Н. История начинается в Шумере : пер. с англ. / С. Н. Крамер. – М. : Наука, 1965 ; имя «Имдугуд», означающее «буря – ветер», в более поздних переводах читается «Анзуд» или «Зу».
11. Цит. по: Голан, А. Миф и символ. – 2-е изд. – М., 1994. – С. 157.
12. Топоров, В. Н. Древо Мировое // Мифы народов мира : энциклопедия. : в 2 т. – М., 1991. – Т. 1. – С. 400.
13. Щапов, А. П. Исторические очерки народного миросозерцания и суеверия // Щапов, А. П. Сочинения. – СПб., 1906. – Т. I. – С. 103 ; цит. по: Евсюков, В. В. Мифы о Вселенной. – Новосибирск, 1988. – С. 146.
14. Даль, В. Пословицы русского народа. – М., 1984. – Т. 2. – С. 361. Ответ: Земля, Небеса, Солнце, Луна, Звезды
15. Ритуальная скульптура нанайцев (Из собрания Музея) : каталог / Комсомольский н/А Музей совет. изобразит. искусства ; авт.-сост. Т. А. Кубанова ; пер. мифов с нанайс. Е. Д. Самар. – Комсомольск н/А. – 1992. – С. 141.
16. Золотарев, А. М. Родовой строй и религия ульчей. – Хабаровск, 1939. – С. 167.
17. Крейнович, Е. А. Нивхгу. – М., 1973. – С. 329.
18. Элиадэ, М. Космос и история. – М., 1987. – С. 152-158.

Продолжение в следующем номере.

Предисловие к публикации материалов польского этнографа и антрополога С.Ф. Понятовского (1884-1945 гг.)

Гончарова Светлана Владимировна,
старший преподаватель Хабаровской государственной академии экономики и права,
кандидат исторических наук

Неизвестная этнографическая экспедиция

В 60-х годах двадцатого века в архиве университета города Вроцлав (Польша) были обнаружены материалы по антропологии и этнографии коренных народов Приамурья. Документы принадлежали Станиславу Францевичу Понятовскому (1884-1945 гг.) — польскому этнографу и антропологу, который в 1914 году провёл исследования среди коренных народов Нижнего Амура в рамках международного научного проекта по изучению проблем этногенеза коренных народов Восточной Сибири и Северной Америки.

На рубеже XIX—XX веков антропология как наука находилась на стадии становления: не было создано общепринятой теоретической базы, единых исследовательских методик, разработанные классификации вариаций современных человеческих популяций были во многом противоречивы и часто носили расистский характер. Недостаточно было данных об этногенезе и путях расселения человечества. В связи с этим вся первая половина XX века была посвящена разработке основных антропологических параметров, характеризующих человека как биологический объект.

В этот период антропологов, лингвистов и этнографов из разных стран волновала гипотеза о возможном родстве североамериканских индейцев и народов Сибири. На двух континентах были проведены широкие этнографические исследования [1]. Результаты экспедиций

среди народов Восточной Сибири и северо-западной Америки выявили существование между этими народами культурных связей. На основании собранных материалов была выдвинута гипотеза об азиатском происхождении американских индейцев. Ученые предполагали, что оба континента некогда составляли единое целое, что делало возможным проникновение человека в древности из Азии в Америку [2]

«Однако культурные связи сами-то по себе не могли служить достаточным основанием вышеуказанной гипотезы, учитывая возможные заимствования. В равной степени и установление физического родства между сравнительно близко живущими чукчами и коряками, с одной стороны, и индейцами северных тихоокеанских побережий, с другой, не могло стать достаточно сильным аргументом против принятой некоторыми авторами возможности прибытия этих народов в Азию из Северной Америки. Зато гораздо более важным для упомянутой гипотезы было бы установление физического родства между американскими индейцами и сибирскими народами, проживающими вдали от них» [3]. Алеш Хрдличка [4], автор этой гипотезы, планировал провести целую серию экспедиций в разные районы Восточной Сибири и российского Дальнего Востока с целью сбора антропологического и этнографического материала, подтверждающего его предположение. К выполнению поставленных задач он привлёк молодых польских учёных С. Понятовского и К. Столыхву [5], с которыми встретился в Варшаве, перед отъездом в экспедицию по Сибири.

Первоначально проведение исследований С. Понятовского было запланировано на 1913 год, позднее сроки были перенесены на весну 1914 года. Одной из причин, повлиявших на изменение планов, была необходимость в изучении новейших методик антропологических исследований, в частности, метода изготовления гипсовых масок с живого человека. Для обучения он должен был встретиться с известным чешским учёным, профессором И. Матейка [6]. За неделю пребывания в Праге Станислав Францевич научился делать маски, а

также получил от А. Хрдлички специальные инструменты для проведения антропологических измерений.

После долгих сборов при содействии американского Национального Музея польский учёный выехал в свою первую крупную антропологическую и этнографическую экспедицию в начале мая 1914 г. Основные исследования, определенные Смитсоновским институтом [7], должны были охватить гольдов [8], орочен [9], гиляков [10], ольчей [11] и выявить наличие культурных связей между народами Америки и Азии. Целью экспедиции был сбор материалов, подтверждающих гипотезу А. Хрдлички, главным образом, «поиск среди тамошних туземных народностей физических типов, родственных американским индейцам» [12]. По продолжительности поездки должна была длиться от полутора до двух месяцев, на изучение каждой этнической группы отводилось по три недели.

Научное оборудование экспедиции включало в себя два комплекта антропологических инструментов (присланный А. Хрдличкой и личный набор учёного, привезённый им из Швейцарии), два фотографических аппарата, 480 фотопластин Agla размером 12 x 16,5 и 13 x 18 см, 36 плёнок. Кроме того, фотохимикаты и маленькая темная палатка для затемнения во время смены фотопластин.

Путешествие Станислава Понятовского началось с Петербурга, где он посетил русское географическое общество, а так же познакомился с известными российскими учёными Э.К. Пекарским [13] и Л.Я. Штернбергом [14]. Последний дал рекомендательное письмо и посоветовал польскому исследователю обратиться за помощью в организации экспедиции к В.К. Арсеньеву, директору музея в Хабаровске [15]. Дальнейший путь из Петербурга занял две недели. Станислав Понятовский проехал по российским железным дорогам через Вятку, Пермь, Челябинск, Омск, Красноярск, Иркутск, Владивосток и Никольск-Уссурийск.

Конечным пунктом его маршрута был город Хабаровск, где к этому времени существовал научный центр — Приамурский отдел императорского русского географического общества, музей и би-

блиотека [16]. Члены отдела вели разноплановые исследования не только в Приамурье, но и на всей территории российского Дальнего Востока. Значительную роль в работе ПОИРГО (1906—1918) играли экспедиции и исследования В.К. Арсеньева, который к 1914 г. уже был известен как признанный знаток Приамурья и на общественных началах исполнял обязанности директора Гродековского музея [17]. Опубликованные работы, накопленный научный потенциал сделали имя Арсеньева известным не только в стране, но и за рубежом. Можно сказать, во многом встреча двух исследователей была predetermined, а дружеское расположение, общность научных интересов, взаимный обмен информацией послужили основой для дальнейших плодотворных контактов.

Днём третьего июня они впервые встретились в музее. Перед Понятовским стоял худощавый человек немного выше среднего роста, лет сорока, с лицом суровым, но очень симпатичным. Польский учёный вручил В.К. Арсеньеву рекомендательные письма от Русского географического общества и Л.Я. Штернберга. «Дорогой Владимир Клавдиевич, — писал Лев Яковлевич, — податель сего польский антрополог Станислав Понятовский едет на Амур для антропологических измерений. Очень прошу Вас оказать своё товарищеское содействие своим опытом, советом и связями. В свою очередь, быть может, г. Понятовский будет и вам полезен своими знаниями и антропологическим опытом» [18].

Арсеньев тепло принял польского учёного и согласился помочь в проведении запланированных исследований в Приамурье. Он познакомил Понятовского с историей возникновения Гродековского музея и его экспозицией. В большей степени польского учёного заинтересовал отдел этнографии, в котором подавляющее число экспонатов было собрано самим В.К. Арсеньевым во время его экспедиций по краю. Наиболее полно в экспозиции были представлены коллекции по материальной и духовной культуре орочей и удегейцев [19].

Большой интерес польского учёного вызвали опубликованные работы

В.К. Арсеньева и составленные им подробные карты Уссурийского края. Русский исследователь обстоятельно отвечал на вопросы польского коллеги и даже составил небольшую этнографическую карту Уссурийского края с прилагающейся объяснительной запиской [20]. Особенно поразили польского исследователя дневники русского путешественника. Это были подробные полевые записи, включавшие разносторонние сведения о географии, населении, истории, растительном и животном мире Приамурья. Скрупулезность ведения рабочих материалов, вдумчивость Арсеньева, его педантичность поразили Понятовского, получив высокую оценку – «капитальные дневники !!» [21].

К подготовке экспедиции польского учёного В.К. Арсеньев привлёк И.А. Лопатина [22], хорошо знавшего район предстоящей экспедиции. Был разработан план совместных антропологических, этнографических исследований среди нанайцев и орочей. В свою очередь Понятовский познакомил дальневосточных исследователей с новейшими методами, применяемыми в антропологии. Позднее, закупив гипс и все необходимые материалы, польский учёный на практике показал технику изготовления масок, проведя показательный урок по краниологии [23]. Несколькими днями позже под руководством Станислава Францевича, Лопатин изготовил маску с лица Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Вновь встретившись, шестого июня исследователи обсудили и уточнили план предстоящей этнографической экспедиции. Следующие две недели заняла подготовка к полевым исследованиям, и только пятнадцатого июня экспедиция выехала из Хабаровска в Сикачи-Алян на моторном катере [24]. В состав экспедиции вошли жена Лопатина Любовь Григорьевна и ученики Хабаровского реального училища: Евгений Воропаев, Николай Делле и Григорий Стрижевский.

Исследования проводились в следующих населённых пунктах [25]:

1. Сикачи-Алян (нанайское стойбище на правом берегу реки Амур, в 72 км от г. Хабаровска) с 16 июня по 4 июля;

2. «Нижнее Мари» (нанайское стойбище «на левом берегу протоки Мари») с 4 по 9 июля;

3. «Муху» (нанайское стойбище «на правом берегу протоки Орэ») с 9 по 11 июля;

4. Дада (нанайское стойбище ниже по той же протоке) с 12 по 14 июля;

5. Даерга (нанайское стойбище «на правом берегу Гардамской протоки») с 14 по 15 июля;

6. Найхин (нанайское стойбище «на правом берегу протоки Докэ») с 15 по 17 июля;

7. «Торгон» (нанайское стойбище, «расположенное на двух островах ближе к правому берегу реки Амур») с 17 по 20 июля;

8. Троицкое (русское село в 209 км ниже г. Хабаровска, основано в 1859 г.) с 20 по 21 июля;

9. «Баркас — баочан» (нанайское стойбище «на правом берегу реки Амур») с 21 июля;

10. «Мынгэн» (нанайское стойбище «на острове с правой стороны реки Амур») с 22 по 26 июля;

11. В ороchonских селениях на реке Хунгари исследования проводились с 26 по 31 июля;

12. Вознесенское (русское селение в 361 км от г. Хабаровск, основано в 1864 г.) с 1 по 2 августа;

13. Среднетамбовское (русское селение, основано в 1860 г.) с 5 по 7 августа.

В начале августа исследования были прерваны начавшейся первой мировой войной. После завершения экспедиции в Хабаровске С. Понятовский рассказал В.К. Арсеньеву о проведённых исследованиях и обратился с просьбой оказать содействие в отправке собранных им коллекций [26]. Учёные запланировали в следующем году встретиться вновь и провести совместные исследования среди удэгейцев. Перед расставанием В.К. Арсеньев подарил польскому коллеге свои печатные работы: доклад «Вымирание инородцев Амурского края» и «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края» [27].

Между тем август 1914 года был знаменателен для этнографии Приамурья, в Хабаровске в силу обстоятельств встретились и обсуждали проблемы эт-

нографических исследований венгр Б. Баратози, поляк С. Понятовский и русский В.К. Арсеньев. Приамурский край всё ещё оставался малоизученным в этнографическом отношении, поэтому учёные строили планы совместных исследований после окончания войны.

К сожалению, начавшаяся первая мировая война и последующие события не позволили осуществиться планам, связанным с проведением совместной этнографической экспедиции. Сохранившаяся переписка Арсеньева с Понятовским свидетельствует, что в их отношениях проявился характер подлинного научного сотрудничества, взаимно обогащавшего обоих учёных [28]. Уже из Польши учёный написал письмо с распоряжением, касающимся оставленных им в Хабаровске коллекций [29]: «будьте добры, выслать в Америку два ящика и один пакет /длинный, в полотне/ с этнографическими коллекциями. Вышлите, пожалуйста, на счёт получателя National Museum in Washington. Что касается двух жёлтых сундуков /S.P. I, S.P. II/ и большого ящика с гипсом, то, если возможно, пусть всё это пока остаётся у Вас в музее до распоряжения Dr. Ales Hrdlicka, curator of the Division of physical Antropology in United States National Museum? Washington D.S., ... [30].

По возвращению в Польшу Станислав Понятовский был занят обработкой обширного этнографического материала. Проведённые им антропологические измерения, фактически не подтвердили

гипотезу о физическом сходстве восточносибирских народов и североамериканских индейцев [31]. Позднее в 1923 году выходит его небольшая работа «Материалы к словарю амурских гольдов» [32].

Начало Второй мировой войны стало Станислава Понятовского в Варшаве. Десятого ноября 1942 года он был арестован гестапо и заключен в концлагерь. По последним данным, полученным польским исследователем А. Кучинским, датой смерти С. Понятовского следует считать восьмое января 1945 года.

К сожалению, военные действия не только привели к значительным человеческим потерям, но и нанесли большой урон архивным фондам, собраниям библиотек и коллекциям музеев. Безвозвратно исчезли многие документы, в том числе и имеющие отношение к С. Понятовскому, его научному наследию.

Как отмечает профессор А. Кучинский в 1966 году «дневник экспедиции в несовершенно виде был опубликован на страницах польского журнала «Lud» [33]. В архиве Польского этнографического общества во Вроцлаве хранятся многочисленные документы и коллекции, относящиеся к исследованиям С. Понятовского в Приамурье, не введённые в научный оборот до настоящего времени [34]. Между тем, собранные в экспедиции 1914 года материалы польского учёного и сегодня остаются ценным источником по этнографии и антропологии народов Нижнего Амура.

Примечания

1. Богораз В. Г. (1865-1936), Иохельсон В. И. (1855-1937) этнографы, исследователи культуры народов Крайнего Севера. Приняли участие в работе экспедиции Сибирякова (1895-1897) и Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции (1881-1908) по изучению культурно-исторических связей Северо-Восточной Азии и Северной Америки.
2. В настоящее время первое проникновение человека из Азии на американский континент датируется учеными периодом 12-15 тысяч лет назад.
3. Poniatowski, S. Dziennik wyprawy (do kraju goldow i oroczonow w 1914 roku) // LUD T. L. – Wroslaw, 1966. – S.7.
4. Хрдличка Алеш (1869-1943), американский антрополог. По национальности чех. Основные труды по палеоантропологии и расоведению.

Автор теории азиатского происхождения индейцев Америки, обосновал неандертальскую стадию в эволюции человека.

5. Столыхва К. летом 1913 года выехал в экспедицию по Енисею.
6. Матейка (Matiegka) И. (1862-1941), чешский антрополог. Основные труды по краниологии, соматологии и антропологии людей позднего палеолита на территории Чехословакии.
7. Смитсоновский институт основан в 1846 г. в Вашингтоне (США). В состав института входят астрофизическая обсерватория, Национальный зоологический парк, Национальный музей, Национальная галерея и др.
8. Нанайцы (устаревшее название — гольды). Народ, преимущественно проживающий на

территории Хабаровского края, в бассейне рек Амур и Горин. Нанайский язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам.

9. Орочи (орочены – неверное название, под которым в литературе XIX в. подразумевались удэгейцы, а так же орочи). Народ проживающий, на юге Хабаровского края, в низовьях реки Тумнин, на реке Копи и побережье Татарского пролива. Орочский язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам.

10. Нивхи (устаревшее название — гиляки). Народ, проживающий в низовьях реки Амур (Хабаровский край) и на острове Сахалин. Нивхский язык не классифицирован в настоящее время.

11. Ульчи (устаревшее название — ольчи). Народ проживающий, в Хабаровском крае, ниже по течению Амура от района расселения нанайцев. Ульчский язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам.

12. Poniatowski, S. Dziennik wyprawy (do kraju goldow i oroczonow w 1914 roku) // LUD T. L. – Wroslaw, 1966. – S.7.

13. Пекарский Э. К. (1858-1934) – языковед, этнограф, фольклорист. Составил фундаментальный словарь якутского языка; работы по этнографии якутов и эвенков.

14. Штернберг Л. Я. (1861-1927) выдающийся этнограф и лингвист, профессор Петербургского университета, член-корреспондент Российской Академии наук. Основные труды по этнографии народов Сибири, Дальнего Востока и первобытной религии.

15. Арсеньев В. К. был директором Хабаровского музея в 1910-1919, 1924-1925 гг.

16. Приамурский отдел русского географического общества был основан в 1894 г. в городе Хабаровске.

17. Музей Приамурского отдела Императорского русского географического общества создан в 1894 г. С 1902 носит название Гродековский музей. Н. И. Гродеков (1843-1913) – генерал-губернатор Приамурского края, первый председатель Приамурского отдела ИРГО, много сделавший для открытия музея и библиотеки в г. Хабаровске.

18. Тарасова (Васина), А. И. Письма Л. Я. Штернберга к В. К. Арсеньеву // Страны и народы Востока. – М., 1979. – Вып. 20 : Страны и народы бассейна Тихого океана ; кн. 4. – С. 33.

19. Удэгейцы — народ, проживающий в горных районах Приморского и Хабаровского краев. Удэгейский язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам.

20. Полевой, Б. П. Этнограф Понятовский о В. К. Арсеньеве // Дал. Восток. – 1976. – №9. – С. 36.

21. Stanis fw Poniatowski Dziennik wyprawy (do Kraju Gold w i Oroczon w w 1914 roku) // LUD T. L. – Wroc aw, 1966. – S. 35.

22. Лопатин И.А. (1888-1970) – этнограф. В 1914 г. был преподавателем Хабаровского реального училища, который занимался изучением жизни и быта нанайцев. В 1913 – 14 гг. на средства Общества изучения Амурского края (основано 1888 году в городе Владивостоке) проводил исследования

в долинах рек Амур, Уссури, Имана и Тунгуски. Позднее по итогам много летних экспедиций издал работу «Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического изучения». (Владивосток, 1922). В 1920–х годах приват-доцент Государственного Дальневосточного Университета (Владивосток). Эмигрировал в Маньчжурию. Профессор Педагогического института (Харбин). В 1929 г. защитил магистерскую диссертацию «География Ванкувера» в университете Британской Колумбии (Канада). Преподаватель на факультете антропологии Вашингтонского университета в Сиэтле (США). В 1935 г. защитил докторскую диссертацию в университете Южной Калифорнии (Лос-Анджелес). До конца жизни занимался сравнительным языкознанием народов Дальнего Востока. Судьба рукописей ученого до сих пор неизвестна.

23. Краниология – раздел антропологии, изучающий вариации размеров и форм черепа и его частей.

24. Моторный катер принадлежал П. И. Делле (управляющий государственными имуществами Приморской и Сахалинской области) — отец Николая Делле, ученика хабаровского реального училища, принимавшего участие в экспедиции 1914 г.

25. Названия населенных пунктов и сведения об их расположении взяты в «», цитируются по материалам архива Общества изучения Амурского края. Ф. 14. Оп. 1. Д. 111а. Т. 2. Л. 2-3.

26. Гродековский музей имел специальные этикетки для отправки грузов, такие перевозки были бесплатными.

27. Кучинский, А. Неизвестная переписка Владимира Арсеньева с польским этнологом Станиславом Понятовским // Вестник Сахалинского музея : ежегодник Сахал. обл. краевед. музея. – Южно-Сахалинск, 2001. – №8. – С. 131.

28. Подробнее о переписке см. Гончарова, С.В. История одной переписки; Кучинский, А. Неизвестная переписка Владимира Арсеньева с польским этнологом Станиславом Понятовским // Вестник Сахалинского музея : ежегодник Сахал. обл. краевед. музея. – Южно-Сахалинск, 2001. – №8.

29. По распоряжению А. Хрдлички коллекции были отправлены в Америку в 1917 г.

30. Архив Общества изучения Амурского края. Ф. 108. Оп. 1. Д.1. Л. 227 об.

31. Marcin Samsonowicz – G rski Dwa autografu W.K. Arseniewa w zbiorach Biblioteki Uniwersytetu Warszawskiego // Wroc awskie Studia Wschodnie. – 1998. – №2. – S. 24.

32. Poniatowski, S. Materials to the Vocabulary of the Amur River gold. (Materialy do slownica Goldow nadamurskich) // Bibliotheca Universitatis Liberae Polonae. – Varsaviae, 1923. – Easc. 10. – S. 1-11.

33. Кучинский, А. Неизвестная переписка Владимира Арсеньева с польским этнологом Станиславом Понятовским // Вестник Сахалинского музея : ежегодник Сахал. обл. краевед. музея. – Южно-Сахалинск, 2001. – №8.

34. Там же.

Библиография

Наумова Раиса Вячеславовна,
заместитель директора
Дальневосточной государственной
научной библиотеки

*Библиография — прекрасное дело,
но только тогда, когда ею занимаются
серьезно.*

(Н. Г. Чернышевский)

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию рубрику «Библиография». Одна из кардинальных задач этой рубрики – широкое освещение и популяризация регионального научного книгоиздания, знакомство с новыми издательскими проектами, учёными-авторами. Мы будем фокусировать своё внимание только на новейшей информации, вышедшей в виде различных печатных изданий, отвечающей проблематике данного журнала. Содержательная часть рубрики будет включать различную вторичную информацию: рецензии, аннотации и библиографические обзоры на монографии, материалы конференций, сборники научных трудов, учебные пособия, периодические издания, вышедшие как в России, так и за рубежом.

Рубрика «Библиография» будет выполнять функцию посредника в процессе донесения информации до читателей нашего журнала, ведь ни для кого не секрет, что в последнее время функция эта становится всё более значимой: информационный поток непрерывно растёт. Мы поможем вам, уважаемые читатели, выделить в информационном потоке самое интересное, самое важное, самое полезное и необходимое, охватывая широкий спектр гуманитарных наук и делая особый акцент на регионоведение.

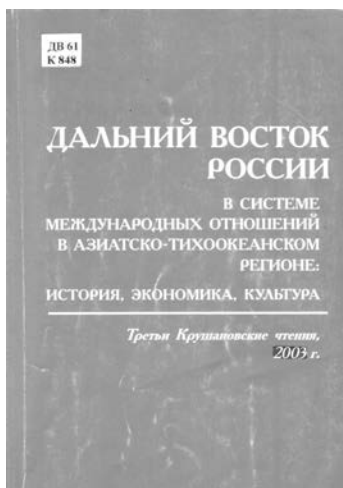
Вся информация в нашем разделе предназначена для широкого круга специалистов: историков, культурологов, социологов, политологов, для всех интересующихся историей и культурой Дальнего Востока России и соседних стран АТР.

Предлагаем всем читателям журнала регулярно следить за нашей рубрикой и получать разнообразную библиографическую информацию. Приглашаем к сотрудничеству профессиональных библиографов и учёных, обладающих глубокими библиографическими навыками. Ждём от вас новой информации, содержательных материалов, интересных предложений.

Итак, увлекательный мир библиографии открыт для вас!

Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе : история, экономика, культура: Третьи Крушановские чтения, 2003. – Владивосток : Дальнаука, 2006. – 636 с.

Впечатляющее по объему издание представляет собой сборник статей участников Международной научной конференции «Международные отношения на Дальнем Востоке России в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона: история, экономика, культура» (Третьи Крушановские чтения), которая проходила 23-24 сентября 2003 г. в Южно-Сахалинске. Главные организаторы конференции – администрация Сахалинской области, Дальневосточное отделение РАН и Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Третьи Крушановские чтения стали важным событием научной жизни Дальнего Востока и посвящены памяти выдающегося ученого А.И. Крушанова – доктора исторических наук, профессора, академика РАН, сыгравшего важнейшую роль в развитии исследований по истории российского Дальнего Востока и стран Тихоокеанского бассейна. В начале сборника размещена статья Л.И. Галлямовой и А.Т. Мандрик

«Академик А.И. Крушанов и его роль в развитии исторических исследований на Дальнем Востоке России». Поэтому неслучайно научная конференция «Международные отношения на Дальнем Востоке России в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона» привлекла к себе большое внимание научной общественности. Среди докладчиков, прибывших на конференцию, были исследователи из Москвы, Пекина (КНР), Хабаровска, Владивостока и др. городов.

Проблематика, которая интересовала и объединяла всех участников конференции, включала в себя самые разные аспекты истории Дальнего Востока России в контексте международных отношений в зоне АТР. Участники научного форума обсуждали проблемы истории, экономики и культуры Дальнего Востока, рассматривая их в тесной связи с итогами ушедшего столетия.

Работа Третьих Крушановских чтений проходила по четырём основным секциям, что и определило структуру настоящей книги. Первый её раздел составляют доклады первой секции — «Международные отношения в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона: история и перспективы» (руководители А.Т. Мандрик, М.С. Высоков). На секции были подняты такие важные проблемы, как роль человеческого фактора в интеграционных процессах России и Японии; тенденции международного сотрудничества в сфере энергетики; место Сахалина и Курильских островов в истории Восточной Азии; геополитические противоречия и культурные связи России и Японии; международные переговоры по решению северокорейской ядерной про-

блемы; взаимоотношения Китая, России и Японии и т.д.

На секции «Современное положение и перспективы развития Дальнего Востока России (экономика, право, демография, культура, геополитика)» (руководители Е.Н. Лисицын, В.Г. Макаренко), материалы которой составили второй раздел, большой интерес вызвали такие актуальные проблемы, как российский Дальний Восток в геополитической структуре современного мира; современная региональная символика; национальный состав населения Сахалинской области за последние сто лет; модернизация высшего образования на современном этапе и др.

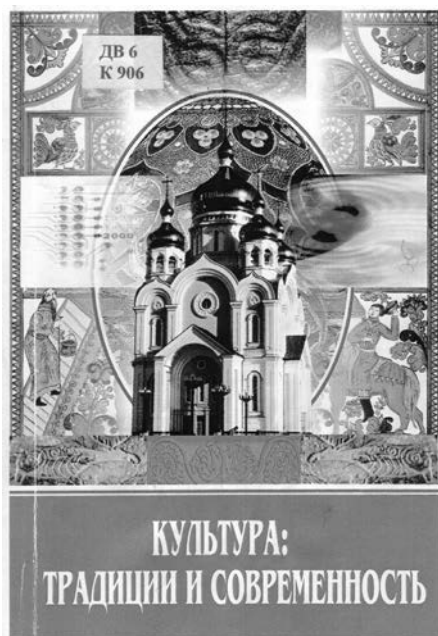
Различные аспекты исторического прошлого дальневосточного региона, в частности, проблемы освоения и социально-экономического развития Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX вв. были рассмотрены участниками третьей секции — «Исто-

рия Дальнего Востока России» (руководители Л.И. Галлямова, А.М. Пашков).

На четвертой секции — «Становление культурных традиций на Дальнем Востоке России: исторический аспект» (руководители А.И. Костанов, В.М. Латышев) — шёл оживленный диалог по проблемам становления архивного дела на Дальнем Востоке; роль А. П. Чехова в культурном пространстве Дальнего Востока России и Японии; прогрессивные градостроительные идеи на Дальнем Востоке; проблемы высшего и специального образования; этнокультурные традиции населения Дальнего Востока России и т. д.

В целом проблематика Третьих Крушановских чтений разнообразна, что позволяет многоаспектно осветить историю Дальнего Востока России в контексте международных отношений последних полутора столетий. Стоит ли говорить о том, сколько интересной информации найдут для себя специалисты в этом сборнике!

Культура : традиции и современность : сб. науч. ст. / под ред. В. В. Романовой. – Хабаровск : ДВГГУ, 2006. – 162 с.

Сборник научных статей подготовлен сотрудниками кафедры теории и истории культуры Дальневосточного государственного гуманитарного университета. Издание включает материалы по различным аспектам развития культуры в региональном разрезе. Авторами сборника являются преподаватели высших учебных заведений Хабаровского края. По специальности это культурологи, философы, этнографы, историки, лингвисты и искусствоведы.

Сборник отражает широкий спектр научных материалов по вопросам современной и традиционной культуры: статьи по проблемам культурной политики государственных органов власти Хабаровского края в 1990-2005 гг. (автор — А.В. Федосов); по этнографии

и духовной культуре аборигенов, авторы — С.Н. Скоринов, В.А. Островерх, М.В. Осипов, Н.П. Рудь и др.); по проблемам молодежной субкультуры и распространению глобальной мировой сети Интернет. Второй раздел сборника «Проблемы региональной культуры» содержит ряд статей, посвященных некоторым аспектам развития театральной и музыкальной жизни дальневосточного региона, например, статья Э.М. Владыкиной «Из истории развития еврейского музыкального творчества на Дальнем Востоке».

Особо следует выделить научные публикации крупных хабаровских ученых-культурологов. Среди них: Л.Е. Бляхер, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и

культурологии ТОГУ, опубликовавший две статьи — «Региональные варианты межкультурной коммуникации (на примере Хабаровска и Санкт-Петербурга) и «Диалог культур — нравственная основа преподавания мировой художественной культуры»; П.Я. Гонтмахер, доктор исторических наук, профессор кафедры ТиИК ДВГГУ опубликовал статью о крупнейшем музыковед и культурологе И.И. Соллертинском.

Учитывая явный недостаток региональной научной литературы по культурологии в общем документальном потоке, данное издание имеет практическую и теоретическую ценность и демонстрирует научный потенциал кафедры одного из старейших и признанных вузов Хабаровского края.

Орехов, А. А. Народы Северо-Востока России в XIX в. : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / А. А. Орехов ; Фил. Рос. гос. гуманит. ун-та в г. Магадане. — Магадан : Кордис, 2007. — 70 с.

Нижнее-Колымск, Ново-Мариинск, Марково, Тауйск, Гижинск, Охотск... Основанные россиянами, эти поселения стали отправными пунктами многочисленных экспедиций по исследованию Охотско-Камчатского края, Чукотки и Северной Америки, здесь осуществлял-

ся диалог традиционной культуры аборигенов и культуры россиян.

В XIX в. уточнялись карты и чертежи Чукотки, Охотоморья, Камчатки и Русской Америки, более интенсивным стало взаимодействие россиян и аборигенов, продолжалось научное изучение региона. Время приобретений и потерь.

Истории Северо-Востока России, народов его населявших и осваивавших в XIX в., посвящено настоящее пособие. Столетнее развитие Охотско-Камчатского края и Чукотки в составе Российского государства: в этот период происходило развитие русских населённых пунктов, контактов россиян с аборигенным населением, организация управления краем, проведение сухопутных трактов, развитие речных и морских путей. Суровые природно-климатические условия, чуждые европейцам образ жизни, нравы и обычаи местного населения

требовали дополнительных, нередко напряжённых политических, хозяйственных, административных и, наконец, военных усилий, чтобы огромная территория на Северо-Востоке Азии стала органичной частью Российской империи.

В пособии впервые даётся комплексная характеристика территориально-административных единиц региона в XIX в.: этнодемографическая, социально-экономическая, политическая, историко-культурная. Впервые публикуются материалы об обычном (традиционном) праве коренных жителей, которое длительный период сосуществовало с государственным правом, носителями и представителями которого являлись административные органы: начальник округа, исправник и т. д.

В пособии впервые публикуются материалы из фондов Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) и Иркутского областного госархива (ИОГА).

Пособие подготовлено в соответствии с учебной программой «Народы Северо-Востока России в XIX в.», рассчитано на студентов высших учебных заведений и представляет национально-региональный компонент учебного курса «История России».

Пособие состоит из введения, семи глав и заключения, имеет методический и научно-справочный аппарат и приложения.

Читайте в следующем номере:

В разделе **«Актуальная проблема»** будет продолжена заявленная в первом номере тема. Готовятся к публикации материалы проведенного 20 ноября 2007 года совместного заседания коллегий министерств культуры и образования Хабаровского края, на котором был рассмотрен вопрос о комплексе мер по развитию художественно-эстетического образования в Хабаровском крае до 2010 года.

В разделе **«Точка зрения»** будет напечатана еще одна статья ректора Высшей школы культурологии Московского государственного университета культуры и искусств, доктора философских наук, профессора А.Я. Флиера **«Культура как инструмент управления»**. Она в той или иной мере продолжает полемический тон опубликованной в первом номере журнала статьи. Во втором номере начинают печататься материалы раздела **«Художественная сфера»**. Это статьи заведующего кафедрой литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре), руководителя научно-исследовательского центра **«Литература и культура Дальнего Востока и дальневосточного зарубежья»**, доктора филологических наук, профессора О.А. Бузуева **«Литература русского зарубежья Дальнего Востока в национальном культурном процессе XX века»**, в центре внимания которой — процесс формирования и развития творчества дальневосточных авторов в сложных геополитических условиях харбинской эмиграции 1920—40-х годов прошлого века, и заведующего кафедрой народ-

ного хорового искусства Хабаровского государственного института искусств и культуры, кандидата педагогических наук, профессора, заслуженного работника культуры Российской Федерации В.Т. Романова **«Региональные аспекты развития народно-инструментального исполнительства»**, рассматривающей как теоретические, так и исторические проблемы становления и дальнейшей эволюции этого жанра музыкального искусства на Дальнем Востоке.

Внимание читателя привлечет статья раздела **«Историописание»** **«Из истории еврейского населения Дальнего Востока»**, написанная проректором по научной работе и международному сотрудничеству Дальневосточного государственного гуманитарного университета, доктором исторических наук, профессором В.В. Романовой.

В разделе **«Библиография»** читатели познакомятся с новыми юбилейными издательскими проектами, посвященными 70-летию образования Хабаровского края и 150-летию г. Хабаровска: сборником документов Государственного архива Хабаровского края **«Мастера кисти и резца»** (Хабаровск, 2007); новой книгой известного хабаровского краеведа, историка М.Ф. Буриловой **«Общество старого Хабаровска»** (Хабаровск, 2007).

В следующем номере будут также опубликованы:

«Краткий мифологический словарь. Нанайцы»

Продолжение работы доктора культурологии, кандидата исторических наук Сергея Нестеровича Скоринова.

«Мировое древо и мифологическая картина мира. Три лекции по спецкурсу «Мифология народов Приамурья и общая теория мифосимвола»

Мы продолжаем печатать материалы из наследия кандидата философских наук, профессора Ефима Давыдовича Бляхера.

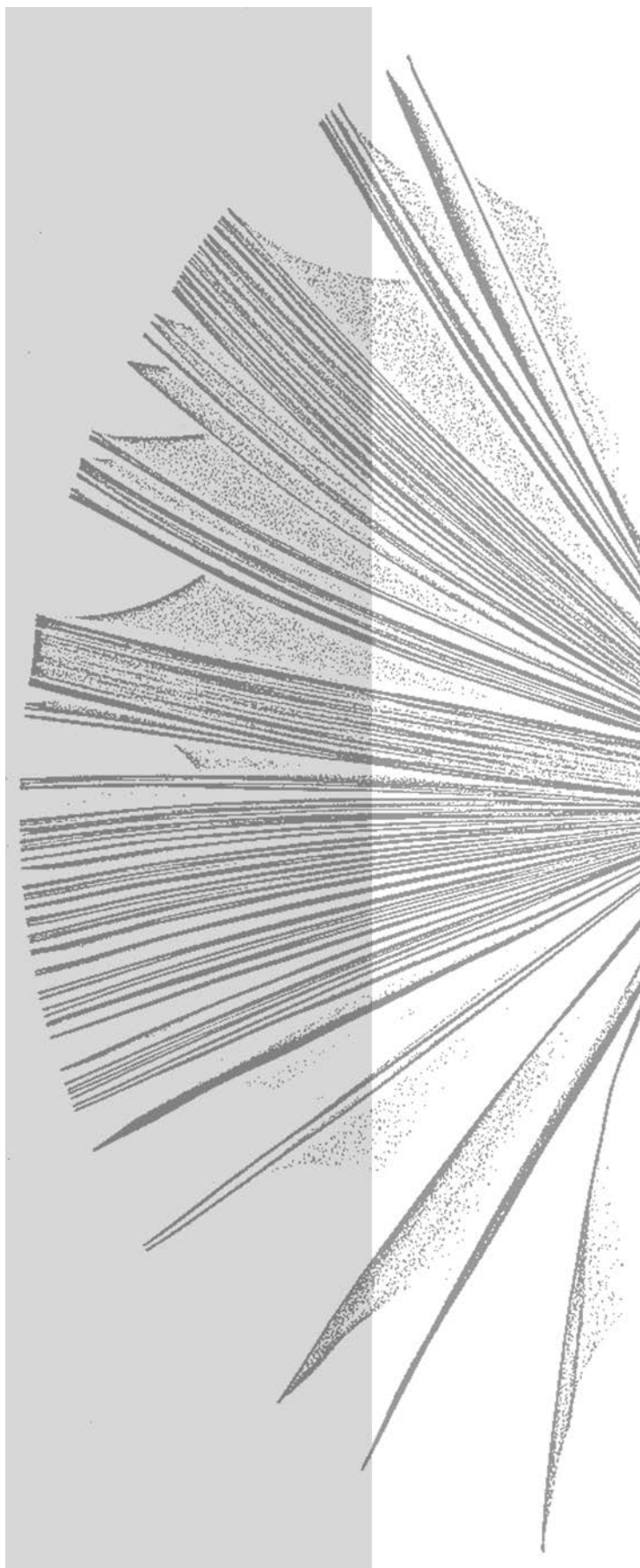
«Неизвестная этнографическая экспедиция»

Статья кандидата исторических наук, старшего преподавателя Хабаровской государственной академии экономики и права Светланы Владимировны Гончаровой, включающая в себя не введенные в научный оборот до настоящего времени многочисленные документы и коллекции, относящиеся к исследованиям польского этнографа и антрополога С.Ф. Понятовского в Приамурье из архивов Польского этнографического общества во Вроцлаве.

«Столетняя рапсодия – загадка японской литературы»

Лекция японского писателя Симада Масахико, прочитанная в рамках дней японской книжной культуры в Хабаровске 27 октября 2007 года.

И другие публикации, рассказывающие о малоизвестных страницах истории и культуры Дальнего Востока.

Требования к оформлению материалов, поступающих в редакцию

Общие требования к авторским материалам

Предоставляемые материалы должны быть оригинальными, то есть не публиковавшимися ранее, на русском языке в виде статей, сообщений, рецензий, информационных и других материалов. Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты — выверены. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

Статьи отбираются для публикации с учётом их актуальности, научно-практической значимости, чёткости, логичности изложения, в соответствии с профилем журнала и его стилем, не допускающим использования грубых разговорных выражений и стилистических вольностей. Также к публикации не допускаются иллюстрации, содержащие нецензурную лексику и непристойные изображения. Срок рассмотрения присланных статей — один месяц.

Требования к содержанию и объёму

В оригинальных авторских текстах должна быть обоснована актуальность темы, чётко определены цель и задачи исследования. Статьи и другие материалы должны быть научно аргументированы, содержать обобщения, выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью.

Максимальный объём:

- ключевой статьи, аналитического материала, эссе не должен превышать 40 000 знаков;
- учебные и методические материалы, обзоры литературы — 20 000 знаков;
- рецензии — 8 000 знаков.

Статьи большего объема могут разбиваться на части для публикации в двух или более номерах журнала. Готовая статья должна иметь название, быть чётко структурированной и содержать подзаголовки. Статья должна снабжаться аннотацией как на русском, так и английском языках, раскрывающей её содержание.

К статье должен прилагаться перечень ключевых слов, то есть основных понятий, используемых в статье.

Обязательно наличие фото и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

- занимаемая в настоящее время должность и место работы;
- опыт работы в данной сфере;
- учёное звание (если есть);
- учёная степень (если есть);
- сфера профессиональных интересов (не обязательно).

Требования к фотографии: портретное фото в формате TIFF или PSD с разрешением не менее 300 pixels.

Технические требования

Текст статьи должен быть набран в соответствии с правилами компьютерного набора с одной стороны белого листа бумаги стандартного формата (A4). На странице рукописи должно быть не более 28 строк, 60 знаков в каждой строке, отпечатанных через 1,5 интервала (это относится к таблицам и примечаниям). Авторы представляют в редакцию 1 экз. статьи и идентичный вариант на дискете. Текст должен быть набран в редакторе Word for Windows, шрифт Times NR, размер 14. Желательно не использовать колонтитулы, встроженные номера страниц, даты, шаблоны.

Заглавие статьи печатается строчными буквами. Фамилия, имя и отчество автора(ов) пишется над заглавием статьи (для рецензий и информационных материалов — в конце статьи).

В тексте статьи следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстраций. Рисунок должен иметь объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, название, расположенное под рисунком. В тексте на рисунок даётся ссылка. Таблица должна иметь порядковый номер, заголовок, расположенные над таблицей. Все графы в таблице пишутся с прописной буквы, сокращение слов в таблице не допускается. Данные таблицы и рисунков не должны дублировать текст.

Цитаты тщательно сверяются с первоисточником и визируются автором статьи на оборотной стороне последней страницы: «Цитаты и фактический материал сверены». Подпись, дата.

Рукопись должна быть тщательно вычитана. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку.

Рукопись в конце обязательно подписывается авторами. Дата.

Оформление списка литературы

Все публикации, которые цитируются или упоминаются в тексте, должны быть представлены в списке используемой литературы в конце статьи. В тексте ссылка на источник дается с помощью цифры в квадратных скобках «[1]», соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы.

Список литературы составляется по алфавиту и оформляется согласно действующим библиографическим требованиям. Обязательно должны быть указаны: фамилия и инициалы авторов, полное название книги (сборника), город, издательство, год издания. Желательно также указывать номера цитируемых страниц и общее количество страниц в издании. При оформлении библиографических данных журнальных статей должны быть указаны: фамилия и инициалы автора, полное название статьи, название журнала, год издания, номер журнала, номера страниц. Ссылки на иностранную литературу следует давать на языке оригинала без сокращений.